

Broken

PROMISE

M. JAMES

Брак с Лукой должен был стать моим спасением, но теперь это просто тюрьма, из которой я не могу сбежать. Выйти замуж или умереть, таков был мой выбор.

Когда нападение братвы на нашу свадьбу ставит моего нового мужа в положение Дона, все его обещания мне откладываются. Теперь я в позолоченной клетке, запертая вдали от всего, что может причинить мне вред, за исключением человека, у которого есть ключ.

Одна страстная ночь заставили меня усомниться во всем, во что я верила о мужчине, за которого я вышла замуж против своей воли, и оставила мне тайну, за сохранение которой я умру.

Он нарушил свое обещание.

Теперь мне придется нарушить свое.

Перевод осуществлён TG каналом [themeofbooks](https://t.me/themeofbooks) — t.me/themeofbooks

Переводчик [_Sinelnikova](#)

СОФИЯ

Я просыпаюсь от флуоресцентных ламп надо мной и запаха дезинфицирующего средства, наполняющего мой нос. На мгновение я полностью дезориентирована, мое последнее воспоминание, как я кладу фрукты ложкой на фарфоровую тарелку в банкетном зале отеля.

Затем я полностью открываю глаза и понимаю, где я нахожусь.

Я в больнице, лежу на больничной койке. Я чувствую, как что-то тянет меня за руку, и когда я оглядываюсь, я вижу, что в моей руке капельница, какой-то аппарат, подключенный ко мне, отслеживает частоту моего сердцебиения тихими, ровными звуковыми сигналами, которые ускоряются по мере того, как воспоминания начинают возвращаться. Взрыв... разбитое стекло и дым, заполняющий комнату, опрокинутые стулья и крики гостей. Тело Луки поверх моего, кровь изо рта и носа. И еще больше крови на его боку...

Я задыхаюсь, заставляя себя подняться изо всех сил. Мой первый, непреодолимый страх, это то, что он мертв. Я даже не трачу время на то, чтобы разобраться, почему или задаться вопросом, почему меня это должно волновать после всего, что произошло. Мой муж, возможно, мертв. Необъяснимо, но эта мысль наполняет меня грустью, может быть, недостаточно глубокой, чтобы называться горем, но что-то щемящее и пустое затягивается в моей груди.

Если я стану вдовой, Дон Росси убьет меня.

Я рада, что это была не моя первая мысль, но это определенно моя вторая. Если Лука мертв, некому защитить меня. Это не единственная причина, по которой я надеюсь, что он жив, но это определенно одна из них. И я не могу не задаться вопросом, почему он вообще бросился закрывать меня. Если бы я погибла при взрыве, это решило бы для него две

проблемы: у него больше не было бы нежеланной жены. Ему также не пришлось бы чувствовать ответственность за то, что Росси позволил бы меня убить. Я бы стала просто несчастной жертвой что бы, черт возьми, ни случилось в отеле.

Раздается стук в дверь, и входит пожилая блондинка-медсестра с легкой улыбкой на лице.

— О, миссис Романо. Рада видеть, что вы пришли в себя!

Миссис Романо. Я впервые слышу, чтобы кто-то так ко мне обращался, и на короткую секунду у меня возникает желание сказать — *"Нет, я мисс Ферретти, вы, должно быть, ошиблись комнатой"*. И тогда я вспоминаю, что я... Романо, жена Луки во всех отношениях.

Воспоминание о нашей первой брачной ночи заливает меня краской, и я чувствую себя неловко. Все в той ночи казалось неправильным и сбивающим с толку, а затем это недоразумение или же злой умысел, когда я узнала, что мне вообще не нужно было этого делать, и Луке пришлось порезать мне бедро в качестве последнего средства, а не первого. Сейчас я даже не чувствую жжения от пореза, но рефлекторно мне хочется протянуть руку и дотронуться до него. Однако я этого не делаю, вместо этого я поднимаю взгляд на медсестру, когда она приближается к моей кровати.

— Как вы себя чувствуете? — Вежливо спрашивает она, заглядывая в планшет в ногах моей кровати. — Вам повезло, миссис Романо. Ваши травмы оказались незначительными. Небольшие ушибы и легкое сотрясение мозга, но это пройдет довольно быстро. Внутреннего кровотечения нет, и повреждение внутренних ушей, похоже, также незначительное. У вас есть несколько царапин и порезов, но все это довольно поверхностно. — Она улыбается мне. — Вам очень повезло.

То, как она это говорит, заставляет мой желудок сжаться. Что-то в ее голосе подразумевает, что другим повезло меньше.

— А как насчет моего мужа? — Спрашиваю я, мой голос похож на хриплое карканье.

— Травмы мистера Романо были более серьезными, но он жив, — быстро добавляет медсестра в конце, увидев мое лицо.

— Что вы имеете в виду, под более серьезные?

— У него глубокая рваная рана на боку, и мы нашли там несколько осколков стекла. У него также была перфорация барабанной перепонки, но она заживет в течение пары недель, и он скоро сможет вернуться домой. Сейчас он под наркозом, после процедуры по удалению стекла и зашиванию рваной раны на боку.

— Могу я пойти повидаться с ним? — Вопрос даже меня удивляет, я не уверена, почему я хочу его увидеть. Может быть, это потому, что я чувствую себя виноватой, что облегчение, охватившее меня, когда я услышала, что он жив, составляет по крайней мере шестьдесят процентов, потому что теперь я знаю, что я в безопасности или, по крайней мере, в безопасности, насколько это возможно. Мой муж все еще жив. Остальные сорок процентов, это потому, что у него была доля секунды, чтобы принять решение, и он решил защитить меня. Я не знаю почему, но мне бы хотелось его увидеть. И как бы я ни злилась из-за событий нашей брачной ночи, я хотела бы, по крайней мере, иметь возможность поблагодарить его.

— Я могу проводить вас в его палату, — говорит медсестра после минутного раздумья. — Но вам пока нельзя входить. И ненадолго, вам тоже нужно отдохнуть.

— Хорошо, — быстро соглашаюсь я. — Ненадолго. Я просто хочу его увидеть.

Медсестра лучезарно улыбается мне, без сомнения, думая, что я новобрачная,

влюбленная в своего мужа и скучающая по нему. Позволить ей поверить в это не повредит, и я не утруждаю себя тем, чтобы заставить ее думать иначе, пока она помогает мне встать с больничной койки, отключает подключение к монитору и показывает, как передвигать мою подставку для капельницы.

Я ненавижу все это. Даже пентхаус предпочтительнее, чем находиться здесь, с трубками, выходящими из моей руки, и в больничной рубашке. Я чувствую себя больной и слабой, и это слишком сильно напоминает мне о том, как я в последний раз была в больнице со своей матерью, за несколько месяцев до ее смерти. Я изо всех сил стараюсь не думать об этом, не вспоминать, как она превратилась из красивой, энергичной женщины в подобие самой себя, ее блестящие светлые волосы исчезли, идеальная кожа высохла и потрескалась, ее некогда здоровое и сильное тело превратилось в хрупкий скелет. Я даже не узнавала ее к концу, и часть меня была рада, что моего отца не было рядом, чтобы видеть ее такой, и что его последним воспоминанием о ней будет женщина, на которой он женился, ради которой он многим рисковал, потому что так сильно любил ее. По крайней мере, отчасти это было просто потому, что она была русской, я это знаю, но всегда был намек на что-то еще, на какую-то причину, по которой он никогда не должен был жениться на ней, но все равно женился.

Мама была рада, что он тоже не был рядом и не видел ее. Она сказала мне то же самое незадолго до своей смерти. А потом она отдала мне свое ожерелье и сказала, что надеется скоро снова его увидеть. Но было что-то в ее глазах, что кричало мне, что на самом деле она в это не верит. Во что бы она ни пыталась верить всю свою жизнь, выросшую в ортодоксальных церквях своего дома, болезнь унесла ее, как и все остальное. Я тоже в это не верю. Точно так же, как я больше не верю в сказки. Если и есть рай или ад, то это тот, который мы создаем здесь, и ничего больше.

Я все еще не уверена, на что будет похожа моя жизнь с Лукой. Не на рай, я уверена в этом. Но если он заботится обо мне настолько, чтобы броситься и закрыть меня во время взрыва, возможно, это промежуточная позиция. Чистилище, если хотите.

Медсестра проводит меня до окна палаты Луки. Он лежит в кровати, подключенный к тем же самым трубкам и проводам, что и я ранее, и спит, как она и сказала. Он выглядит бледнее обычного, и я вижу синяки вокруг его глаза и одной стороны лица, порезы на шее и руках.

— Ему тоже повезло, — тихо говорит медсестра, проследив за моим взглядом. — Если бы что-то такое большое, как то, что застряло у него в боку, попало ему в шею, его бы сейчас здесь не было.

От этого по мне пробегает холодок, которого я не ожидала, и я не уверена, для него это или для меня. Меня, по крайней мере частично, из-за того, насколько моя жизнь связана с его. Но также из-за него, и я не хочу признавать, что мне не все равно. Что даже если я не хочу быть его женой, даже если я ненавижу его больше, чем немного за все это, и во многом виню в этом его готовность идти навстречу вместо того, чтобы найти какой-то другой выход для меня, я не хочу, чтобы он умирал.

Он выглядит почти таким умиротворенным, лежа на больничной койке с простыней, подоткнутой под мышками. Вот так его лицо выглядит мягче, моложе, резкие линии челюсти и скул более расслаблены во сне. Он больше похож на человека, с которым я могла бы столкнуться на улице или постучаться прямо в Tinder, а не на закоренелого преступника, заместителя главы самой печально известной и могущественной организации в мире.

Я его жена. Жена мафиози. У меня от этого мурашки бегут по коже. Я не хочу иметь к этому никакого отношения, и все же я часть этого и всегда была. Я пыталась выбраться, но с каждым днем меня затягивает все глубже и глубже.

— Что насчет остальных? — Тихо спрашиваю я. — Семья Росси... Катерина и ее мать, и...

— Мисс Росси и ее жених мистер Бьянки в порядке. Мне сказали, что мистера Бьянки даже не было в комнате, поэтому он, конечно, не получил никаких травм. У мисс Росси также были небольшие ушибы и легкая перфорация барабанной перепонки, но она быстро заживет. Что касается мистера Росси... — Медсестра делает глубокий вдох. — Он в критическом состоянии. Я не могу сообщить точных подробностей, поскольку вы не являетесь членом его семьи, но мы не уверены...

— Мое сердце бьется так сильно, что я слышу его. — Не уверены в чем?

— Его состояние очень критическое, — снова говорит медсестра. — Это действительно все, что я могу сказать.

— А его жена? Джулия?

Молчание медсестры подсказывает мне ответ еще до того, как она заговорит.

— Миссис Росси не пережила взрыв, — тихо говорит она. — Мне очень жаль. Я предполагаю, что они были вашими друзьями?

— Моего мужа. — Я чувствую оцепенение. Я не очень хорошо знала миссис Росси, но ничто в ней никогда не казалось мне особенно злобным или неприятным. Она держалась со мной холодно и официально, и у меня сложилось впечатление, что она была счастлива жить той жизнью, за которую вышла замуж, и наслаждаться привилегиями, закрывая глаза на преступления и интрижки своего мужа. Однако она не выглядела чрезмерно довольной, когда наутро после свадьбы они пришли посмотреть кровать, и у меня сложилось отчетливое впечатление, что она сочла эту церемонию устаревшей и нелепой. Она была вежлива со мной и любила свою дочь.

Она не заслуживала смерти. Особенно, когда в одной комнате находится такой человек, как ее муж, человек, который безудержно зол, который убил бы меня просто ради собственного спокойствия, который угрожал Луке, человеку, которому он должен доверять больше всего на свете, если бы он отказался изнасиловать свою невесту в ее первую брачную ночь. В конце концов я согласилась, но все равно, я знаю, Росси было все равно. Ему было бы все равно, если бы Лука связал меня и заткнул мне рот кляпом, главное, чтобы это было сделано.

Он должен был умереть, а не Джулия. Я чувствую, как у меня сжимается горло, глаза горят от слез, когда медсестра помогает мне вернуться в мою палату. Катерина. Больше всего на свете я хочу пойти к ней, помочь ей пройти через это любым доступным мне способом прямо сейчас. И я сделаю это, как только нас всех выпишут из больницы, я обещаю себе. Я точно знаю, как больно терять родителей. А Катерина пыталась быть доброй ко мне только с тех пор, как мы встретились.

— Вам нужно отдохнуть, — строго говорит медсестра. — Возможно, вы не сильно пострадали, но вы через многое прошли, миссис Романо. Вам потребуется некоторое время, чтобы оправиться от шока.

— Я...

— Я собираюсь дать вам успокоительное, — говорит она. Прежде чем я успеваю возразить, она уже вводит что-то мне в капельницу. — Отдохните немного, миссис Романо.

Я не чувствую, что могу отдохнуть. Мой желудок скручивается в узел, горло и глаза горят от непролитых слез, и я чувствую, что все стало намного хуже. Я чувствую, как наступает некоторый шок, осознание того, что если на нас напали, а на нас, должно быть, напали, то не может быть совпадением случайный взрыв в отеле, где мы остановились после свадьбы, и это может случиться снова. Это может произойти здесь. В пентхаусе Луки. Смогу ли я когда-нибудь по-настоящему чувствовать себя в безопасности?

Предполагалось, что свадьба должна была отодвинуть Братву назад, а также удовлетворить Росси. Похоже, последнее удалось, но не первое. И если честно, я не знаю, кто пугает меня больше.

* * *

Когда я снова просыпаюсь, я чувствую головокружение, вероятно, из-за последствий успокоительного. Во рту сухо и липко, и я отчаянно хочу пить. Я быстро моргаю, пытаюсь немного сесть, морщась от рези в глазах.

— Рад видеть, что ты проснулась.

Звук глубокого голоса Луки полностью приводит меня в сознание. Я оглядываюсь и вижу, что он сидит у моей кровати, полностью одетый в черные брюки и бордовую рубашку с расстегнутым воротом. Но даже в таком виде я никогда его не видела таким безупречным. Рубашка немного помята, а волосы растрепаны, что снова делает его моложе и доступнее. Рукава закатаны до локтей, и я вижу несколько перевязанных пластырем на его руках, а также один на шее. Он слегка улыбается мне, и на этот раз это не кажется рассчитанным или осторожным. Кажется, он искренне рад видеть, что я проснулась и жива.

— Не мог бы ты принести мне немного воды? — Спрашиваю я неуверенно, кивая в сторону бокового столика, который находится вне досягаемости, где стоят пластиковый кувшин и чашки.

Лука кивает, молча встает и наливает немного воды в чашку. От одного только звука плеска у меня начинает болеть рот и сжимается горло, возможно, капельница вливала в меня жидкость, но я все еще чувствую себя пересохшей, как Сахара, и я с благодарностью беру чашку, когда он протягивает ее мне, и делаю большой глоток.

— Спокойней, — говорит Лука, снова садясь. — Не подавись.

Он говорит это небрежно, но в его глазах есть намек на настоящее беспокойство. Всего на секунду я еще раз мельком представляю, на что это было бы похоже, если бы мы были обычной парой, если бы Лука был обычным мужем, приносящим немного воды для своей любимой жены, и мы оба оправлялись от травмы, которую только что пережили.

— Как ты себя чувствуешь? — Спрашиваю я, как только заканчиваю с водой. — Медсестра сказала...

— Я в порядке, — отрывисто говорит Лука. — Несколько царапин и ушибов, но в основном все в порядке.

— Она сказала, что у тебя довольно серьезная травма в боку. Я видела это, когда... когда ты был на мне. — Я тяжело сглатываю, точно зная, как прозвучало это последнее предложение. Это навеивает воспоминания о другом разе, когда он был на мне, когда я узнала, каково это, чувствовать его внутри себя.

— У меня бывало и похуже, — мрачно говорит Лука. — Нельзя дожить до тридцати лет в мафии, не получив хотя бы одного выстрела.

Я пристально смотрю на него.

— У тебя это было?

— Пару раз. — Лука пожимает плечами. — Это случается.

И вот так, любая иллюзия, что мы когда-нибудь сможем быть нормальными, снова разбивается вдребезги. Не то чтобы я законно думала, что это возможно. Но момент был почти приятным. Мысль о том, что в Луку стреляли, не совсем вызывает у меня ту реакцию, которая была, когда я думала, что он мертв. Прошлой ночью мне вроде как хотелось самой застрелить его. Просто не смертельно.

— Я рад, что ты цела, — тихо говорит Лука, наклоняясь вперед на своем сиденье. — И невредима. Я благодарен за это. Медсестра говорит, что теперь, когда ты проснулась, ты сможешь пойти домой.

У меня больше нет дома, но я понимаю, что он имеет в виду... пентхаус, даже если это всегда будет его дом, а не мой. Надеюсь, скоро у меня, по крайней мере, будет своя квартира, даже если я не уверена, что и там буду чувствовать себя как дома.

— Ты спас меня. — Выпаливаю я слова, которые вертелись у меня на кончике языка с тех пор, как я проснулась и увидела его сидящим там. — Ты закрыл меня, когда произошел взрыв. Почему ты это сделал? Ты мог умереть.

Черты его лица тщательно скрываются, я вижу, как это происходит.

— Ты моя жена, — холодно говорит он.

— И ты мог бы решить две проблемы за один раз, позволив мне умереть, — указываю я. — Стал бы свободен, без чувства вины за то, что позволил Росси убить меня. Я уверена, что горе вдовца могло бы во многом согреть и твою постель.

— Мне не нужно горе, чтобы согреть мою постель, — натянуто говорит Лука. — Если я захочу другую женщину, я ее получу. Если я захочу тебя, ты будешь у меня. Что касается того, что я сделал, я зашел так далеко, чтобы защитить тебя. Зачем останавливаться на достигнутом? С таким же успехом можно было бы довести дело до горького конца изначально.

Слова звучат неубедительно, даже когда он их произносит. Я знаю так же хорошо, как и он, я уверена, что это всего лишь прикрытие для настоящей правды, что он сам не понимает, почему инстинктивно защищал меня. Его ответ только подтверждает это для меня. Но я не позволю остальной части того, что он сказал, пройти так легко.

— Ты не можешь обладать мной, когда захочешь, — тихо говорю я. — То, что произошло в нашу первую брачную ночь... это больше не повторится, Лука. Сейчас для этого нет причин. Ты доказал Росси, что я твоя, — с горечью выдавливаю я, — но я не собираюсь быть игрушкой для твоего удовольствия. Этот единственный раз был последним.

— Конечно. — Лука пожимает плечами. — Это был не самый лучший трах в моей жизни, София.

Я вздрагиваю. Слова не должны жалить, мне должно быть даже все равно, но они жалят. Это просто еще одна сбивающая с толку реакция на него в длинной череде таких реакций, с тех пор как я проснулась в его постели после того, как он спас меня. Я должна быть рада, если он не получил удовольствия, счастлива, что он будет склонен не пытаться снова, не прижмет меня к дверям и не будет неистово целовать, не опрокинет меня над диванами и не подведет меня так близко к оргазму, что я буду чувствовать, что могу умереть, если... Господи, София, возьми себя в руки. Я тяжело сглатываю и чувствую, как краснеет мое лицо. При одном воспоминании у меня по коже пробегает жар, и я изо всех сил стараюсь выкинуть это из головы, забыть о смешанном удовольствии, отрицании и смущении той ночи.

— Не принимай это так близко к сердцу, — легко говорит Лука. — Ты была девственницей, и ты даже не хотела этого. Я ожидал, что ты будешь холодной рыбой.

Его слова ощущаются как кинжалы, острые и режущие, даже если они не предназначены для оскорбления. Он говорит это так небрежно, и я никогда не чувствовала себя менее похожей на жену, не говоря уже о любимой. Я чувствую себя чем-то, с чем он покончил и готов отказаться теперь, когда он выполнил свой долг. Это именно то, чего я должна хотеть, напоминаю я себе. Чем скорее у меня будет свое собственное место, и я смогу установить некоторую дистанцию между ним и мной, тем скорее я перестану чувствовать все эти ужасные, противоречивые, сбивающие с толку вещи.

— Медсестра рассказала мне о других, — быстро говорю я, меняя тему. В тот момент, когда я думаю об этом... о смерти миссис Росси, горе Катерины, я чувствую себя виноватой даже за то, что меня волнуют оскорбительные комментарии Луки. Катерина только что потеряла свою мать, и я в своих чувствах, потому что мой новый муж оскорбил мои, по общему признанию, несуществующие навыки в постели. — Я имею в виду, о Доне Росси Джулии. Что это значит для тебя... для нас?

Лицо Луки становится очень неподвижным.

— Дон Росси в очень критическом состоянии, — тихо говорит он. — В последний раз я разговаривал с доктором непосредственно перед тем, как прийти сюда, он в сознании, но они продержат его неопределенное время. У него серьезные повреждения ног и, возможно, позвоночника, а также травма головы. Ему потребуется обширная операция, если он собирается снова ходить, и есть внутренние повреждения, что способствовали внутреннему кровотечению. Он далек от того, чтобы выйти из затруднительного положения.

Это так несправедливо. Есть что-то немного поэтичное в том, что Дон Росси страдает на больничной койке после всего, через что он заставил меня пройти. Тем не менее, я не могу избавиться от ощущения, что это ужасная несправедливость, что он вообще жив, когда его жена мертва. Я пытаюсь представить, как он скорбит по ней, и не могу. Я вообще не могу представить себе никаких настоящих эмоций с его стороны.

— Он не в той форме, чтобы продолжать быть главой семьи в качестве дона, — продолжает Лука. — Мы зайдем повидаться с ним, прежде чем я отвезу тебя домой, и Катерина и Франко тоже будут там. Франко вступит в свою новую роль младшего босса, роль, которую я исполнял до сих пор. — Он делает глубокий вдох, его зеленые глаза встречаются с моими. — И я стану новым доном.

СОФИЯ

Я чувствую себя так, как будто из моего тела высосали все дыхание. Я подозревала что-то подобное, когда медсестра сказала, что Росси в критическом состоянии. Но я не хотела думать об этом. С Лукой во главе... я не хочу думать о том, что произойдет дальше. Если он станет жестче, безжалостнее и нетерпеливее со мной, если он будет ожидать, что я исполню ту же роль, что и Джулия, роль жены хорошего дона мафии. Я знаю, он надеялся, даже ожидал, что пройдут годы, прежде чем произойдет что-то подобное.

— Я думал, у меня будет больше времени, чтобы подготовить тебя, — тихо говорит

Лука, подтверждая мои подозрения. — Я буду доном, по крайней мере, замещающим, но, скорее всего, навсегда, даже если Росси поправится. Сомнительно, что он сможет снова приступить к своим обязанностям.

Глядя на его лицо, я не могу сказать, доволен он этим или нет.

— У тебя тоже будут обязанности, — говорит он. — Хотя я не ожидаю, что ты добровольно возьмешь на себя многие из них, — добавляет он с ноткой горечи в голосе. — Но если бы ты могла хотя бы попытаться быть хорошим другом Катерине в это время, это помогло бы.

— Я уже планировала поговорить с ней, — говорю я, защищаясь. — В конце концов...

— Ты знаешь, что такое смерть родителей. Да, я хорошо осведомлен. Как и я, — напоминает мне Лука. — Мне нужно, чтобы ты меньше думала о своих проблемах со мной в ближайшие дни, София, и больше думала о нашем выживании.

— Кто это был? — Мне удается сдержать дрожь в голосе. — Ты знаешь?

— Пока не уверен. Но я бы поставил деньги на Братву. — Натянуто говорит Лука. — В конце концов, это с ними мы боремся. У Бостона нет причин беспокоить нас. Если бы это не имело отношения к Виктору и его людям, я был бы шокирован.

Я тоже немного шокирована хотя бы потому, что он был со мной впервые так откровенен с того дня, как привел меня в свой пентхаус.

— И что теперь?

— Теперь, — говорит он, вставая и разглаживая руками штанины брюк, — мы идем навестить Росси. А потом мы отправляемся домой.

Что-то сжимается у меня в животе каждый раз, когда он говорит "домой". Я прилично скрываю это, отворачиваясь, когда входит медсестра, чтобы подготовить меня к выписке. Лука принес мою сумку, и я, пробормотав "спасибо", хватаю ее и направляюсь в ванную. Внезапно я начинаю нервничать, потому что мне предстоит вернуться с ним в пентхаус, а перед этим встретиться с Росси. Все это было каким-то ужасным, нарастающим кошмаром с тех пор, как Братва похитила меня, и я больше не могу этого выносить. Но очевидно, что все будет становиться хуже, прежде чем станет лучше.

Я выхожу несколько минут спустя в джинсах и синем топе без рукавов, мои волосы собраны в конский хвост. Мне отчаянно нужен душ, и я чувствую себя хуже, чем когда-либо за последнее время. Я почти благодарна за то, что возвращаюсь к Луке, если это означает, что я смогу вымыть голову и хорошенько выспаться в настоящей постели.

Лука ждет меня, когда я выхожу, и он берет меня за руку, не утруждая себя просьбой, крепко сжимая ее, когда мы выходим в коридор. Это не столько романтический жест, сколько собственнический, и даже когда я пытаюсь высвободить свою руку из его хватки, ясно, что у него железная хватка на мне.

— Я не собираюсь убегать, — говорю я сквозь стиснутые зубы. — Я не настолько глупа.

— Ты могла бы, — холодно говорит он. — Росси в больнице, и я скоро буду доном. Ты можешь решить, что сейчас самое подходящее время, чтобы сбежать. Но я предупреждаю тебя, я бы не хотел, чтобы тебя убили, и я, конечно, смогу поймать тебя и вернуть. Почти каждый полицейский в этом городе состоит у нас на жалованье. В этой больнице тебе тоже никто не поможет, — добавляет он, видя, как я оглядываюсь. — Наша власть в этом городе сильна, София. Ты не сможешь сбежать от меня, так же как ты не смогла бы сбежать от Росси. Разница в том, что он приказал бы тебя убить. Я просто заставлю тебя пожалеть о попытке уйти.

Холодное безразличие в его голосе пугает меня так же сильно, как и его слова. Мне приходится почти бежать, чтобы поспевать за его широкими шагами, пока мы направляемся к лифту, и я чувствую, что меня сейчас стошнит. Я думала, что смерть Росси будет означать, что я смогу выбраться из этого, но я вижу, как эта крошечная лазейка сужается, пока я не уверена, существует ли она вообще больше. Это действительно может быть на всю оставшуюся жизнь или, по крайней мере, пока Лука не умрет.

Я не узнаю, это до тех пор, пока смерть не разлучит нас, я должна желать чего-то подобного. Десять минут назад я была рада, что он выжил. Теперь я уже не так уверена.

Лука не говорит мне ни слова, пока мы поднимаемся на этаж, на котором остановился Дон Росси. Он молчит, пока мы не входим в комнату, где нас уже ждут Катерина и Франко. Франко нехарактерно мрачен, быстро, но крепко обнимает Луку, а Катерина явно в замешательстве. Я никогда раньше не видела ее без макияжа, но у нее совершенно обнаженное лицо, глаза красные и опухшие от слез, губы искусаны, а лицо смертельно бледное. Я замечаю, что она стоит немного в стороне от Франко, который, кажется, вообще не обращает особого внимания на свою скорбящую невесту. Я могу почувствовать, насколько она одинока, просто глядя на нее. Это исходит от нее, как аура. Я слишком хорошо помню это чувство после того, как моя собственная мать умерла и оставила меня совсем одну. У меня разрывается сердце, когда я вижу ее такой, особенно когда Франко должен быть тем, кто рядом с ней в это время. Он даже не ранен, на нем ни царапины, поскольку он все еще был в своем гостиничном номере, когда произошло нападение, слишком страдал от похмелья, чтобы прийти в себя. Повезло ему, с горечью думаю я. Интересно, что чувствует по этому поводу Катерина, рада, что ее жених невредим, или расстроена, что из всех нас именно ее матери пришлось умереть?

— Лука. — Голос Росси хриплый и надтреснутый, но, тем не менее, он все еще сохраняет часть своей былой мощи. — Подойди и приподними меня.

Франко идет с ним, становясь рядом с Лукой, когда они обходят больничную койку с другой стороны, оставляя меня рядом с Катериной. Она бросает на меня взгляд, и я инстинктивно протягиваю руку, беря ее за руку. Мне интересно, отстранится ли она, в конце концов, мы не так уж близки, но вместо этого ее пальцы переплетаются с моими, сжимая в ответ. Ее лицо все еще бледное и мрачное, но, когда ее глаза встречаются с моими, я вижу, что она благодарна за поддержку.

— Если бы обстоятельства сложились иначе, — говорит Росси, — состоялась бы официальная церемония передачи титула тебе. Но поскольку это не так, и я не собираюсь уезжать отсюда в ближайшее время, это лучшее, что мы можем сделать. — Он делает глубокий, хриплый вдох, и я вздрагиваю, просто слыша это. По всему, что касается него, я вижу, что Лука был прав, когда предположил, что Росси, вероятно, никогда больше не будет в той форме, чтобы снова руководить. Даже если он выживет, он никогда больше не будет сильным. Он уже пожилой человек, и это был сильный удар.

— Я, Витто Росси, в присутствии свидетелей, моей дочери Катерины, твоей жены Софии и моего советника Франко Бьянки, отрекаюсь от своего места главы семьи и моего титула дона. Я передаю его тебе, Лука Романо, сын Марко, наследник моего места. Ты будешь сохранять этот титул, сохранять и защищать его и семью, которую возглавляешь, до тех пор, пока не уйдешь в отставку или не сочтешь нужным уйти в отставку. Ты передашь его первому сыну моей крови, рожденному от союза моей дочери и Франко Бьянки.

Затем он дергает за кольцо у себя на пальце, за толстую полоску с рубином, вделанным

в верхнюю часть, и я тяжело сглатываю. Атмосфера в комнате напряженная. Все сосредоточились на двух мужчинах, один на больничной койке, другой стоит рядом с ней, и происходящей там передаче власти.

— Я, Лука Романо, принимаю этот титул и то место, которое оно мне дает во главе стола. Я клянусь поддерживать союзы, которые вы создали, защищаться от всех врагов и, если потребуется, отдать свою кровь и жизнь в защиту семьи. Я буду хранить и защищать всех, кто служит со мной и под моим началом, и когда придет время передать титул, я клянусь передать его первому сыну твоей крови, ребенку Катерины Росси и Франко Бьянки.

Эти последние слова, повторенные Лукой громко и ясно, являются холодным напоминанием о контракте, который я подписала, и о моем месте в этой семье. Напоминание о том, что у меня даже не будет детей, которых я могла бы любить, никакой семьи, которая утешала бы меня, пока мой муж убивает, пытает и трахает других женщин. У миссис Росси, по крайней мере, была прекрасная дочь, которую она любила и лелеяла, даже если у нее не могло быть мужа, которого заботило бы что-либо, кроме его власти и жадности.

У меня ничего не будет. Ни мужа, ни детей, даже едва ли лучшей подруги. Никакой реальной цели, кроме как сесть, заткнуться и держаться за руку Луки на публике, когда это необходимо. Я трофейная жена, украшение, средство достижения цели. Карта, выведенная из игры.

Мое счастье вообще не имеет значения.

Я слышу дыхание Катерины и, бросив взгляд вбок, вижу, как она прижимает руку ко рту, на ее нижних ресницах собираются слезы. Но ни Лука, ни Дон Росси не обращают внимания ни на кого из нас. Франко стоит рядом с ним, когда Лука берет кольцо, надевает его на указательный палец и сжимает руку Дона Росси.

— Ты был для меня как второй отец, — тихо говорит он, его голос достаточно низкий, что мне приходится напрягаться, чтобы расслышать его. — Я сделаю все возможное, чтобы быть достойным доверия, которое ты мне оказал.

— Я верю в тебя, сынок. — Росси слабо улыбается, сжимая руку Луки до побеления костяшек пальцев.

— Ему нужен покой, — внезапно говорит Катерина, делая шаг вперед. Ее голос дрожит, а лицо очень бледное, но она выглядит твердой. — Пожалуйста, хватит церемоний.

— Тихо, женщина, — рычит Франко, и я резко смотрю на него, удивленная. Я провела рядом с ним очень мало времени, но в тех немногих случаях, когда мы встречались, он казался самым беззаботным и мальчишеским из них, а не тем, кто воспринимает жизнь всерьез. Но теперь я вижу под этим кого-то другого, кого-то, способного наброситься на свою невесту в один из худших дней в ее жизни, кого-то, кто, возможно, относится к женщинам так же жестоко, как и любой из этих других мужчин.

Это еще раз напоминает мне о том, что я не должна терять бдительность. Я никому не могу доверять, и меньше всего своему новоиспеченному мужу.

Катерина заметно вздрагивает, съеживаясь рядом со мной, и у меня щемит сердце, когда я это вижу. Все, что касалось ее до сих пор, показало мне, что она добрая, что она, по крайней мере, хочет попытаться быть моим другом, даже если мне трудно впустить ее. Видя, как Франко так жесток с ней, я начинаю ненавидеть его. По крайней мере, Лука вежливо разговаривает со мной на людях, даже если мы ссоримся за закрытыми дверями.

— Я хочу отомстить за Джулию, — слышу я, как Росси тихо говорит, все еще сжимая

руку Луки. — Эти ублюдочные собаки убили мою жену. Это не то, что может остаться без ответа.

— Мы не знаем наверняка, что это Братва, — тихо отвечает Лука. — Но будь уверен, Витто, мы не позволим проигнорировать ее смерть.

— Я не смогу быть на похоронах. Убедитесь, что...

— Я со всем этим разберусь, папа, — говорит Катерина, снова делая шаг вперед и вздернув подбородок. — Ни о чем не беспокойся. — Она подходит к его постели, не глядя на Франко, беря отца за другую руку. — Я прослежу, чтобы маму должным образом похоронили.

Тогда я понимаю, с некоторым потрясением, что она действительно любит своего отца. Полагаю, это не должно было меня удивлять, я уверена, что мой собственный отец совершил много такого, что было таким же жестоким, как все, что делал Росси. В конце концов, он работал на него, действительно служил ему. И я глубоко любила своего отца. Но я не осознавала того, что он делал, всего, частью чего он был. Катерина, конечно, знает больше, ее воспитали, чтобы она была частью этого, вышла замуж за правильного мужчину и была хорошей женой мафиози. Но она все еще любит его. И теперь он и Франко, это все, что у нее осталось.

— Давай, — коротко говорит Лука, отпуская руку Росси и направляясь ко мне. — Пришло время доставить тебя домой в целости и сохранности.

Слова должны быть обнадеживающими, но это не так. Я знаю, что у меня нет выбора, поэтому послушно следую за Лукой из больничной палаты к лифту, всю дорогу храня молчание. Кольцо на его пальце мерцает на свету, красный рубин поблескивает. Кольцо, сидящее на его правой руке, олицетворяет такую же самоотверженность, как и золотая лента на левой, и я не могу не задаться вопросом, какая самоотдача, если дойдет до этого, одержит верх? Он обещал обеспечивать мою безопасность, сделал меня своей женой, чтобы выполнить именно это, и все же, если титул, который он только что поклялся соблюдать, требует иного, что он выберет?

Это заставляет меня чувствовать себя более неловко, чем когда-либо, и я не могу избавиться от этого чувства, когда мы садимся в машину Луки и едем через несколько кварталов обратно к высотному зданию, в котором он... мы живем. Это продолжается всю дорогу до пентхауса, и когда мы входим в гостиную, и он нажимает кнопку, чтобы раздвинуть жалюзи и залить комнату светом, я поворачиваюсь к нему лицом.

— И что теперь? — Я тяжело сглатываю, глядя на своего нового мужа. — Когда состоятся похороны?

— Завтра, — натянуто говорит Лука. — Но ты не пойдешь.

— Что? Конечно же, поскольку мы женаты, люди будут ожидать увидеть меня там...

— Ожидается, что тебя увидят много раз, но этот случай меня не особенно беспокоит. — Слова холодные и отрывистые. — Ты останешься здесь. Это уменьшит вероятность того, что Братва попытается напасть на нас на похоронах, хотя я надеюсь, что у Виктора хватит уважения воздержаться от этого.

— А как насчет меня здесь? — Холодный страх пробегает по моему животу и позвоночнику, Лука решил, что от меня слишком много проблем? Он предпочитает, чтобы Братва пришла за мной сюда, чем снова подвергать всех остальных опасности? И если это так, почему бы просто не пойти дальше и не избавиться от меня?

— Ты не должна покидать пентхаус ни под каким предлогом. Моя охрана будет

удвоена, и я назначаю тебе личного телохранителя.

— До каких пор? — Я чувствую, как нарастает паника. — Мы так не договаривались, Лука. Предполагалось, что мне предоставят мою собственную квартиру, так что нам не обязательно оставаться здесь вместе...

— Пока Братва не будет вытеснена с территории. — Он шагает ко мне, с жестким блеском в его зеленых глазах. Он выглядит таким же красивым, как всегда, иногда я предательски думаю, что он выглядит наиболее привлекательным, когда он такой, холодный, злой и почти устрашающий, но твердый и высеченный, как будто сделан из гранита. Этот жесткий и холодный мужчина обжигает, только когда дело касается меня, и немного смягчается, только когда мы соприкасаемся. Но я не могу так думать. Я не могу думать о нем так, чтобы это могло заставить меня хотеть его еще больше, ослабить бдительность, испытывать к нему неосторожные чувства и даже ненависть. Я не могу позволить себе смягчиться по отношению к этому человеку, который теперь стал еще более могущественным, чем раньше, которому, возможно, придется быть и совершать еще более ужасные вещи, чтобы удержать власть.

— Сколько времени это займет? — Мой голос дрожит так сильно, я пытаюсь сдержаться, и скрыть это. Я не хочу, чтобы Лука знал, как я боюсь... его, их, всего этого, но я не могу остановить это.

Он беспечно пожимает плечами, как будто это не имеет значения.

— Кто знает? Недели? Месяцы? Года? Я не могу знать ответ на этот вопрос, София. Они потерпят поражение, когда поймут, что не могут победить, и не раньше. Виктор так просто не сдастся.

Меня охватывает паника. Я чувствую, как мое рациональное, логическое мышление ускользает перед лицом того, что меня будут держать фактически пленницей в этом пентхаусе, каким бы роскошным он ни был, в течение неопределенного количества времени.

— Нет! — Восклицаю я, качая головой и отступая назад, пытаюсь установить некоторую дистанцию между нами. — Ты обещал, ты сказал мне, что если я выйду за тебя замуж, я буду в безопасности, что...

— Ты будешь, — терпеливо говорит Лука, но я слышу, как это исчезает из его тона. — Со временем.

— Но ты не можешь сказать мне, сколько потребуется времени! — Я тяжело сглатываю, чувствуя, как комок в горле набухает и душит меня. — Росси не смог даже защитить свою жену, и теперь ты хочешь, чтобы я чувствовала себя в безопасности, когда ты говоришь, что я даже не могу покинуть эту квартиру?

— Росси теперь не дон! — Громыкает Лука, делая два шага ко мне. Прежде чем я успеваю хотя бы попытаться кинуться к нему, он подхватывает меня на руки, как будто я вообще ничего не вешу, в стиле новобрачной. Ирония этого не ускользает от меня, и я извиваюсь в его объятиях, пытаюсь освободиться, пока он несет меня вверх по лестнице. На полпути мне почти удается высвободиться, и Лука разочарованно рычит, от звука которого у меня по спине пробегают мурашки, что не совсем неприятно.

Что, черт возьми, со мной не так? Почему эти ссоры меня заводят? Я не завожу его специально, или это так? Гнев Луки одновременно пугает и возбуждает меня, и я этого не понимаю. Как будто часть меня хочет, чтобы он взял все под свой контроль, как в ночь перед нашей свадьбой, чтобы заставить меня чувствовать то, что я не могу позволить себе чувствовать с ним.

— Так тебе и надо, если я уроню тебя с этой лестницы, — рычит Лука, ненадолго ставя меня на землю. На мгновение мне кажется, что он позволит мне пройти остаток пути пешком. Вместо этого он просто снова поднимает меня с ног, перекидывает через плечо, так что я оказываюсь у него на спине, смотрит на блестящую деревянную лестницу и снова начинает свой подъем.

— Отпусти меня придурок! — Кричу я, ударяя кулаком куда-то в область, где, как я думаю, может находиться его почка. Мои ноги дергаются, и я смутно надеюсь, что одна из них может попасть ему по яйцам, но Лука обхватывает рукой мои колени, крепко прижимая их к своей груди. Что-то в этом вызывает еще один шок удовольствия у меня по позвоночнику. К своему ужасу, я чувствую, что начинаю больше, чем немного возбуждаться, тонкая ткань моих трусиков влажно прилипает к коже, а мое тело приливает к жару.

— Ни за что, — категорично говорит Лука, неся меня прямо к двойным дверям, которые ведут в его спальню. Он бесцеремонно укладывает меня на кровать, и я немедленно вскакиваю, пряди моих волос выбиваются из конского хвоста и обрамляют мое розовое лицо.

— Я больше не буду с тобой трахаться! — Я поднимаю подбородок, надеюсь, что выгляжу более уверенной в этом, чем есть на самом деле. Я болезненно осознаю огромную кровать позади меня, пустой пентхаус и тот факт, что Лука может делать со мной все, что хочет, имеет право, по его собственному разумению, делать со мной все, что он хочет. И смотреть, как он небрежно снимает пиджак, не помогает. Его мускулистые предплечья сгибаются, когда он закатывает рукава рубашки, и я чувствую, как у меня пересыхает во рту, когда он расстегивает верхнюю пуговицу рубашки, обнажая полоску груди, от которой у меня слегка подгибаются колени.

Я внезапно живо вспоминаю нашу брачную ночь, как он кружил у меня за спиной, когда начал расстегивать мое платье, о том, как все могло быть по-другому, если бы я не сказала ему покончить с этим. Что бы он сделал, если бы я позволила этому быть чем-то другим? Применил бы он ко мне свои руки, как он сделал, когда наклонил меня над диваном? Рот?

О боже. Одна мысль об этом вызывает во мне волну чего-то, чего я не совсем понимаю, ощущение стеснения в животе, от которого кожу покалывает, и она краснеет. Лука, вероятно, такого не испытывает. Ему нравится, когда ты в его власти, он не доставляет удовольствия, не получив его взамен.

— Я не прошу тебя об этом, — говорит Лука, приподнимая бровь, и я чувствую внезапный прилив смущения.

— В первый раз ты тоже не просил, — огрызаюсь я.

— Ну, сейчас я тебя уверяю. Этого достаточно для твоей девственной чувствительности? Я думал, что прошлой ночью я из тебя ее выебал. — Он ухмыляется. — София, как я уже сказал в больнице, меня не интересуют бедные лежебоки. Если я захочу намочить свой член, я сделаю это с кем-то, кто действительно знает, что делать.

И вот так мое унижение кажется полным. Я даже не утруждаю себя попытками разобраться, почему его отказ кажется хуже, чем его требования. Все, что я знаю, это то, что мой муж по какой-то причине притворяется, что не хочет меня теперь, после того как попробовал, и одна ночь со мной полностью его отвратила.

— Тогда зачем ты притащил меня сюда? — Я скрещиваю руки на груди, пристально глядя на него в попытке скрыть буйство чувств, бушующих в моей груди. — Какой в этом

СМЫСЛ?

— Суть в том, София, что у тебя больше не будет своей комнаты. Ты будешь спать здесь, со мной, как и подобает хорошей жене, и где я смогу присматривать за тобой. Я не могу быть уверен, что ты в безопасности, если находишься дальше по коридору. Поэтому ты можешь перенести сюда все, что тебе нравится, сегодня, а остальное оставить в твоей старой комнате. Той комнатой больше никто пользоваться не будет. — Он прочищает горло, строго глядя на меня. — Если ты спишь, то только здесь. Если ты принимаешь душ, он находится в главной ванной комнате. Если ты...

— Я поняла мысль... — быстро говорю я. — Ну и что? Предполагается, что я просто останусь здесь взаперти, никогда не уйду, буду спать рядом с тобой и меня это устроит?

Глаза Луки опасно блестят.

— Это именно то, чего я ожидаю от тебя, София, — говорит он низким и мрачным голосом, направляясь ко мне. — Потому что я забочусь о твоей безопасности. Теперь я Дон. Эта семья под моим контролем. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы никогда больше не случилось ничего подобного тому, что произошло в отеле. Но я не могу сосредоточиться на этом, если я слишком занят, чтобы убедиться, что моя маленькая чертовка женушка выполняет мои гребаные приказы. — Он выделяет последние слова, подчеркивая каждое, и я вижу, как нарастает его гнев. Это пугает и возбуждает меня одновременно, и я совсем этого не понимаю.

— Я не одна из твоих маленьких солдатиков, — шиплю я, не в силах сопротивляться желанию дать отпор. — Я не подчиняюсь твоим приказам.

Лука делает еще один шаг вперед, придвигая свое тело очень близко к моему, и он смотрит на меня сверху вниз своим точеным лицом, его зеленые глаза темные и яростные. Его рука взлетает, хватая меня за подбородок, чтобы приподнять его так, чтобы я не могла отвести взгляд, и хотя его прикосновение не причиняет боли, смысл его не вызывает сомнений.

— Ты будешь выполнять мои приказы, София. Или, может быть, ты предпочтешь что-нибудь другое? — Он холодно улыбается. — Если трахать тебя, чтобы заставить подчиниться, это то, что я должен сделать, то, возможно, это обязанность, которую мне придется взять на себя. Так же, как защищать тебя. Неприятно, но необходимо. Может быть, нам стоит выяснить, может ли твой рот лучше доставлять мне удовольствие, чем ты сама.

Он лжет. Я знаю, что это так. Я чувствовала его внутри себя, чувствовала, как он потерял контроль в конце, его рот пожирал мой, пока его руки блуждали по моему телу, его член был твердым и пульсирующим, когда он кончал. Я знаю, ему понравилось. Но по какой-то причине он настаивает на том, что не хочет меня, что секс со мной ему неприятен.

— Нет. — Я тяжело сплываю, вырываю подбородок из его хватки и отступаю. Если есть что-то, чего, я знаю, я не хочу, так это чтобы Лука трахал меня, ведя себя так, как будто он этого не хочет. Это сделало бы все намного хуже. То, что он заставляет меня чувствовать, достаточно сбивает с толку, но я не хочу усложнять ситуацию еще больше. — Хорошо. Я останусь здесь, пока Братва больше не перестанет представлять угрозу.

— Хорошо. — Лука выпрямляется, выражение его лица довольное. — Теперь, когда ты моя жена, София, и я приступил к своим новым обязанностям, важно, чтобы ты знала высокопоставленных членов семьи, их жен и их положение. Я оставлю тебе iPad, на который Кармен сможет загрузить все эти подробности, изучи это так, как ты готовишься к экзамену, — добавляет он, — потому что я ожидаю, что ты будешь знать каждое

слово. Важно, чтобы ты не ставила меня в неловкое положение на любых мероприятиях, которые нам, возможно, придется посещать вместе. Благотворительные вечера и тому подобное. — Он хмурится. — Надеюсь, ты не собираешься спорить со мной по этому поводу?

Его голос снова холодный, сдержанный и официальный, и я проглатываю комок в горле. У моего мужа так много разных сторон, и я не понимаю ни одной из них... что заставляет его переключаться с одной на другую.

— Нет, — тихо говорю я.

— Это приятно слышать, — говорит Лука, искоса поглядывая на меня, пока идет к шкафу. — Теперь на мне большая ответственность, София. Мне нужна женщина, которая могла бы быть хотя бы приличной женой для этой семьи и для меня.

Его резкий тон говорит мне все, что мне нужно знать о том, насколько он верит в то, что я смогу это сделать. И правда в том, что у него есть все основания так себя чувствовать, я не хочу быть здесь, я вообще не хочу быть его женой, не говоря уже о хорошей жене мафиози. Но по какой-то причине то, как он это сказал, заставило меня почувствовать себя еще хуже, чем раньше.

Я опускаюсь на край кровати, сижу безмолвно, пока Лука собирает свой костюм и идет в ванную переодеваться. Когда он выходит, то едва ли даже смотрит на меня.

— Я попрошу Кармен прислать тебе эту информацию для изучения. Я поспрашиваю тебя об этом, когда вернусь. — Затем он смотрит на меня, выражение его лица ровное и бесстрастное. — Не делай глупостей, София.

А затем он уходит, оставляя меня там, не сказав больше ни слова, не попрощавшись или что-либо еще. Это больше, чем когда-либо, подчеркивает, какой фиктивный этот брак, что за закрытыми дверями это не что иное, как ложь, созданная, чтобы защитить меня, которая, возможно, даже сейчас не в состоянии этого сделать.

Когда я слышу, как хлопает входная дверь, и понимаю, что я действительно одна, я ничего не могу с собой поделать. Тяжесть всего, что произошло за последние дни, обрушивается на меня, и я переворачиваюсь на бок на кровати, пряча лицо в руках.

И вот так просто я разрыдалась.

ЛУКА

Бой с Софией оставляет меня измотанным. Если быть честным, дело не только в ссоре с ней. Это касается и всего остального, что произошло, драма нашей брачной ночи, нападения на отель, травмы, из-за которых я попал в больницу, внезапной передачи титула Росси от него мне и всего, что влечет это за собой. Но, в конце концов, все сводится к одному человеку... Софии. Без нее ничего бы этого не произошло. И хотя я бы никогда не захотел или не санкционировал ее убийство, я внезапно понимаю, почему Росси посчитал это наиболее целесообразным решением. Ссора, которую мы только что устроили, только еще больше расстроила меня из-за нее и ее неспособности перестать противоречить каждой гребаной вещи, которую я ей говорю делать.

Не помогает и то, что просто быть рядом с ней достаточно, чтобы возбудить меня, и

борьба с ней, видеть, как ее кожа приобретает этот приятный розовый оттенок, видеть, как горят ее глаза и вздергивается этот изящный заостренный подбородок, видеть, как она дрожит от ярости... все это делает меня тверже, чем я когда-либо был в своей жизни. Теперь, когда мы преодолели препятствие, связанное с лишением ее девственности, все, что я хочу сделать, это затащить ее в свою постель и провести в ней выходные, не делая ничего, кроме как трахая ее всеми возможными способами, пока мы оба не будем выжаты досуха.

Вот почему мне нужно сделать что угодно, и именно поэтому я сделал все возможное, чтобы заставить ее думать, что я полностью отключен ее невинностью и отсутствием опыта, когда на самом деле все с точностью до наоборот. Потому что мне не нужно отвлекаться. Мне достаточно сложно держать свою страсть к ней под контролем. Поэтому каждый раз, когда мы оказываемся лицом к лицу, это просто тот случай, когда я слишком сильно протестую против того, что не хочу иметь с ней ничего общего в сексуальном плане. Хотя на самом деле я хочу делать с ней все, что угодно в сексуальном плане. С шестнадцати лет трахался с каждой женщиной, которая попадалась мне в руки, и никто никогда не очаровывал меня так, как София Ферретти, нет, пусть это будет София Романо. Теперь у нее моя фамилия, и это еще одна вещь, которая сводит меня с ума, когда речь заходит о ней.

Я дал ей все: свою защиту, свое имя, свой дом, свою безопасность и богатство, свой член и все остальное, что ей может понадобиться для обеспечения безопасности. Тем не менее, она ведет себя так, как будто я мучаю ее, настаивая, чтобы она следовала нескольким простым инструкциям. Это сводит с ума, и мне хочется ее придушить. То, чего с таким же успехом можно было бы добиться, засунув мой член ей в плотку, а не обхватив ее шею руками.

Я отбрасываю эту мысль, стиснув зубы, пытаясь выбросить Софию из головы. По крайней мере, к концу этого конкретного спора она, казалось, склонялась к уступчивости. Я увижу, насколько хорошо все прошло, когда вернусь домой. Но до этого у меня есть множество дел, с которыми мне нужно разобраться, и первое, это навестить Росси перед тем, как я пойду на похороны его жены, и провести дискуссию без стольких ушей в комнате.

— Ему нужен покой, — пытается сказать мне медсестра, когда я направляюсь к его палате, но я вижу через окно, что он проснулся, и это не может ждать. Он согласится со мной, поэтому я просто игнорирую ее и тянусь к двери.

Она почти шлепает меня по руке, и я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на нее, пригвоздив своим ледяным зеленым взглядом.

— Вы знаете, кто я, мисс... — Я опускаю взгляд на ее бейджик с именем. — Браунинг?

— Нет, но я предполагаю, что вы, должно быть, член семьи, если вам разрешили подняться сюда...

— Я Лука Романо, — холодно говорю я ей, мой голос жесткий и повелительный. От этого веет авторитетом. — Новый дон американской ветви итальянской мафиозной семьи. И если вы не знаете, что это значит, я предлагаю вам пойти к своему начальству и рассказать им, что я только что сказал, чтобы они могли научить вас, как разговаривать с теми, кто выше вас.

Медсестра становится белой как мел, и я позволяю себе насладиться этим на мгновение. В моем новом положении есть преимущества, которые выходят за рамки богатства, и одно из них я вижу в режиме реального времени прямо сейчас.

— Конечно, мистер Романо, — быстро говорит она, отступая, чтобы я мог войти в

комнату.

— Снова флиртуешь с медсестрами? — Шутит Росси, когда я направляюсь к его кровати, подтягивая один из стульев, чтобы я мог сесть.

— Я женатый мужчина, — говорю я с притворной серьезностью, и Росси фыркает, слегка приподнимаясь.

— Ты знаешь так же хорошо, как и я, что это ни хрена не значит. Я думаю, что после женитьбы я трахал больше женщин, чем раньше. — Он ухмыляется. — Чем больше у тебя власти и денег, тем больше они выстраиваются в очередь, чтобы упасть к тебе в постель. Попомни мои слова, сейчас ты получишь больше пизды, чем когда-либо до того, как занял мой титул.

— Я его не занял, — подчеркиваю я. — Ты сам его отдал. Я был бы счастлив продолжать ждать.

— Что сделано, то сделано. — Росси хмурится, его легкое настроение рассеивается. — О чем ты пришел поговорить, Лука? Похороны завтра, да?

— Да. Прощание утром, служба после обеда. — Я наклоняюсь вперед, пристально глядя на него. — Нам нужно обсудить угрозу Братвы и что с ней делать. Я знаю, тебе может не понравиться, как я хочу с этим справиться, но...

— Что тут обсуждать? — Росси повышает голос. — Они убили мою гребаную жену, Лука. Мы начинаем войну и убиваем всех русских собак до последней с ее кровью на руках, пока их не загонят так далеко, что они не вылезут из своих берлог в течение следующего десятилетия.

Что ж, примерно такого ответа я и ожидал. Я делаю глубокий вдох, готовясь к битве, которая, я знаю, грядет.

— Я думаю, мы не должны так с этим справляться. Я понимаю желание отомстить. — Быстро говорю я, — это не закончится, Витто. Я хочу направить нас по другому пути.

— Что за другой путь? — Росси сердито рычит. — Они убили твоего отца, Лука. Они убили отца Софии. Твоя мать покончила с собой, потому что не смогла справиться со страхом гадать, когда ты станешь следующим. Сколько еще крови должен приказать пролиться Виктор, прежде чем ты решишь, что все они должны умереть?

— Витто. Будь благоразумен. — Я стискиваю зубы, пытаюсь говорить размеренно и не выдавать разочарования. — Как ты думаешь, что произойдет, если мы убьем Виктора Андреева? — Мы должны убрать нескольких его солдат, да. Может быть, даже одного-двух бригадиров. Но мы не можем убить главу Братвы и всех остальных вместе с ним. Что это скажет другим территориям, ирландцам, которых мы изгнали из Нью-Йорка десятилетия назад и с которыми сейчас у нас предварительный мир, если мы просто убьем другого лидера? Проливать свою кровь и кровь любого другого русского на улицах, пока они не покраснеют от нее? Доверия больше не будет. Не будет причин заключать договоры. Это будет тотальная война, и никто не поверит нам, когда мы попытаемся заключить сделку. Наш бизнес основан на делах, Витто. Черт возьми, мы работали с ирландцами над оружием последние семь лет, и это сделало тебя богачейшем человеком.

— Мне на все это насрать. Они убили Джулию. — Лицо Росси краснеет от ярости, и на минуту я беспокоюсь, что он может довести себя до сердечного приступа или чего-то столь же серьезного.

— Прости меня за эти слова, но я не думаю, что ты был так влюблен в нее, Витто, — спокойно говорю я. — Они убили ее, да. Это не останется безнаказанным. Если ты хочешь,

чтобы люди, которые заложили бомбы, были мертвы, я попрошу Виктора передать их. Мы сбросим их с причала и будем смотреть, как они тонут. Но ты говоришь о насилии в масштабах, невиданных во Христе, я даже не знаю когда. До моего рождения. Может быть, до рождения моего отца.

— Для сына Марко ты больше похож на Джованни, — рыча, говорит Росси. — Дело не в любви, ты, гребаное дитя. Дело в мести. Это о том, как они убивают то, что было моим. Забирают то, что принадлежало мне. Как бы ты отреагировал, если бы это была София? — Он прищуривает глаза. — Я почти угрожал ее жизни, а ты отбросил всю свою холостяцкую жизнь, которой так дорожил, и бросился надевать кольцо ей на палец, как влюбленный мальчишка. И ты говоришь мне, что не стал бы красить улицы в красный цвет, чтобы отомстить за ее смерть.

Я пытаюсь подумать об этом, всего на мгновение. И я знаю, что он не ошибается. Я вспоминаю о крови, забрызгавшей стены гостиничного номера, когда я вошел, чтобы спасти ее от Михаила, о предсмертных хрипах всех тех мужчин, о зубах на бетонном полу, когда я пытал одного из солдат Виктора, чтобы узнать местоположение. Сделал бы я это и многое другое, если бы она была мертва? Я хочу сказать, что я не уверен. Я хочу сказать, что я знаю, что это не вернет ее, что я бы подумал о благе семьи, что я бы сохранил ясную голову и попытался сделать то же самое, что я делаю сейчас... установить мир и навести порядок на наших улицах. Но правда в том, что я бы убил каждого человека, который хотя бы подумал о том, чтобы причинить вред Софии, вплоть до Виктора Андреева, а затем я бы разорвал его на куски и скормил их собакам.

Однако сейчас это не помогает. Ничто из этого не меняет того факта, что война ничего не исправит. Она только усугубит ситуацию.

— Я бы хотел, чтобы Джулия все еще была здесь. — Спокойно говорю я. — Я вижу твою боль, Витто, и я понимаю твоё желание отомстить. Но сколько мирных жителей пострадает в результате этого взрыва? — Я делаю паузу, глядя на него. — Мы привлечем к ответственности закон, если будет слишком много сопутствующего ущерба. И война с русскими будет означать гибель людей, которые не имеют к этому никакого отношения.

— Копы у нас в карманах, как и у них, — говорит Росси, взмахивая рукой. — Горячки не будет, и ты это знаешь.

— Всегда найдется несколько человек, которые настаивают на выполнении своей работы. И если мы доведем это до такой степени, что вмешаются федералы...

— Ну и что? Ты хочешь перевернуться и показать свой живот, как побитая собака? К черту это, — выплевывает Росси.

— Я не сдаюсь. — Я чувствую, как последние капли моего терпения иссякают. — Ты заставил меня стать доном, Витто. Так позволь мне быть доном.

— Я не знал, что выбрал наследника, который окажется таким слабым. — Голос Росси режет. — Я думал, ты сын своего отца.

— Я такой, — говорю я хладнокровно. — И во многих отношениях твой тоже. Я не слабый, Витто. Я пытаюсь быть практичным.

Без сомнения, он пытается вывести меня из себя, разозлить настолько, чтобы я последовал его примеру, но я не собираюсь заглывать наживку. Я не намеревался так скоро подняться до этого положения, но я всегда намеревался руководить по-своему. Я не собираюсь менять это сейчас.

— Хм. — Росси фыркает, отворачивая лицо. — Я устал. Убедись, что с Джулией завтра

все сделают правильно. Мы поговорим об этом позже.

Это явный отказ, и часть меня кипит от того, что он думает, что все еще может так легко отмахнуться от меня. Но я не собираюсь заикливаться на этом. Теперь у меня есть кольцо и титул, и я намерен действовать по-своему как можно дольше, независимо от того, как Росси, похоже, хочет продолжать править через меня. Это произойдет, только если я позволю, а я не собираюсь этого делать.

Я решаю провести ночь вдали от Софии. Мне нужно время, чтобы переварить, обдумать все, что произошло за последние сорок восемь часов. Поэтому вместо того, чтобы идти домой, я отправляю Кармен сообщение с просьбой доставить свежий костюм в отель, где я остановлюсь. Затем сообщаю моему водителю местоположение, прежде чем откинуться на спинку сиденья и налить себе щедрую порцию виски. Обычно я не из тех, кто пьет после обеда, но, думаю, сейчас самое подходящее время сделать исключение.

В номере отеля прохладно и пахнет свежестью, он идеально свеж и убран, это один из лучших люксов, которые у них есть. Я немедленно снимаю костюм и вешаю его, наливаю еще порцию виски из мини-бара, прежде чем направиться в большую ванную и открыть краны в душе. Я пью золотистый напиток, ожидая, пока вода нагреется, наслаждаясь жжением, распространяющимся по моей груди, и привкусом дыма в горле.

Наконец-то немного гребаной тишины и покоя. Я чувствую себя более опустошенным, чем за последние годы, груз ответственности на моих плечах увеличился в десять раз. Мне нужно время, чтобы перевести дух, вспомнить, кто я такой и почему я делал все это так долго.

Но правда слишком проста. Я родился в этом. Я не знаю другой жизни и не думаю, что хочу. И теперь София внесла свой вклад в это. Я планировал свое будущее... продолжать вести образ жизни богатого плейбоя до того дня, когда титул перейдет ко мне... а затем продолжать быть богатым плейбоем, но с большей ответственностью. О детях не могло быть и речи, что означало, что жена не была нужна. А любовь? Любовь предназначена для других мужчин. Мужчин ничтожеств. Мой отец не любил мою мать. Даже будучи неуверенным в том, что на самом деле означает любовь, я знаю это очень хорошо. Но из того, что я слышал о семье Софии, ее отец любил ее мать. И посмотрите, к чему это привело их, к чему это привело всех нас. Отец Софии был убит братвой, мой отец убит, чтобы отомстить за него, моя мать мертва, мать Софии мертва. Мы оба сироты. А если бы отец Софии не настоял на женитьбе на русской женщине? Может быть, они все еще были бы здесь. Джованни, Марко, их жены. Мои родители.

Однако Софии не существовало бы. Не без всего этого.

— Это становится слишком, блядь, философским для моей крови, — бормочу я вслух в пустую комнату, выталкивая мысли из головы. Нет смысла размышлять о прошлом. Что сделано, то сделано, а мертвые мертвы. Их не вернуть. Все, что я могу сделать, это убедиться, что бойня остановлена и что другие не последуют за ними в ранние могилы. Что бы Росси ни говорил по этому поводу, я не хочу войны.

Росси считает, что мы не созданы для того, чтобы быть людьми мира, я всегда это знал. Он преуспевает в этом. Но я никогда не был таким человеком. Я верю, что мир возможен для всех нас, если мы будем работать вместе. В конце концов, у нас одинаковые интересы: русские, ирландцы, итальянцы. Мы хотим денег и власти, чтобы жить на наших собственных условиях и трахать тех, кто хочет сказать иначе. Мы хотим выбирать нашу жизнь и наши цели.

Итак, что необходимо, так это найти точки соприкосновения и выработать всем нам, как достичь этого, не наступая друг другу на пятки. Легче сказать, чем сделать. А поскольку Росси все еще пытается править через меня, это добавляет еще один слой сложностей.

Я вхожу под горячую воду, постанывая от удовольствия, когда она стекает по моей спине, и мои мысли возвращаются к Софии. Она тоже осложнение. Я думал, что смогу аккуратно задвинуть ее после свадьбы, но ясно, что сейчас этого не произойдет. Она останется в моем доме и в моих мыслях дольше, чем мне удобно, и я не знаю, как с этим смириться. Было бы проще, если бы я был таким человеком, как Росси. Но, хотя я не против того, чтобы дарить Софии то же самое, что и она мне, даже заставляя ее смотреть в лицо ее собственным желанием, как в ту ночь, когда я наклонил ее над диваном, я подвожу черту, заставляя ее спать со мной. Меня это не привлекает. Я жестокий человек, но никогда с женщинами, и, по правде говоря, это часть того, что, как я чувствую, отличает нас от Братвы. Я бы никогда не причинил вреда женщине.

Тем не менее, София сводит меня с ума.

От одной мысли о ней у меня встает. Я чувствую, как мой член утолщается, когда я стою под водой, упрямо поднимаясь при одном воспоминании о ее теплом теле под моими руками две ночи назад, о ее негромком вскрике, когда я скользнул в нее в первый раз, о том, как она сжалась вокруг меня, ее девственная киска сжалась вокруг моего члена, как будто она хотела, чтобы я вошел в нее как можно глубже. Она сказала мне покончить с этим, но ее тело говорило иначе.

Блядь. Мой член пульсирует, из кончика вытекает предварительная сперма, когда мои яйца сжимаются от желания, и я стону, не в силах удержаться от того, чтобы обхватить рукой свою толстую длину и медленно поглаживать. Мне просто повезло, что, когда меня заставили жениться, мне досталась невеста, которая отказывается играть роль послушной жены. Есть так много удовольствий, с которыми я мог бы ее познакомить. Я так многому мог бы ее научить. Я думаю о том, какими мягкими были ее губы под моими, как они приоткрылись, когда ее щеки вспыхнули, когда я вошел в нее, и как хорошо было бы, если бы они обхватили мой член.

Всю свою жизнь я говорил, что презираю спать с девственницами, что они прилипчивы и никуда не годятся в постели, что мое правило никогда не спать с одной и той же женщиной дважды означало, что для меня девственница означает не более чем неудачный секс. Но моя София...

Я мог бы обучать ее в свое удовольствие. Научил бы ее сосать мой член так, как мне нравится, брать его глубоко в горло, смотреть на меня своими красивыми темными глазами, когда ее губы сжимаются и краснеют вокруг моего члена от напряжения, когда она берет меня всего. И я никогда не был эгоистичным любовником. Я бы вознаградил ее своим языком на ее киске, вылизывая ее до такого количества оргазмов, какое она могла выдержать. Я бы заставил ее обмякнуть от удовольствия, прежде чем брать ее во всех позах, которые я могу придумать, чтобы научить ее. Одной мысли о Софии на мне, о том, как ее груди подпрыгивают, когда она скачет на моем члене, о ее вздернутой заднице, если я грубо возьму ее сзади, достаточно, чтобы поставить меня на грань оргазма.

Мой член пульсирует в моих руках, мои ноющие яйца предупреждают меня о том, что я близко, и возникает желание поглаживать сильнее и быстрее. Я мог бы кончить за считанные секунды и испытать некоторое облегчение. Но по какой-то причине я замедляюсь, наслаждаясь ощущением прикосновения кожи к коже, представляя все способы,

которыми я мог бы овладеть своей женой, все то, что я мог бы заставить ее сделать, если бы только она сдалась.

Я мог бы подчинить ее своей воле, думаю я, постанывая, когда моя ладонь проводит по гладкой головке моего члена. Я мог бы заставить ее признать, что она хочет меня. Заставить ее быть моей женой во всех отношениях. На мгновение я позволяю фантазии завладеть мной, даже зная, что я этого не сделаю. Это слишком отвлекает, когда мне нужно предотвратить войну, руководить организацией и поставить Братву на колени. Желание оставаться эмоционально непривязанным, не единственная причина, по которой я избегал спать с одной и той же женщиной более одного раза. Это также для того, чтобы удержаться от потери направления, от того, чтобы быть настолько погруженным в удовольствие, чтобы забыть, чего стоит сохранить все, что я заработал для себя. И до сих пор никогда не было женщины, которая могла бы угрожать этому.

Стоя в роскошном душе, сжимая бедра в кулак, пока я снова довожу себя до оргазма, становится ясно, что все изменилось. Я потерял счет тому, сколько раз я доставлял себе удовольствие, думая о Софии, сколько раз ее красивое лицо, полные губы и идеальная фигура были тем, что мелькало у меня перед глазами, когда я достигал оргазма. Прикоснусь я к ней когда-нибудь снова или нет, она стала чем-то близким к одержимости. Чем-то, что угрожает разрушить тщательный контроль и дисциплину, которые я выстраивал столько лет.

Просто позвони кому-нибудь. Просто выйди на улицу. Просто трахни какую-нибудь другую женщину, ради Бога, думаю я, даже когда поток образов заполняет мой разум: София на коленях, София наклонилась, София берет меня в рот и стонет вокруг моего члена, пока я одновременно лижу ее киску, задыхаясь от моей длины, когда я заставляю ее кончить. София пыталась не смотреть на меня, когда я лишал ее девственности, ее сладкое влажное тепло сжималось вокруг меня, напряженность, которую я никогда раньше не чувствовал, удовольствие, которое я и представить не мог, что смогу испытать с ней. Я солгал, когда сказал, что это плохо, я никогда не испытывал ничего подобного тому оргазму. Все, чего я хотел, это сорвать этот гребаный презерватив и почувствовать, как ее киска сжимается вокруг моего голого члена, наполняя ее своим семенем, пока мне нечего будет ей дать.

— Черт! Блядь ...о боже, гребаный ад... — Я стону, когда мой член извергается из моего кулака, сперма разбрызгивается по стенке душа, когда мои яйца сжимаются до боли, мои мускулистые бедра напрягаются от усилия. Такое чувство, что это никогда не прекратится, и я дергаюсь сильнее, представляя, как вся эта сперма окрашивает грудь Софии, ее лицо, ее губы, как она ее глотает, как глубоко погружает в себя, как это было бы приятно...

Я тяжело дышу к тому времени, как мой член перестает пульсировать, прислоняясь к бортику душа, вода все еще льется на меня. Я знаю, что мне нужно делать точно так же, как я знал с той ночи, когда прижал Софию к своей входной двери и осознал, какое желание она во мне пробуждает.

Мне нужно найти какую-нибудь другую женщину, может быть, не одну, черт возьми, столько, сколько я смогу привести в этот гостиничный номер, и выкинуть Софию из головы. Мне нужно выместить все это на как можно большем количестве желающих тел, пока я не вспомню, что ни одна женщина не имеет надо мной такой власти, и именно поэтому я всю свою жизнь оставался холостяком. Но даже когда я перевожу дыхание, я знаю, что не буду. Я не буду ни с кем трахаться сегодня вечером, и, вероятно, завтра тоже. Я не пойду куда-нибудь. Я закажу доставку еды и напитков в номер и выпью столько, сколько

смогу, из мини-бара. Потом я, вероятно, снова подрочу, может быть, даже дважды, думая о Софии, думая обо всем, чего я хочу от нее, но отказываюсь брать.

Я помню, как Росси в больничной палате назвал меня слабаком. Я никогда не поверю, что стремление к миру, а не к войне, делает меня слабым лидером. Но как раз сейчас, когда мой член упирается в бедро после нескольких недель сплошного самоудовлетворения, прерванного всего одной ночью с моей теперь уже женой, я не уверен, что у меня все-таки нет слабости.

Если я в чем-то слаб, то это из-за Софии, и только из-за нее.

Всю мою жизнь меня учили лишь одному правилу.

У человека в моем положении не может быть слабостей.

СОФИЯ

Я весь день не знаю, чем себя занять. Я принимаю душ после ухода Луки, задерживаюсь там так долго, как только могу, пока моя кожа не розовеет, а кончики пальцев не морщатся, пытаюсь выбросить из головы наш спор и все, что он сказал. Я стараюсь сосредоточиться на хороших вещах: роскошном травяном аромате шампуня, который я принесла в ванную комнату Луки из своей, геле для душа с ванильным медом, двойной насадке для душа, которая создает ощущение, что я нахожусь в самом шикарном отеле, в котором я когда-либо останавливалась. Я думала, что моя ванная комната была большой, но у Луки она еще больше. Плитка с подогревом, массивная ванна, такой же большой душ. Я пытаюсь сосредоточиться на этом удовольствии, наслаждаясь тем, что смываю с себя застарелый запах больницы, пока не почувствую себя отдохнувшей, по крайней мере физически.

Затем, не прошло и часа после того, как он ушел, я захожу в гостиную и нахожу iPad, оставленный для меня на кофейном столике, как он и сказал, с прикрепленной к нему стикерной запиской с паролем, написанным жирными буквами. Кто-то уже отправил все. Есть ли что-то, что он хочет сделать, что не произойдет немедленно?

Я ввожу пароль, чтобы найти доступ в Интернет, где текстовые сообщения отключены, и загружается только одно приложение для документов, со всем, что Лука, должно быть, попросил Кармен отправить. Беглый взгляд показывает, что содержание, это генеалогические древа, имена высокопоставленных членов семьи, жен и детей, любовниц мужчин, которых приводили на мероприятия вместо их жен, все, что мне, возможно, нужно знать об этой семье, чтобы вежливо общаться на мероприятиях, и ничего больше. Ничего интересного, никакой личной информации, никаких деловых отношений. Просто самые незначительные детали, которые я могу пересказать, если понадобится, например, "хорошенькая маленькая куколка" Луки.

От одного взгляда на это я сгораю от негодования. Я с горечью думаю, что Лука отказался от всего, что обещал. Он обещал оставить меня девственницей, и вот я здесь, лишенная девственности и вдобавок оскорбленная. Он обещал предоставить мне мою собственную квартиру, и теперь я не только застряла в его пентхаусе на неопределенное время, но и вынуждена делить с ним постель. Он пообещал мне, что нам вряд ли придется видаться после свадьбы, и теперь ничто не может быть дальше от истины.

Теперь он блядь задал мне домашнее задание.

И я, блядь, не собираюсь его делать. В моем нутре поднимается бунт, горячий и горький, и я отбрасываю iPad в сторону, на диван. Лука может идти нахуй. Я не хочу узнавать имена людей из его организации, все из которых контролировали мою жизнь с детства, а я даже не подозревала об этом. Интересно, сколько из этих мужчин в костюмах, приходили к нам домой, были ли среди них те, кто пришел, чтобы забрать мою мать для допроса, кто избил ее и угрожал ей.

Я их ненавижу. Я ненавижу каждого из них, черт возьми. Пошли они все нахуй! Я думаю, мне было бы все равно, если бы они все умерли, и какой бы ужасной ни была эта мысль, я позволяю себе насладиться ею на минуту, потому что злиться приятно. Приятно быть мелочной, позволять себе думать худшие мысли, какие только могут прийти в голову. В конце концов, эти мужчины могут делать все, что захотят, без последствий. И женщины, такие как Катерина, как я, как наши матери, расплачиваются за это. В том взрыве должен был погибнуть Росси, а не Джулия. Это должен был быть любой из мужчин. Даже Лука.

Эта мысль удивляет меня. Я не это имею в виду, я знаю это, но приятно позволить себе подумать об этом, хотя бы на мгновение. Я так зла, что мне кажется, будто я закипаю от этого.

Я бросаю взгляд на выброшенный iPad. Если я не собираюсь делать то, что просил Лука, и одна мысль об этом в таких выражениях злит меня еще больше, то как я проведу день? Пентхаус в моем распоряжении, и я могу использовать его наилучшим образом.

В конце концов, я решаю провести день на крыше, у бассейна. Я бунтую, захожу за барную стойку и продолжаю делать то, чего не делала раньше... пить. В холодильнике из нержавеющей стали со стеклянными дверцами за барной стойкой на верхних полках представлены все мыслимые сорта ликера и миксеры, и я достаю бутылку текилы и арбузную смесь "Маргарита". Если Лука собирается оставить меня здесь и настаивать на том, что я никуда не могу пойти одна, я заставлю его заплатить за это. Даже если это просто означает, что я выпью столько его дорогой выпивки, сколько смогу, и закажу самую дорогую еду, какую только могу себе представить. Кармен обычно заходит ближе к вечеру, чтобы узнать, что я могу пожелать на ужин, поскольку нам с Лукой еще предстоит поужинать вместе. По-видимому, предполагается, что я не умею готовить, и, хотя я умею, я счастлива позволить Луке оплачивать счет за то, что я ем, не готовя это сама.

С арбузной маргаритой со льдом в руке, дополненной сахарной каемочкой, я растягиваюсь на одном из шезлонгов у бассейна, закрыв глаза и нежась на солнце. Поздняя весна в Нью-Йорке редко бывает такой теплой, но за последние недели у нас было несколько жарких дней, и я не собираюсь жаловаться. По крайней мере, здесь, на крыше, я чувствую, что могу дышать немного лучше. "Пентхаус Луки", несомненно, принадлежит ему, все это тщательно продумано, чтобы излучать силу и мужественность, и это заставляет меня чувствовать, что я задыхаюсь.

Наличие моей собственной комнаты с моими собственными вещами, которые он подарил мне в ночь перед свадьбой, сделало все немного более сносным. А теперь даже это пространство было отнято. Конечно, я могу проводить там время днем, только ночью мне придется спать в его комнате. Но это не одно и то же. Это больше не похоже на мое бегство, место, где я могу спокойно спать и снова чувствовать себя почти в безопасности.

Мысль о том, чтобы проводить каждую ночь рядом с Лукой, заставляет мой желудок сжиматься от беспокойства. Сколько ночей пройдет, прежде чем ему надоест спать рядом с

теплым телом, которое он не может трахнуть? Через сколько времени он приведет женщину домой? Я удивлена, что этого еще не произошло. Где он будет это делать? В комнате для гостей? В моей комнате? Это даже не совсем мое, напоминаю я себе. Я опрокидываю свой стакан обратно, выпивая "маргариту" достаточно быстро, чтобы у меня застыл мозг и морщусь. Тем не менее, я встаю, чтобы почти сразу же приготовить еще. Я хочу перестать думать о Луке. Я хочу выкинуть его из головы, даже если для этого мне придется напиться до бесчувствия.

Но я не могу. На исходе дня я выпиваю еще три "маргариты" на крыше, залезаю в прохладную воду бассейна и выхожу обратно, чтобы растянуться на солнышке, как кошка, пытаюсь думать о чем угодно, кроме моего холодного, сбивающего с толку мужа. Но это невозможно. Каждый раз, когда я смотрю налево, мое смехотворно массивное кольцо поблескивает на солнце. Каждый раз, когда я оглядываюсь вокруг, я вспоминаю, что все это не мое, это все его, и у меня это вообще есть только из-за клятв, которые я дала сорок восемь или около того часов назад.

Думать больше не о чем, потому что все, что у меня было раньше, ушло. Мое образование, моя карьера, мои планы путешествий, мои надежды. Я не знаю, каким будет мое будущее. Это зависит от неуверенных отношений Луки с Братвой и их готовности отступить. А если они этого не сделают? Кто знает, что случится потом.

Предполагается, что я в безопасности. Предполагалось, что брак с Лукой обеспечит мне безопасность. Но я все еще чувствую такую же неуверенность и страх, как и в ту ночь, когда Михаил вытащил меня из ночного клуба.

Через некоторое время, когда я чувствую, что моя кожа начинает становиться слишком розовой, и я исчерпала свои возможности выпить еще одну "маргариту", я, пошатываясь, спускаюсь обратно в пентхаус и делаю заказ на ужин. Все еще кипя от злости, я заказываю в ближайшем суши-ресторане четыре самых дорогих ролла, которые только могу найти в их меню, а затем отправляюсь на поиски еще алкоголя.

Я ожидала, что Лука в какой-то момент вернется. В конце концов, он сказал, что похороны состоятся только завтра. Но по мере того, как вечер подходит к концу, а часы показывают с восьми до девяти, с девяти до десяти, я начинаю задаваться вопросом, вернется ли он вообще сегодня вечером. Я поужинала в кинозале, развалившись в одном из глубоких кресел, разложив суши на выдвигном подносе, рядом с которым стоял джин с тоником. Я едва обращаю внимание на фильм, какой-то кровавый слэшер, который соответствует моему настроению, мои мысли все еще поглощены Лукой, пока я ковыряюсь в суши.

Если он не возвращается домой, на это есть причина. И я могу назвать только одну причину, которая имеет смысл для меня в данный момент. Он с другой женщиной. Может быть, не с одной. Он не хотел иметь дело с драмой, связанной с возвращением кого-то в пентхаус к своей жене, поэтому он, вероятно, снял где-нибудь номер в отеле, чтобы сделать именно то, что он обещал, трахнуть кого-то, кто будет делать то, что он хочет, и будет хорош в этом. Кто-то, кто может доставить ему удовольствие. Может быть, несколько человек. Может быть, мой муж прямо сейчас устраивает гребаную оргию в каком-нибудь роскошном номере отеля на Манхэттене.

К моему ужасу, я чувствую, как слезы жгут мои веки. Для этого нет причин. Я не должна расстраиваться, если уж на то пошло, я должна быть благодарна за то, что Лука с какой-то другой женщиной и не беспокоит меня. Но я так не думаю. Я чувствую себя

обиженной, что глупо. Я не хочу, чтобы Лука был в моей постели, поэтому меня не должно волновать, что он в чьей-то еще.

Я не хочу его. Верно? Верно?

Я думаю о нашей первой брачной ночи, пытаюсь напомнить себе, чего именно я не хочу. Но я вдруг, кажется, не могу вспомнить, как была напугана и расстроена, узнав, что Росси принуждал его лишить меня девственности. Кажется, я не могу вспомнить, почему я сказала ему покончить с этим. Все, что я могу вспомнить, это то, как его пальцы скользили по моему позвоночнику, когда он расстегивал на спине мое платье, каким великолепным было его обнаженное тело. Я никогда раньше не видела обнаженного мужчину лично, но я уверена, что его член был самого совершенного вида, какой только может быть. Длинный, толстый и прямой, почти прижимающийся к его животу, он был таким твердым.

Из-за меня. Он хотел меня. Неважно, как сильно он пытается это отрицать.

Я редко думала о сексе до появления Луки. Я всего пару раз кончала, когда мне было так любопытно, что я не могла устоять. Я была слишком занята другими вещами, чтобы действительно уделять приоритетное внимание физическому удовольствию, с собой или с кем-либо еще. Но теперь, одна в кинозале, я забываю о том факте, что я должна презирать своего мужа. Я забыла, что там могут быть камеры, которые кто-нибудь может увидеть. Воспоминание о Луке, крадущемся к нашей брачной кровати, его лицо темном и решительном, его мускулистом теле, его члене, твердом, как камень, от вида меня, обнаженной на нем, делает меня влажной, несмотря ни на что. Я чувствую, насколько я горячая и скользкая, тонкая ткань моих шорт для отдыха прилипает ко мне. Я легко сдвигаю ткань в сторону, отодвинув поднос, чтобы у меня было больше места, мои ноги слегка раздвигаются, когда я немного поддраживаю себя, скользя одним пальцем вверх по складке моей киски. Я помню, как Лука назвал это так в ту ночь, когда он наклонил меня над диваном, рассказывая мне, какой влажной я стала для него, как сильно я хотела его. Но я сказала себе, что это потому, что Лука был там, прикасался ко мне, говорил мне эти грязные вещи, заставляя мое тело реагировать. Вот почему я была такой мокрой, вот почему я хотела поцеловать его в ответ, вот почему я так сильно хотела кончить, когда он играл со мной той ночью на диване. Но сейчас его здесь нет. Он не заставляет меня скользить пальцем между моих складочек, проводя кончиком по скопившемуся там возбуждению к моему клитору, описывая небольшой круг вокруг этого затвердевшего бугорка, пока я не начинаю задыхаться и мои бедра не выгибаются. Он не заставляет меня думать о том, как его член наполнял меня в первый раз, в первый и единственный раз, когда мужчина был внутри меня, так близко ко мне, и о том, как я на мгновение пожалела, что сказала ему покончить с этим быстрее.

Он не заставляет меня думать о том, как он целовал меня, когда потерял контроль, как он дрожал рядом со мной, что я чувствовала, когда он вонзался в меня в последний раз. Я знала, что он испытывал оргазм, что только тонкий презерватив удерживал его от наполнения меня своей спермой. Я сделала это. Я заставила его потерять контроль, несмотря на всю мою неопытность, на все мои протесты. Может быть, именно поэтому, он ушел, потому что знал, что я этого не хочу. Это, конечно, наихудшая возможность. Но я не думаю, что это так. Я не думаю, что Луке нравится принуждать меня, потому что он не заставлял меня переспать с ним в нашу первую брачную ночь. С тех пор он прилагает все усилия, чтобы заставить меня думать, что он не хочет этого снова.

Но я не уверена, что верю в это.

Я знаю, что все это плод моего лихорадочного мышления, затуманенного выпитым

сегодня алкоголем и охваченного внезапным приливом желанья к мужчине, которого, я знаю, на самом деле не хочу. И все же я позволяю себе на мгновение представить, что он мог бы сделать, если бы я сдалась. Если бы я сказала, что хочу его.

Будет ли он делать то, о чем Ана радостно рассказывала мне после своих лучших свиданий? То, что я раньше и представить себе не могла, что буду делать? Опустился бы он на меня, лизнул бы меня там, где мои пальцы гладят прямо сейчас, обвел бы мой клитор языком, как я пальцем, продолжал бы, пока я не закричала и не кончила? Как бы он трахнул меня, если бы я ему позволила?

Я с трудом могу себе это представить. Часть меня чувствует себя отстраненной, неспособной поверить, что прямо сейчас я мастурбирую посреди этой комнаты, мои тонкие шорты сдвинуты в сторону, а моя голая киска выставлена на всеобщее обозрение любому, кто может войти. Но, кажется, я не могу остановиться. Я засовываю два пальца внутрь себя, пытаюсь представить, что это член Луки, пытаюсь решить, возбуждает ли это меня, но они, возможно, не ощущаются такими большими, как у него. Тем не менее, мой большой палец, потирающий мой клитор, заставляет мои бедра приподниматься в моей руке, мое дыхание становится все быстрее и быстрее, когда я пытаюсь представить вместо этого его рот на мне, его голову, зарывшуюся между моих бедер.

— О боже... — Я громко стону, мои бедра напрягаются, когда я ни с того ни с сего понимаю, что вот-вот кончу. Это ощущается сильнее, чем когда-либо, когда я делала это раньше, давление нарастает, пока я не отчаиваюсь в этом, почти так же хорошо, как когда Лука довел меня до предела той ночью, когда он кончил мне на задницу, его горячее семя стекало по изгибу моей ягодицы на бедро... — Блядь! — Я визжу от удивления, не в силах поверить, что последняя мысль толкнула меня через край, когда все мое тело начинает содрогаться, наслаждение захлестывает меня. Я стону и извиваюсь на сиденье, чувствуя влажный жар, который распространяется по моим пальцам на ладонь, мой клитор пульсирует под большим пальцем.

И затем, когда волны моего оргазма отступают и комната возвращается в фокус, я точно понимаю, что я только что сделала.

— О боже мой. — Я натягиваю шорты обратно на место, мои щеки краснеют. В этой квартире нет места, где не было бы камер, за исключением ванной, я уверена в этом. Лука несколько раз упоминал мне, какая здесь охрана. Что, если один из его охранников увидел меня? Что, если Лука посмотрит на отснятый материал и увидит меня?

Мое сердце бешено колотится, то ли от оргазма, то ли от страха быть пойманной, я не уверена. Он никогда не позволит мне пережить это, если увидит, это точно. И если он узнает, что один из его охранников видел это...

Накажет ли он их? Накажет ли он меня? Я тяжело сглатываю, игнорируя легкую дрожь возбуждения, которая пробегает по моему позвоночнику при этой мысли. Не раздумывая, я хватаю свой напиток, беру подносы с суши, которые взяла на вынос, и выбрасываю их в мусорное ведро. У меня полностью пропал аппетит, все мое тело онемело от осознания того, что я только что сделала, и я в ужасе от самой себя.

Я только что мастурбировала впервые, наверное, за год или больше, и делала это, думая о Луке. Моем муже. Мужчине, который заставил меня расстаться с девственностью, который потом порезал мне бедро, когда у меня не пошла кровь, которому могла прийти в голову эта идея в первую очередь и который вообще мог бы уберечь меня от необходимости спать с ним.

Меня снова тошнит.

К тому времени, как я добираюсь до спальни, напиток заканчивается, и я ставлю стакан на комод, не заботясь о том, увидит ли его Лука позже. У меня кружится голова от алкоголя, моя кожа покраснела и зудит, и я не могу вспомнить, когда в последний раз была так пьяна. Может быть, никогда.

Мне удастся зайти в душ и стоять под горячими струями воды, пока я не теряю счет времени, прислонившись к стене. Я пытаюсь выкинуть мысль о том, что я только что сделала, из головы, убедить себя, что Лука не узнает, ему будет все равно, он ничего не сделает, если узнает.

Хотя я знаю, что это неправда.

Я чувствую себя измотанной этим днем и всем, что ему предшествовало. В какой-то момент я выхожу из душа и без особого энтузиазма вытираюсь, спотыкаясь, иду в спальню. Я чувствую, как мой желудок скручивает от волнения и тошноты, когда я забираюсь в массивную кровать, неловко сидя посередине в течение минуты.

На какой стороне спит Лука? На какой стороне он захочет, чтобы я спала? Имеет ли это значение?

Эта мысль кажется настолько нелепой, что мне хочется расхохотаться. Я почти соглашаюсь, с моих губ срывается писк, когда я сижу посреди темно-серого пухового одеяла в незнакомой спальне, на кровати, которая не моя. Наконец, я просто выбираю сторону. Я забираюсь под одеяло, вспоминая первую ночь, когда я проснулась здесь, в этой постели, до того, как я узнала обо всем этом, до того, как я узнала, что Лука будет моим мужем, до того, как я поняла, что все, о чем я мечтала, ушло.

Интересно, на что это будет похоже, когда он неизбежно вернется, оказавшись в постели рядом со мной. Я протягиваю руку и кладу ее на прохладное место с другой стороны, где простыня гладкая и нетронутая, подушки аккуратно сложены. В какой-то момент здесь будет лежать человек. Мой муж. Я никогда ни с кем не делила постель до своей первой брачной ночи. Теперь я буду делить ее каждую ночь с мужчиной, которого я должна ненавидеть, но к которому я явно испытываю гораздо более сложные чувства.

И я не имею ни малейшего представления, что с этим делать.

ЛУКА

Когда я просыпаюсь утром, первое, что я делаю, это принимаю две таблетки аспирина от пульсирующей головной боли, которая угрожает расколоть мой череп благодаря тому, что накануне вечером я выпил слишком много виски. Второе — позвонить по номеру, который, как я знаю, соединит меня с правой рукой Виктора, Левиным. Там нет номера, по которому можно поговорить с Виктором Андреевым напрямую, но это почти так же хорошо. И мне нужно, чтобы Виктор знал, что я серьезен.

— Да? — После одного гудка на линии раздается густой голос с сильным акцентом. — Кто это?

— Лука Романо. Не вешай трубку. — Резко говорю я. — Ты захочешь это послушать.

— Я сомневаюсь в этом. Но, пожалуйста, продолжай.

— Мне нужно встретиться с Виктором.

На другом конце провода слышится фыркание.

— И почему он должен встречаться с тобой? Скажи мне, пожалуйста, почему ты так стоишь его времени, младший босс.

— Ну, во-первых, — говорю я хладнокровно, — я больше не младший босс. Со вчерашнего дня я занял место Росси в роли Дона. — Я бы предположил, что глаза и уши Виктора уже слышали это.

На другом конце провода на мгновение воцаряется тишина. Я уверен, что сегодня вечером кто-то будет истекать кровью из-за того, что не узнал эту информацию раньше. Но это не моя проблема.

— А Росси? — Теперь голос Левина звучит сдержанно.

— В больнице. Он будет жить, но он зол. Он хочет войны из-за смерти своей жены. Я уверен, Виктор ожидает, что он может сделать.

— А ты нет?

— Нет, — говорю я ровно. — Я не хочу. Поэтому я хочу поговорить с Виктором и посмотреть, что мы можем сделать. Я не хочу, чтобы было еще больше кровопролития, если этого можно избежать.

— Смелые слова от человека, который недавно нашими людьми покрасил гостиничный номер в красный цвет.

— Они украли то, что принадлежит мне.

— Виктор сказал бы, что она должна была принадлежать ему.

Это пугает меня, но я стараюсь, чтобы Левин не услышал этого в моем голосе и не дрогнул ни в малейшей степени. Если я собираюсь добиться того, чего я хочу, я должен быть уверен, что русские не почувствуют слабости.

Даже к Софии. Особенно к Софии.

— Я уверен, что, если мы с Виктором поговорим, мы сможем это уладить. Я не желаю, чтобы кто-то еще умирал. Мы можем остановить это сейчас, если сможем прийти к соглашению. Я также хочу, чтобы он согласился не принимать дальнейших мер против нас сегодня. Похороны Джулии Росси состоятся сегодня днем, и я думаю, не будет слишком большой просьбой позволить нам похоронить ее, не опасаясь дальнейших нападений на наших женщин и детей. Мы, мужчины, можем сразиться в другой раз, если понадобится.

Наступает долгая пауза, и я почти задаюсь вопросом, не повесит ли Левин трубку, но, на линии снова раздается его голос, слегка потрескивающий от помех.

— Я передам сообщение. Но никаких обещаний.

А потом телефон отключается.

Что ж, я полагаю, это лучше, чем ничего. Если Виктор будет настаивать на войне, это будет трудно остановить. Мне нужно пресечь это в зародыше, прежде чем он сможет предпринять какие-либо дополнительные шаги, или Росси сможет оправиться настолько, чтобы сделать что-нибудь еще хуже.

Час спустя я принял душ и переоделся в костюм, который прислала Кармен. Я беру поднос с завтраком, который принесла служба обслуживания номеров, и проверяю электронную почту на телефоне. Мне приходит в голову, что я мог бы попросить одного из охранников соединить меня с Софией, чтобы узнать, как у нее дела. Я мог бы даже просто связаться с ними и убедиться, что с ней все в порядке. Но я подавляю это желание. Если бы прошлой ночью был хотя бы намек на опасность, я был бы предупрежден. И я не знаю, как

она отреагирует на мое отсутствие прошлой ночью или что она скажет мне сегодня. Все мое внимание должно быть сосредоточено на переговорах с Виктором и прекращении этой угрозы.

Я готовлюсь к предстоящему дню, когда сажусь в машину, чтобы ехать в похоронное бюро. С тех пор, как я получил известие о смерти Джулии Росси, во мне медленно закипал гнев, который было трудно сдерживать. Я, конечно, знал Джулию с детства. Мой отец не пытался оградить свою семью от мафиозных делишек, как это делал Джованни. С другой стороны, мой отец женился на хорошей итальянке, дочери бывшего босса Лос-Анджелеса незадолго до своей кончины. Моя мать не любила такую жизнь, но она родилась в ней и выросла, зная, каково ее место. Мы часто ужинали в большом особняке Росси, иногда они даже соизволяли приходить в наш небольшой особняк из бурого камня.

Джованни Ферретти, конечно, часто бывал на тех ужинах, но всегда без своей русской жены и дочери. Это было негласное правило, ему сошло с рук, что он женился на ней, но ее всегда держали как можно дальше от посторонних глаз.

Отец Софии не смог подготовить ее к неизбежному будущему жены мафиози во многих отношениях, потому что он был необычным человеком. Даже до женитьбы он был почти монахом, отказываясь принимать участие в сексе, выпивке и азартных играх, которые нравятся большинству из нас. У него было столько же богатства, сколько у любого из нас, и много власти, как у третьего сына Росси, но он держался особняком, предпочитая книги и музыку дома поздним ночам и знакомству с женщинами.

Я, конечно, ничего из этого лично не видел, но слышал, как мой отец говорил об этом. Росси упоминал об этом несколько раз, когда я был взрослым после того, как отца Софии и моего не стало. Росси жаловался, что отправил его в поездку, которая привела его в Москву и познакомила с Ириной Соловьевой.

Об Ирине ходит множество слухов, все из которых я так или иначе слышал. Некоторые говорят, что Джованни спас ее от брака, которого она не хотела. Другие шептались, что София вовсе не дочь Джованни, что Ирина уже была беременна, и мужчина, от которого родился ребенок, планировал убить их обоих. Другие слухи, конечно, тоже распространились. Мое мнение, что все это неправда. Джованни был просто глупым мужчиной, влюбленным в красивую женщину.

История Джованни и Ирины, для кого-то романтическая, была преподана мне в качестве урока. Наша жизнь — наша невеста для мужчин нашего ранга, и любая другая женщина, жена она или нет, никогда не будет больше, чем любовницей. Деньги, власть и продолжение всего, что было построено до нас, и всего, что придет после, должны быть нашей большой любовью, любовь к другому человеку: жене, ребенку, не влияет на то, какой жизнью мы должны жить. Это для других, ничтожных мужчин.

Джованни любил свою жену и дочь. Но, в конце концов, это ничего им не дало. Он давно мертв, за ним последовал мой отец, и его жена тоже мертва, погибла от рака, который появился как будто из ниоткуда вскоре после этого. София оказалась в ловушке брака со мной, брака, которого она не хочет, и, честно говоря, я тоже чувствую себя более чем немного в ловушке.

Мои мысли возвращаются к Джулии, очаровательной жене Витто Росси. Даже в преклонном возрасте она все еще была элегантной женщиной того типа, которую в зрелые годы окружающие часто называли "добродушной". Она была добра к моей матери после того, как был убит мой отец. Она пыталась сделать для меня все, что могла после того, как

моя мать покончила с собой. Но к тому времени она мало что могла сделать. Я был в позднем подростковом возрасте, и Росси твердо взял меня под свое крыло, готовя к должности, которую я вскоре должен был занять, защищая меня от слухов вокруг нас. Было много пожилых мужчин, которые думали, что их следовало выбрать на место моего отца вместо того, чтобы его едва законного сына повисили. Но Росси был доном, и никто не стал бы спорить с ним в лицо.

Однако за его спиной всегда существовали разногласия по поводу того, заслуживаю ли я того, что мне дано. Есть много людей, которые думают, что я этого не заслуживаю, что я этого не заслужил, что поначалу было правдой. Но будь я проклят, если с тех пор не сделал все, что мог, чтобы заслужить свое место во главе стола. Я пытал, калечил и убивал ради Росси, управлял его бизнесом и улаживал его сделки. Мне нравится думать, что подростка, который стал самым молодым младшим боссом, когда-либо занимавшим кресло Манхэттена, давно нет в живых.

Я стал мужчиной в этой жизни под руководством Росси. И я испытываю такую же ярость, как и он, из-за того, что единственная женщина, которой было не наплевать на меня после смерти моей матери, которая пыталась заменить мне мать, когда могла, мертва из-за Братвы. Из-за Софии, тихий голос все еще не уходит из моей головы, тот, который постоянно напоминает мне, что София — причина всего этого. Причина настойчивости Братвы. Причина, по которой я сейчас женат. Причина, по которой отель подвергся нападению. И я не могу понять, почему она так чертовски важна для кого-либо. Маленькая скрипачка-сирота наполовину русская, наполовину итальянка. Дочь бывшего босса, конечно. Но есть много низших начальников с дочерьми, и я не видел, чтобы братва бомбила отели, чтобы добраться до них.

В глубине души я хотел бы прорубить кровавую полосу в Братве и отомстить за Джулию так же сильно, как это сделал бы Росси. И все же я пытаюсь установить мир. Ради моей жены. Для всех других жен, матерей и детей, которые не хотят терять своих мужей, отцов и сыновей. Которые не хотят умирать в качестве сопутствующего ущерба для жизни, которую они не выбирали.

Машина останавливается перед похоронным бюро, и я вижу, как люди уже входят. Франко стоит в дверях, когда я подхожу, и я хмурюсь, бросая на него взгляд.

— Я думал, ты будешь с Катериной.

— Она справится сама. Я ждал тебя. Мы должны поговорить о том, что будет дальше.

— Для этого будет время позже. Ты должен быть со своей невестой. Будь ей хорошим будущим мужем.

Франко фыркает.

— Тебе ли болтать об этом, — говорит он, его голос слишком легкомысленный для такого случая. Но он все равно поворачивается и уходит внутрь.

Он, конечно, прав. Я не из тех, кто любит говорить. Я далек от того, чтобы быть хорошим мужем Софии, и у меня нет реальных намерений когда-либо им становиться. Тем не менее, Катерина хорошая женщина и хорошая потенциальная жена, могла бы быть и моей женой, если бы не обещание, которое связало меня с Софией. Ей повезло, что она не вышла замуж за меня. Я думал, Франко был бы лучшим мужем для нее, несмотря на все его распутство. Но, похоже, он не совсем соответствует своей работе. Я поговорю с ним, рассеянно думаю я, пока топчусь у двери. Я внушу ему необходимость дать его жене почувствовать заботу, даже если он не верен ей. Даже если он ее не любит. Даже просто

думая об этом, я чувствую себя лицемером. Возможно, в данный момент я верен Софии, но такие слова, как "Любовь и забота", определенно не описывают наши отношения. На самом деле, то, что я чувствую к ней, граничит с одержимостью. Опасное отвлечение. Похоть, подобной которой я никогда не испытывал.

Определенно, это не любовь.

Однако это последнее место, где я хочу позволить мыслям о Софии закрадываться в себя, и я заставляю себя сосредоточиться на здесь и сейчас, направляясь в похоронное бюро, чтобы найти Франко и Катерину. Они стоят в передней части просмотрового зала: Катерина в черном платье до колен, поверх которого накинута кофта, защищающая от холода в здании, и короткой сетчатой вуали, приколотой к глазам и зачесанными вверх волосами. Ее глаза покраснели, а лицо побледнело, но она удивительно собрана, стоит прямо, расправив плечи и не опираясь на Франко.

Может быть, она чувствует, что он не будет тем мужем, на которого она может положиться, но лично я думаю, что Катерина просто пошла в свою мать. Джулия была сильной женщиной, и я испытываю еще одну вспышку негодования из-за того, что она лежит холодная в гробу, вместо того чтобы быть все еще живой и энергичной. Я думал, что привык к смерти, но, может быть, мы никогда не привыкнем к бессмысленным смертям. Смертям, которые наступают слишком рано, тех, кто нам близок.

— Тебе следует поговорить с Софией, — тихо говорю я Катерине в перерывах между разговорами с другими скорбящими и членами семьи, которые заходят, чтобы утешить ее. — Она кое-что знает о потере родителей.

Катерина тонко улыбается.

— Ты тоже. — Я не самый лучший утешитель. Я одариваю ее легкой полуулыбкой, наклоняясь, чтобы коротко сжать ее руку.

— Скажи мне, если Франко не выполнит свою часть работы, и я поговорю с ним.

— Он делает все, что в его силах. — Голос Катерины звучит тихо и издалека.

Я знаю, что, вероятно, это не тот случай. Я оглядываюсь и вижу, что Франко разговаривает с капо из Нью-Йорка, его внимание уже отвлечено от своей будущей жены.

— До сих пор на нем не было большой ответственности, кроме того, что он был моим другом и поддерживал меня. Но он смирится. Он войдет в эту роль. — Он молод, — тихо говорит она. — Но я предпочла бы его, чем некоторых мужчин, которым я могла бы стать женой. По крайней мере, Франко не будет бить меня или обращаться со мной как с племенной кобылой. Я никогда не ожидала, что у меня будет особенно любящий или верный муж. Достаточно и одного доброго.

— Франко такой. — По крайней мере, я никогда не видел его злонамеренно жестоким. Может быть, и дразняще жестоким, но никогда с намерением причинить кому-либо боль. И его никогда не призывали делать то, что мне приходилось делать для Росси. Он был моим напарником всю нашу жизнь, Робинот для моего Бэтмена. Тот, кому никогда не приходилось быть серьезным, кого я всегда пытался оградить от тех, кто распространял о нем сплетни или пытался запугать его.

Теперь все изменится. И когда я смотрю, как Франко движется по комнате с его легкой, очаровательной грацией, его рыжие волосы выделяются подобно маяку среди моря темноволосых мужчин и женщин, я чувствую, как в моем животе зарождается легкое беспокойство.

Я надеюсь, что он справится с задачей.

ЛУКА

Начинается дождь, когда гроб Джулии Росси опускают в землю. Кладбище превращается в поле с черными зонтиками. Катерина тихо плачет, зажав рот рукой в перчатке, и даже Франко стал серьезным, скрестив руки перед собой, когда он стоит под зонтиком, который он держит над ними обоими. На холме, где проходит дорога, я вижу, как подъезжает длинная черная машина. Мгновение спустя выходят двое мужчин плотного телосложения, одетых в слишком теплые для такой погоды куртки, в которых почти наверняка спрятано оружие, и я с напряжением в животе понимаю, кто это должен быть.

Виктор Андреев.

Я наклоняюсь к Франко.

— Я вернусь через минуту, — тихо говорю я и киваю в сторону холма, где стоит машина на холостом ходу. Франко прослеживает за моим взглядом, и я вижу, как по его лицу пробегает тень нервозности.

— Ты хочешь, чтобы я пошел с тобой? — Его голос низкий, встревоженный, и я качаю головой.

— Оставайся здесь с Катериной. Со мной все будет в порядке.

— Я твой заместитель. Я должен быть на твоей стороне...

— Сегодня ты ее будущий муж. Она только что потеряла свою мать, Франко, а Росси все еще в критическом состоянии. Прояви немного сострадания. — Мой тон жестче, чем когда-либо был с ним. Тем не менее, я начинаю беспокоиться, что спокойная жизнь, которую Франко вел в моей тени, не смогла подготовить его к его новому положению.

Может быть, мне следовало быть с ним строже, как Росси был со мной. Но сейчас я ничего не могу с этим поделать.

Я взбираюсь на холм, чувствуя, как по спине стекают капельки пота, отчего рубашка неприятно прилипает к телу. Я не был лицом к лицу с Виктором с тех пор, как был убит мой отец, когда они с Росси пришли к временному миру. Воспоминание об этом тоже обжигает мне нутро. Росси был готов заключить мир тогда, но не сейчас. Однако именно Виктор пришел просить о прекращении огня. На той неделе мы убили больше русских, чем за последние десятилетия.

Окна машины слишком затемнены, чтобы разглядеть, что внутри, но я подхожу к охранникам, окружающим машину, и поворачиваюсь, чтобы они не сводили с меня глаз. Кто-то открывает ближайшую ко мне пассажирскую дверь, и мгновение спустя оттуда выходит высокий мужчина в сером костюме, выпрямляясь во весь рост. Он выглядит старше, чем я помню, хотя Виктор всего на шесть или семь лет старше меня, ему немного за тридцать. Он не улыбочив, его жесткое и чисто выбритое лицо каменное, а льдисто-голубые глаза холодные.

Я слышал, что женщины считают его красивым. Хотя у него нет репутации распутника. Его жена умерла в прошлом году, оставив его с двумя маленькими дочерьми, и он еще не женился повторно. Я удивлен, что все высокопоставленные мужчины в России и Америке не бросают ему своих подходящих дочерей. Хотя, может быть, и бросают, а мы

просто не знаем об этом. Или, возможно, никто не хочет выходить замуж за холодного вдовца, которого мужчины называют Уссурийским Медведем.

Если бы я был женщиной, я бы не был склонен выходить замуж за человека, торгующего сексуальным рабством. Братва хорошо известна своим жестоким обращением с женщинами, женами, дочками и рабынями. У меня нет причин думать, что Виктор Андреев чем-то отличается, хотя ходили слухи, что его брак был заключен по любви.

Я нахожу это смешным. Виктор, мужчина, созданный еще меньше для любви к жене и семье, чем я.

— Лука Романо, — Виктор говорит с культурным русским акцентом, более элегантным, чем у Левина или солдат, которых пытаются на наших складах. — Я слышал, ты хотел поговорить со мной. Прошло много времени.

— Давай не будем притворяться, что это светский визит. Ты знаешь, почему я хотел встретиться.

Рот Виктора кривится от удовольствия.

— Левин говорил мне о мире. Я нахожу это странным, учитывая, что жена вашего дона была только что убита. Хотя... — он делает эффектную паузу, окидывая меня холодным взглядом. — Я также слышал, что ты узурпировал место Витто Росси.

— Титул перешел ко мне, да. — Я стараюсь говорить как можно ровнее, хотя чувствую, как глубоко в животе начинает закипать незнакомая ярость. Я всегда был самым спокойным и собранным из ближайшего окружения Росси, вот почему он так часто посылает меня выполнять за него грязную работу. Но при виде Виктора мне хочется крови, несмотря на все мои заверения в желании мира.

Этот человек похитил Софию. Я помню синяки на ее лице, страх в ее глазах, когда она проснулась. Он ответственен за смерть Джулии.

— И теперь ты хочешь призвать к прекращению огня между нами? — Он все еще выглядит удивленным, и это заставляет меня чувствовать себя почти неконтролируемо жестоким. В моей голове проносятся видения о том, как я хватаю его за рубашку и толкаю спиной к машине или сжимаю кулак и стираю улыбку с его лица, но я знаю лучше. Его охрана была бы рядом со мной через секунду, и все, чего я пытаюсь достичь, потерпит полный крах.

Я стискиваю зубы, заставляя себя сохранять спокойствие.

— Я хочу мира, да. Больше никаких взрывов в отелях или перестрелок на улицах. Больше никаких похищений и угроз. Давай обсудим это между нами, как мужчина с женщиной, лидер с лидером, и придем к соглашению.

Виктор оценивающе смотрит на меня.

— И что ты дашь мне за этот мир, Лука?

— Разве жизнью твоих людей недостаточно? Интересно, что бы они чувствовали, если бы знали, как мало ты их ценишь?

Выражение его лица мрачнеет.

— Мои люди знают свою ценность для меня. Я спрашиваю снова, что ты предложишь мне за мир?

— Есть ли что-то, что тебе нужно?

— Что, если я попрошу тебя отдать Софию?

Моя реакция неожиданна и мгновенна, мои руки сжимаются в кулаки по бокам, когда я изо всех сил пытаюсь сохранить самообладание. Я не знаю, что злит меня больше,

небрежный тон, с которым он высказал это предположение, как будто София была партией наркотиков, из-за которой нужно поторговаться, или мысль о том, что он мог бы намереваться с ней сделать. Мысль о его руках на ней вызывает у меня жажду убийства, и на мгновение я подумываю о том, чтобы поддержать стремление Росси к войне. Я мог бы стереть город с лица земли от этих ублюдков. Но не без огромного количества крови и смертей с обеих сторон. И я не готов посылать наших людей на войну с Братвой, если только не будет другого выбора.

— София теперь моя жена, — хладнокровно говорю я. — Как я уверен, ты знаешь, поскольку на следующее утро после нашей свадьбы напали на наш отель. Ты знал, кто там будет и почему. Но наверняка в этом городе есть и другие красивые женщины, которых ты можешь заманить в свои лапы и продать с прибылью. Я это знаю, я вероятно, трахал большинство из них.

Виктор посмеивается, его лицо ничего не выражает.

— Без сомнения, — сухо говорит он. — Но я не собирался продавать Софию. Я намеревался жениться на ней.

Жаль, что я не смог скрыть свой шок. Но я слишком поражен этим открытием, чтобы контролировать свое лицо, я знаю, что моя испуганная реакция может быть легко прочитана. Виктор видит это, я знаю, что он видит по довольному взгляду, который мелькает на его лице.

— Ты этого не ожидал.

— Нет, — говорю я категорически. — Почему ты хочешь жениться на ней? По правде говоря, в этом еще меньше смысла. Я представляю, как бы ее продали за значительную цену, красивую, молодую девственницу. Но как жену? Тебе не нужна девочка, Виктор. Тебе нужна женщина, которая сможет стать матерью твоим детям.

Выражение лица Виктора мрачнеет.

— Не говори мне, что мне нужно, Лука. Возможно, мне нужна была эта юная девственница, как что-нибудь сладкое, чтобы отвлечься от мыслей о мужчинах, которых ты убил. Что-нибудь, что облегчит боль от территории, которую ты отвоевал за последние годы. Я могу только представить, какая вкусная она, должно быть, была...

Я издаю шипение, сам того не желая, моя челюсть сжата, когда я изо всех сил пытаюсь не врезать ему прямо здесь и сейчас.

— Я вижу, что задел за живое. — Виктор улыбается. — Полагаю, мне не следует так говорить о твоей жене. В конце концов, она больше не девственница, так что вряд ли это имеет значение. Тем не менее, ты просишь мира, но ничего не предлагаешь взамен. Почему я не должен продолжать пытаться захватить вашу территорию для себя? Витто проделал такую хорошую работу, заключая сделки на протяжении многих лет. Мне предстоит заняться таким большим и плодотворным бизнесом.

— Ты убил Джулию Росси, — рычу я, мой голос становится все громче по мере того, как мое терпение иссякает. — Тебе повезло, что мы еще не начали убивать твоих собак.

Улыбка Виктора не сходит с лица.

— Жертвы войны, Лука. Точно так же, как жертвы твоего отца и Софии. В некотором смысле и твоих матерей тоже. И ты хочешь, чтобы эти жертвы прекратились. Итак, я сделаю тебе еще одно предложение, поскольку ты уже забрал Софию себе. Отдай мне в жены дочь Росси. Как ты сказал, мне нужен кто-то более способный войти в роль жены и матери, кто-то подготовленный к этому. И более того, мне нужно то единственное, что моя покойная

жена не смогла мне дать.

— Что?

Его взгляд удерживает мой, холодный и решительный.

— Сын, конечно.

— И что заставляет тебя думать, что Катерина обеспечит это? У Джулии была только одна дочь.

— Я слышал, что все решает мужчина, и у меня есть три прекрасных брата, все сильные. И если она подарит мне дочь, я буду тщательно засеивать ее поля, пока она не подарит мне сыновей. Я видел ее, она красивая девушка. Буду трахать ее до тех пор, пока она не даст мне то, что мне нужно, это не будет проблемой.

— Она помолвлена с моим младшим боссом, Франко Бьянки, — говорю я категорично, хотя внутри у меня все кипит. — Выбери жену из своих женщин, Виктор. Наши вам не нужны.

— Я уже дважды предлагал тебе способ прийти к соглашению, — хладнокровно говорит Виктор. — И все же ты отказываешься. Тогда ты, должно быть, хочешь войны несмотря на то, что настаиваешь на обратном.

— Только потому, что я не хочу обменивать дочь Витто, это не значит, что я хочу войны. Я готов вести переговоры за твоим столом, Виктор. Но мы не торгуем мясом.

Виктор элегантно фыркает.

— Тогда предложи мне что-нибудь, Лука. Или мира не будет.

— Через неделю в доки прибудет партия кокаина. Вместо этого мы передадим его вашим людям и компенсируем разницу с нашим покупателем. Я даже подслащу сделку и добавлю плату за обработку. — Я называю цифру, и Виктор смеется, глубокий раскатистый звук доносится с холма и заставляет нескольких собравшихся скорбящих посмотреть туда, где мы стоим.

— Ты оскорбляешь меня, Лука. Я думал, Витто научит тебя чему-нибудь получше. Ты уводишь женщину, на которой я собирался жениться, трахаешь ее сам, а затем отказываешь мне в невесте. Ты думаешь, у меня нет собственных поставок? Своих собственные денег? Я хочу чего-нибудь получше твоих надуманных подачек. Но поскольку у тебя явно нет ничего из того, что я хочу, что ты готовы отдать, тогда мне больше нечего сказать.

— Подожди... — Я начинаю говорить, но Виктор уже садится обратно в машину, дверь за ним плотно закрывается. Я начинаю приближаться к двери, я не знаю, что именно я собираюсь сделать, открыть ее? Требовать, чтобы он согласился? Но его охрана немедленно встает перед дверью и преграждает мне путь.

Я знаю, что лучше не пытаться пройти мимо них. Я отступаю назад, волна беспомощности захлестывает меня, оставляя холоднее и злее, чем раньше. Виктор заставил меня чувствовать себя выхолощенным, неспособным что-либо сделать в сложившейся ситуации, и я чувствую, как ярость захлестывает меня, напрягая каждый мускул.

К тому времени, как я достигаю подножия холма, почти все уже разошлись, но Франко и Катерина все еще ждут меня.

— Что случилось? — С тревогой спрашивает Катерина. — Кто это был?

— Виктор Андреев, — жестко отвечаю я.

— И? — Франко смотрит на меня, и в нем есть нервное нетерпение, которое кажется мне каким-то странным, хотя я не могу точно определить, почему. — Вы пришли к какому-то соглашению?

— На данный момент условия не установлены. — Я отвожу взгляд от него, глядя на бледное лицо Катерины, и снова чувствую злость из-за того, что не смог это уладить. Что человек, ответственный за смерть ее матери, решил объявиться именно сейчас, именно здесь, и я не смог заставить его прийти к соглашению. — Вам нужно пожениться как можно скорее, — говорю я им, переводя взгляд на них. — Мы поговорим с отцом Донахью о переносе даты свадьбы. Я сожалею о планировании, Катерина. Я знаю, что будет тяжело без твоей матери и еще труднее торопить события. Я уверена, София вмешается, чтобы помочь, чем сможет. — Ей лучше, мрачно думаю я, прежде чем у меня появляется шанс подавить эту мысль. Мое терпение на исходе настолько, что я не знаю, сколько его у меня осталось на восстание Софии.

— Я не знаю, что Виктор сделает дальше, — продолжаю я. — Но я продолжу делать все, что в моих силах, чтобы ситуация не обострилась.

— Я знаю, ты найдешь способ, — тихо говорит Катерина, и я пораженно смотрю на нее. — Я доверяю тебе, Лука.

Слова просты, но я слышу, что за ними стоит, она доверяет мне как хорошему руководителю, способному положить конец этим конфликтам, создать мир, в котором она живет, таким, где она сможет вырастить сына, который унаследует мое место, не опасаясь за его жизнь. Но прямо сейчас, после моего разговора с Виктором, эти слова заставляют меня чувствовать себя хуже, чем когда-либо.

Потому что я больше не уверен, что смогу сделать что-либо из этого.

СОФИЯ

Я на кухне, очищаю мандарин, взятый из вазы для фруктов, которая всегда таинственным образом полна, кладовая и холодильник тоже всегда полны еды несмотря на то, что ни Лука, ни я никогда не готовим, когда слышу, как с громким хлопком открывается и закрывается входная дверь.

У меня скручивает живот. Меня весь день тошнит, голова болит, а желудок сводит от похмелья, которое возникло после вчерашнего запоя, но это что-то другое. Я почти уверена, что Лука дома, и чувство, которое охватывает меня, странное и незнакомое. Это похоже на страх, смешанный с волнением. Хотя я, безусловно, могу понять страх, я не могу смириться с тем, почему его приход вызывает у меня трепет, заставляя меня чувствовать себя нервной.

Я почти как будто предвкушаю ссору, которая у нас может быть, то, как он будет нависать надо мной с гневом, и как будет нарастать напряжение, натягивая густой воздух, между нами. Я никогда не думала, что буду той, кто будет получать удовольствие от такого рода вещей, но что-то в том, как мы с Лукой конфликтуем, заставляет меня хотеть большего, независимо от того, сколько я говорю себе, что это не так.

— София? София!

Я слышу, как он зовет меня по имени из гостиной, громко и повелительно, и я неуверенно выхожу из кухни, мое сердце колотится в груди. Я не знаю, в каком он настроении, но у меня такое чувство, что я скоро узнаю.

Свет в гостиной приглушен, комната тусклая и освещена в основном ночным заревом

города, проникающим через массивное окно. Лука стоит там, на фоне него вырисовывается силуэт, его пиджак снят, а рукава рубашки закатаны. Когда он поворачивается на звук моих шагов, я вижу, что он уже снял галстук, а первые две пуговицы его рубашки расстегнуты. Это напоминает мне о том, как он выглядел перед самым уходом, когда рассказал мне о новых условиях моей жизни, и дрожь пробегает у меня по коже.

— Ты не пришел домой прошлой ночью. — В моем голосе слышится легкая дрожь, и я ненавижу это. — Где ты был?

— Это имеет значение? — Его голос напряженный и холодный, и от этого по мне пробегает еще одна дрожь.

— Я не знаю. — Я прикусываю нижнюю губу. — Я просто... я думала, ты будешь дома.

— Я думал, тебе понравится покой. — Тон Луки обманчиво спокоен, и теперь я знаю, что за этим должно скрываться что-то еще. — Разве муж не может беспокоиться о благополучии своей жены?

— Ты не такой муж, — парирую я. — И ты это знаешь.

— Нет. Полагаю, что это не так. — Лука включает свет, немного увеличивая его яркость. — Ты была хорошей девочкой, пока меня не было, София?

Мое сердце замирает в груди. Знает ли он? Я не была “хорошей девочкой” во многих отношениях, я не прочитала ни слова из того, что оставили для меня на iPad, я напилась в стельку, я... Я не могу даже думать о том, что я делала в кинозале, иначе я покраснею, и тогда Лука наверняка узнает, что я сделала что-то, чего не должна была. А почему я не должна была? Я вызывающе думаю. В конце концов, это мое тело. Но я чувствую вину не за то, что я сделала, а за то, о чем я думала, когда делал это, вернее, о ком думала.

Он делает шаг ко мне, и то, как он двигается, заставляет меня думать о крадущейся пантере, о чем-то, преследующем меня в полумраке комнаты.

— Как же твои уроки? Ты прочитала то, что прислала Кармен?

— Я...

— Как зовут младшего босса Майами?

— Я...

— Лео Эспозито. — Лука останавливается, все еще в нескольких дюймах от меня. — А как насчет его жены?

— Я...

— Бьянка Эспозито. У них трое детей. — Он повторяет это по памяти, его зеленые глаза устремлены на меня. Я вижу в них что-то, не желание, не совсем гнев. Что-то еще, какие-то беспокойные эмоции. — А что насчет младшего босса Филадельфии?

— Лука...

— Анджело Россо. Он молод и не женат. — Лука делает еще два шага ко мне, и я вижу, как напрягаются мышцы на его челюсти. — Ты хотя бы смотрела документы, София?

— Я... нет, — признаюсь я, и у меня пересыхает во рту от выражения его лица. — Я этого не делала.

— А почему нет? — Есть это обманчивое спокойствие, как будто ему действительно все равно. Но я знаю, что ему не все равно. Я знаю, что надвигается буря, я просто не знаю, когда она разразится. Мне нечего сказать. Я не хотела, и это единственный честный ответ, который я могу дать. Но я знаю, что это худшее, что я могу сказать Луке.

— Я не знала пароля.

— Он был оставлен для тебя в записке, прикрепленной к iPad. Мне сказала Кармен.

— Должно быть, он отвалился.

Лука делает еще один шаг, сокращая расстояние между нами, и мой пульс нервно трепещет в горле. Я могла бы дать задний ход, я должна дать задний ход, но, кажется, не могу заставить свои ноги двигаться. Я чувствую себя так, словно застыла на месте.

— Это первая ложь за сегодняшний вечер. — Он поднимает палец. — Ты не читала. Так что же ты делала, пока меня не было?

— Я... я пошла к бассейну...

— И что ты делала, пока была там, наверху?

— Позагорала, немного поплавала... — Я пытаюсь сглотнуть, но в горле пересохло. Лука кажется напряженным, беспокойным, и я знаю, что его беспокоит нечто большее, чем просто плохое поведение, о котором он узнал от меня. Однако мои мятежи, возможно, как раз и подталкивают его к краю.

От одной мысли об этом у меня по спине пробегает дрожь, а по коже до кончиков пальцев пробегает покалывание. К моему ужасу, я чувствую, как это новое знакомое ощущение скручивается в животе, спускается к паху, и я не понимаю этого. Это заводит меня, эта игра, в которую мы, кажется, играем каждый раз, когда мы вместе, эта смесь страха, опасений и похоти, которую он, кажется, пробуждает во мне.

В кого он меня превращает?

— Так ты не напилась на крыше? Ты не продолжала пить, пока не легла спать?

— Я... я на самом деле не пью...

— За исключением тех случаев, когда ты остаешься одна в пентхаусе с неограниченным количеством алкоголя, по-видимому. — Лука делает шаг назад. — Это две лжи. — Он смотрит на меня сверху вниз, выражение его лица бесстрастно, и часть тепла между нами рассеивается, когда он отступает. — Иди наверх, София.

— Но... — Я смотрю на него в замешательстве. — Куда ты хочешь, чтобы я пошла?

— Ты точно знаешь, куда я хочу, чтобы ты пошла. — Теперь его голос звучит почти сердито. — Не ссорься со мной, София, или, клянусь всем святым, ты пожалеешь об этом. Иди наверх.

Я не знаю, какое безумное желание побуждает меня сделать это, должно быть, у меня есть желание умереть, или я тайный мазохист. Это единственное объяснение, почему я, глядя на каменное лицо и холодный взгляд Луки, скрестила руки на груди и смотрела на него с упрямо поднятым подбородком, когда возражала:

— Я не хочу подниматься в твою комнату.

— София. — В голосе Луки звучит резкость, от которой у меня по спине пробегают мурашки. — Ты можешь подняться сама, а я присоединюсь к тебе через минуту, или я могу нести тебя, и я обещаю, что тебе не понравится настроение, в котором я нахожусь, или то, что произойдет дальше, если ты выберешь этот путь. Тебе может не понравиться это в любом случае. Но это твой выбор.

Меня так и подмывает продолжать бросать ему вызов. Но мой затуманенный разум проясняется ровно настолько, чтобы вспомнить, что было сегодня, что он, вероятно, пережил сегодня, насколько он, должно быть, измотан, и я чувствую крошечный проблеск сочувствия к нему, даже несмотря на все мое разочарование, гнев и страх. Этого достаточно, чтобы заставить меня уступить.

— Хорошо. — Огрызаюсь я. — Я поднимусь.

— Мудрый выбор. — Лука отворачивается от меня, направляясь к бару. — Надень что-

нибудь попримечнее. Может быть, одну из тех маленьких ночных рубашек из твоего шкафа.

Мой желудок снова сжимается.

— Ты сказал, что не хочешь заниматься со мной сексом.

— Я ничего об этом не говорил. — Раздается звон льда в стакане. — Иди наверх. София. Мне нужно немного побыть одному.

Что-то в его голосе подсказывает мне не настаивать на этом дальше. Я разворачиваюсь на каблуках, убегая к лестнице и мгновенной безопасности его спальни. Но это ненадолго будет безопасно. Я не перенесла нижнее белье из своего шкафа в комнату Луки, с чего бы мне это делать? Он сделал вид, что не хочет иметь со мной ничего общего в сексуальном плане, и я не хочу его, я не хочу, действительно не хочу, так что нет причин. Я планировала надевать в постель самые непривлекательные вещи, какие только возможно, до тех пор, пока мне придется делить ее с ним: самые большие футболки, которые я смогу найти, самые безвкусные бабушкины трусики, какие только смогу найти. К сожалению, на самом деле у меня нет ничего подобного. Моей обычной ночной одеждой в моей старой квартире была майка и мои обычные хлопчатобумажные шорты для мальчиков или футболка немного большего размера. Ничего такого, что кричало бы о сексуальности. На самом деле, я рискну предположить, что многие мужчины, вероятно, сочли бы то, что я обычно надеваю в постель, милым, если не эротичным.

Но я не хочу, чтобы Лука думал, что я симпатичная. Или сексуальная. Я хочу... Я не знаю, чего я хочу. Я все еще обдумываю это, когда дверь спальни открывается, и он входит с недопитым стаканом виски в руке.

— Ты слушалась меня, — холодно говорит он, его взгляд скользит по моему все еще одетому телу.

— Я думала, это было предложение, — вызывающе парирую я. — Ты сказал надеть что-нибудь красивое. Так получилось, что я думаю, что это красиво.

В глазах Луки появляется предупреждающий блеск, когда он оценивающе смотрит на меня, допивая остатки виски. Не говоря больше ни слова, он крадется ко мне, останавливаясь на расстоянии вытянутой руки, когда он смотрит вниз.

— Я не думаю, что это вообще красиво.

У меня даже нет возможности вздохнуть, не говоря уже о том, чтобы ответить, прежде чем он наклоняется и хватается за вырез моей рубашки. Это белая рубашка на пуговицах без рукавов, и когда Лука дергает вниз, пуговицы разлетаются, когда рубашка разрывается. Я слышу, как несколько пуль ударяются о стены, пролетая через комнату, и Лука смотрит вниз на мое декольте в тонком бюстгальтере с полукруглыми чашечками под ним.

Теперь он дышит тяжелее, и если бы я посмотрела вниз, думаю, я бы увидела, что у него уже встал. От этой мысли по моей коже пробегает еще один электрический разряд, воспоминания о нем в нашу брачную ночь возвращаются слишком живо: мускулистая рябь его пресса, толстая твердая колонна его эрекции. Я пытаюсь дышать, но не могу, потому что глаза Луки прикованы к моим, и в них есть что-то настолько темное, что я не могу даже представить, что будет дальше.

Однако у меня такое чувство, что я вот-вот узнаю.

— Скажи мне, — говорит Лука, его голос глубже, чем обычно, почти рычание. — Что еще ты делала, пока меня не было?

По моей коже начинает разливаться румянец. Он знает. Каким-то образом он должен знать, я пытаюсь представить, как я оправдываюсь, рассказывая ему, что я натворила. Я

пытаюсь подобрать слова, чтобы сказать своему мужу, что я играла сама с собой, на открытом месте, где мог видеть любой, кто вошел, где мог видеть тот, кто наблюдал за камерами. Я представляю, как Лука спрашивает меня, о чем я думала, расспрашивает меня дальше, и я даже представить себе не могу, как я начинаю это объяснять. Это было уже так далеко за пределами всего, что я когда-либо делала, и действительно признавать это вслух...

Я не могу.

— Ничего, — шепчу я тихим голосом и вижу, как глаза Луки мрачно блестят.

— Ложь номер три, — бормочет он.

Он протягивает руку, его пальцы пробегают вниз по моей груди и между грудей, и я резко втягиваю воздух от его прикосновения. Это самое нежное, что он когда-либо делал, кончики его пальцев скользят по моей коже и скользят по верхнему изгибу моей груди, и я так увлечена этим, что даже не замечаю, как он расстегивает свой ремень. Пока одним быстрым движением он не обхватывает свободной рукой мою талию и не толкает меня обратно на кровать.

Прежде чем я успеваю пошевелиться, Лука оказывается на кровати, нависает надо мной, хватая мои запястья и дергает их над моей головой. Воспоминание о той первой ночи в квартире возвращается ко мне в порыве: *он прижимает мои руки за моей головой к двери, впервые целует меня, его губы горячие и настойчивые прижимаются к моим...*

Что-то давит на мои запястья, что-то сильно стягивает, и я осознаю со смешанным чувством возбуждения и страха, что Лука связал мои руки ремнем. У него кожаное изголовье кровати, поэтому он не может привязать меня к нему, но я все равно мало что могу сделать, даже если закину руки за голову. И Лука слишком близко ко мне для этого, его колени по обе стороны от моих бедер, когда он ставит меня на место, его лицо нависает над моим. На мгновение, с чувством тошнотворного ужаса внизу живота, я вспоминаю гостиничный номер, в котором проснулась. Но я была привязана к той кровати, связанная чем-то вроде застежки-молнии, а не кожаным ремнем. Это не кожаный ремень моего мужа, и даже несмотря на то, что я противоречива по поводу Луки, я не могу отрицать, что это другое.

Мое тело, конечно, не такое.

Я ненавижу его. Я уверена в этом. Я могла бы перечислить так много причин, почему. Принудительный брак, лишение меня девственности, все способы, которыми он нарушил свое слово, домашнее задание, которое он дал мне сегодня, то, как он, по-видимому, хочет оттолкнуть меня в сторону, пока ему не станет удобно иметь со мной дело. То, как он относится ко мне, как к раздражению, как к обузе, за исключением таких моментов, как этот.

Когда я вижу, как мой муж теряет свой тщательно отточенный контроль, эти моменты должны быть самыми ужасающими. И в некотором смысле так оно и есть. Но я также полностью, бесспорно, возбуждена. Я чувствую это, насколько я горячая, влажная и нуждающаяся, моя киска ноет, и одна мысль об этом слове заставляет меня снова вспыхнуть.

— Я знаю, что ты сделала, София. — Голос Луки скользит по мне, как шелк, окружая меня, как густой дым, темный и соблазнительный. — Я видел запись с камер видеонаблюдения. Ты не думала, что я посмотрю их, прежде чем сообщить тебе, что я дома? Ты не думала, что я хотел знать, чем занималась моя жена, пока меня не было?

Он тянется к пуговице моих джинсов, и я пытаюсь увернуться от него. Моя рубашка все еще расстегнута, грудь прикрыта лифчиком, и Лука хмурится, глядя на мое декольте.

— Так не пойдет, — говорит он, прижимая палец между моих грудей. — Ты была

непослушной девочкой, София. Шлюхой. Раздвигала ноги так, чтобы их мог видеть каждый, прикасалась к себе, доводила себя до оргазма. Мои охранники просматривают эти записи, если думают, что могло произойти что-то, о чем мне нужно рассказать. Иногда они даже следят за камерами. Ты поэтому это сделала?

Он лезет в ящик рядом с кроватью, и я слышу звук чего-то вытаскиваемого, хотя не осмеливаюсь повернуть голову, чтобы посмотреть. У меня кровь стынет в жилах, когда я смотрю на него в тусклом свете спальни, когда его рука появляется в поле зрения, и я вижу нож, вероятно, тот же нож, которым он порезал мое бедро в нашу первую брачную ночь.

— Ты надеялась, что мои охранники наблюдали? Ты надеялась, что один из них дрожил, видя твою киску на виду? Это был твой способ отомстить мне?

— Нет! — В моем тоне сквозящий ужас, и на минуту я забываю обо всем, кроме убеждения его, что это абсолютно не так. — Нет, Лука, я никогда даже не думала...

— Ты не думала, что кто-нибудь смотрит? — Нож опускается, и я извиваюсь под ним, все мое возбуждение уходит в холодном ужасе. Он не может быть злым, не после всего, что он сделал, чтобы спасти меня, нет, он не может...

Нож прижимается к моей груди, и я смутно осознаю, что Лука разрезает бретельки моего бюстгалтера. С головокружением мне становится ясно, что он вообще не собирался причинять мне боль, мои руки связаны, это просто его способ раздеть меня ... как можно драматичнее. Я почти чувствую, как кровь приливает к моей коже, окрашивая ее в розовый, а затем в красный цвет, когда он срезает остатки моего лифчика, а затем и рубашки, отбрасывая обрывки на пол. Я испытываю такое облегчение, что на мгновение даже не думаю о том, что я голая, пока Лука не бросает нож обратно в ящик. Я смотрю, как он стоит надо мной на коленях, прижимая мои бедра к кровати, его глаза жадно пробегают по моей обнаженной груди.

Я рефлекторно двигаюсь, чтобы прикрыться, мои запястья дергаются от удерживающего их ремня, прежде чем я вспоминаю, что связана. Что-то в этом вызывает во мне новую дрожь, и я пытаюсь сжать бедра так, чтобы Лука этого не заметил, но боль возвращается.

— О, тебе это не нравится? — Мой муж жестоко улыбается мне сверху вниз, его губы изгибаются в холодной усмешке. — Но я думал, тебе нравится быть разоблаченной, после того, что я увидел на той записи. Я просмотрел ее дважды, просто чтобы убедиться, что ничего не пропустил. Я видел, как ты обнажалась, проводя пальцами вверх и вниз. Я видел, какая ты была влажная. — Его глаза ни на секунду не отрываются от моих, когда он скользит вниз, и его руки возвращаются к поясу моих джинсов.

— Нет, Лука, пожалуйста...

Он дергает молнию вниз, хватая мои джинсы и край хлопчатобумажных трусиков, прежде чем стянуть их с моих бедер. Теперь я сжимаю бедра вместе по другой причине, не желая, чтобы он видел меня такой, полностью обнаженной и связанной на его кровати. За исключением того, что мое тело говорит что-то совершенно другое. В глазах Луки есть выражение, которое я видела раньше, в ночь перед нашей свадьбой, когда он наклонил меня над диваном. Голодный, дикий взгляд, что-то первобытное в его взгляде, который говорит мне, что независимо от того, что я говорю, он решил, что собирается делать дальше, и ничто его не остановит. И от этого я блядь просто теку.

На самом деле, я настолько влажная, что боюсь, что он сможет увидеть доказательства этого на внутренней стороне моих бедер еще до того, как прикоснется ко мне, если он вообще планирует прикоснуться ко мне. Насколько я понимаю, он просто планирует раздеть

меня догола и издеваться надо мной.

— Три лжи, — говорит он, сбрасывая остальную мою одежду на пол, чтобы присоединиться к обрывкам моего лифчика и рубашки. — Три шанса, София, признаться мне в том, что ты делала, пока меня не было. Три удара. — Он тянется вверх, его рука чуть ниже моей груди, и он проводит ладонью по моему плоскому, трепещущему животу, останавливаясь прямо над моей киской.

— Чья это киска, София?

— Что? — Я взвизгиваю. Вопрос настолько превосходит все, что я когда-либо представляла, что его зададут, что на секунду я думаю, что он, должно быть, шутит. Он, должно быть, смеется надо мной.

Его глаза встречаются с моими, и я понимаю, что он не шутит. Он смертельно серьезен. Я тяжело сглатываю, облизывая пересохшие губы.

— Я... я не...

— Ты не знаешь? — Лука хватается меня за колени, раздвигая мои ноги, когда опускается на колени между ними. — Я должен был догадаться, после того маленького шоу, которое ты устроила. Тогда пришло время для урока.

— Нет! — Я визжу, пытаюсь вырваться от него. — Ты сказал, что больше не будешь заниматься со мной сексом, ты сказал...

— Я знаю, что я сказал! — Голос Луки гремит надо мной, холодный и повелительный. — Я не собираюсь трахать тебя, София. Не собираюсь засовывать свой член в твою непослушную маленькую киску. Я трахнул тебя в нашу первую брачную ночь, потому что думал, что у меня не было другого выбора. И после того, как ты себя ведешь, я не понимаю, почему я должен когда-либо захотеть трахать тебя снова.

Я пристально смотрю на него, мой разум, запутанный клубок эмоций. Это именно то, что я, как предполагается, хотела услышать. Я должна быть рада услышать, что он это сказал. Так почему же моя немедленная реакция заключается в том, чтобы почувствовать боль от его отказа? Расстроиться из-за того, что он не собирается меня трахать? Никто никогда не смущал, не бесил, не расстраивал и не заводил меня так сильно, как Лука. И я, блядь, замужем за этим человеком. Я его жена, юридически связанная с ним навсегда, если он не согласится отпустить меня.

Это кошмар.

Его рука лежит на моей нижней части живота, прямо над тем местом, где я чувствую ноющее, жаждущее прикосновение. Жаждущая удовольствия. Жажда такого оргазма, который я подарила себе прошлой ночью, оргазма, за который, я знаю, мне теперь придется заплатить сполна.

— Я собираюсь преподать тебе урок, — бормочет он, и я снова слышу этот мрачный, хриплый звук в его голосе, хрипотцу, которая, кажется, пронзает меня до глубины души. Его рука скользит вниз, пока он не обхватывает меня между ног, его ладонь прижата ко мне, а тыльная сторона ладони покоится на холмике моей киски. — И это не прекратится, пока ты не заплатишь за всю ту ложь, которую наговорила мне, София. Пока ты не скажешь мне, что понимаешь.

— Что... — Я задыхаюсь, когда чувствую, как его средний палец внезапно проникает в меня. Я дико извиваюсь на кровати, и Лука бросается вперед, хватая мои запястья другой рукой, когда он нависает надо мной, моя киска все еще зажата в его ладони.

— Ты будешь вести себя спокойно, София, и получишь свой урок. Или мне нужно найти

какой-нибудь способ полностью связать тебя? — Пристегнуть запястья к кровати, раздвинуть ноги и связать лодыжки так, чтобы ты не могла пошевелиться? — Он мрачно улыбается мне сверху вниз. — Думаю, мне это могло бы понравиться. Ты, распростертая на моей кровати, пока принимаешь свое наказание.

Я тяжело сглатываю, во рту у меня так же сухо, как влажно внутри.

— Нет, — шепчу я, чувствуя, что не могу дышать. — Нет, я буду спокойна.

— Хорошо. — Лука откидывается назад с довольной улыбкой на лице, его палец все еще погружен в меня. А затем, когда он смотрит вниз на мое обнаженное, дрожащее тело, он начинает двигать им.

Это попытка. Он не прикасается к моему клитору, который в этот момент практически пульсирует, отчаянно нуждаясь в любом виде трения. Он не добавляет еще один палец, который дал бы мне полноту, которой я так отчаянно жажду, то чувство, с которым я познакомилась в нашу первую брачную ночь, когда он впервые вошел в меня. Он просто опускается на колени между моих ног, медленно вводя и выводя палец из моего насквозь мокрого канала, пока он отчаянно трепещет и сжимается вокруг него, желая большего, что он отказывается дать.

До меня постепенно доходит, что именно это он подразумевает под наказанием. Он не собирается шлепать меня, или бить меня, или причинять мне боль каким-либо образом. Он просто собирается дразнить меня столько, сколько захочет, и я готова поспорить на любую сумму его денег, что он не позволит мне кончить. Он будет делать это до тех пор, пока это его забавляет, а потом оставит меня мокрой и нуждающейся, жаждущей того, чего я не должна хотеть и не смогу получить.

Лука улыбается мне сверху вниз.

— Я вижу, что до тебя начинает доходить. Ты умная девочка, София. Что заставляет меня задуматься, почему ты сделала такую глупость? — Если ты не выпендривалась перед моими охранниками, тогда почему? Что могло тебя так возбудить, что ты сделала что-то настолько бесстыдное?

Он вводит в меня второй палец, и я задыхаюсь, всхлип срывается с моих губ, когда я чувствую, как моя киска сжимается на его пальцах, пытаюсь втянуть его глубже в себя вопреки себе. Я не могу удержаться от того, чтобы посмотреть вниз, и вид его руки, зажатой у меня между ног, вызывает во мне еще одну дрожь удовольствия, угрожающую подтолкнуть меня ближе к краю. Я невольно извиваюсь, прижимаясь к его ладони. Я вижу, как бугорок его члена упирается в брюки, толстый и твердый, и так же отчаянно, как и я, жаждет большего трения, большего прикосновения, большего чего угодно.

Что бы он сделал, если бы я умоляла его трахнуть меня? Эта мысль приходит мне в голову, когда волна тепла распространяется по мне, мое возбуждение постепенно нарастает, пока Лука продолжает медленно ласкать меня пальцами. Вытащил бы он свой член и засунул его в меня, доставив мне некоторое облегчение? Трахал бы он меня, пока мы оба не кончили? Или он просто посмеялся бы надо мной и отказался, продолжая дразнить меня, пока я не сойду с ума?

Последнее. Определенно это. Моя мольба только порадовала бы его еще больше, доставила бы ему еще большее удовлетворение от этой отвратительной игры, в которую он играет, и я плотно сжимаю губы, свирепо глядя на него. Я не буду умолять. Я даже не буду стонать. В эту игру могут играть двое. За исключением того, что минуты тянутся, и я не уверена, что смогу. Темп его пальцев немного увеличивается, и Лука улыбается, когда я

снова беспомощно хнычу, не в силах удержаться от того, чтобы вообще не издать ни звука. Мои бедра невольно выгибаются вверх, и Лука смеется, мрачный смешок исходит из глубины его горла.

— Ты на редкость мокрая для той, кто клянется, что не хочет меня, — насмехается он. — Я также видел, какой мокрой ты была на той записи с камер наблюдения, София. Твоя хорошенькая маленькая киска была такой мокрой, что я мог бы увидеть это за милую. И звук, который ты издавала, когда играла сама с собой. — Он облизывает губы, глядя на меня сверху вниз. — Что ты чувствовала, когда прикасалась к своему клитору? Такое же ощущение?

Он убирает руку, его пальцы все еще внутри меня, когда он внезапно прижимает большой палец к моему ноющему клитору, и я вскрикиваю от удовольствия, прежде чем могу остановить себя, звук, который переходит в долгий стон, когда он начинает тереть.

— О да. Этот звук. — Выражение его лица мрачнеет. — О чем ты думала, София, что сделало тебя такой мокрой?

Я качаю головой. Я не скажу этого. Он не может заставить меня, он не может. Но я чувствую, как удовольствие от его прикосновений напрягает все мое тело, подталкивая меня все ближе и ближе к кульминации, в которой, я уверена, он собирается мне отказать.

— О-о, черт, я... — Я начинаю задыхаться и стонать, прежде чем могу остановить себя, чувствуя, как оргазм начинает накатывать на меня, и в тот момент, когда слова срываются с моих губ, Лука отдергивает руку.

— Моя киска, — бормочет он, его голос такой глубокий и грубый, что он посылает во мне вспышку похоти, подобной которой я никогда раньше не чувствовала. — Моя.

Мое тело сильно сжимается, внезапно становясь пустым, протестуя против потери ощущения его пальцев внутри меня. Моя. Это слово звучит так твердо, так окончательно, что на минуту у меня возникает желание сказать "да", конечно, все его, я его, если только он позволит мне кончить. Если бы только он скользнул своими пальцами внутрь меня, своим языком, своим членом, всем, что он мне даст. Я чувствую, как ерзаю на кровати, бедра сжимаются от отчаянной потребности, руки сжимаются в кулаки от разочарования.

Я не его. Я полна решимости не быть ее. Я уже не та девушка, которой была раньше.

СОФИЯ

— Моя, — снова бормочет Лука, и я вижу, как его рука тянется к брюкам, его ладонь потирает толстый бугорок, который, как я вижу, натягивается на черной ткани. — Это за первую ложь, София.

Я всхлипываю, глядя на него в замешательстве. Что будет дальше?

— Я часто задаюсь вопросом, какая на вкус эта сладкая киска, — бормочет он, поглаживая пальцем внутреннюю поверхность моего бедра. Кончик его пальца касается заживающего пореза там, и я вздрагиваю. — Ты хочешь, чтобы я тебя съел, София? Ты хочешь, чтобы я полизал мою киску?

О Боже. Я даже не могу сформулировать слова. Лука начинает расстегивать свою рубашку, а я смотрю на него снизу вверх, открывая пуговицу за пуговицей его мускулистую

грудь, гладкую загорелую кожу, от которой у меня снова пересыхает во рту от желания. Он самый красивый мужчина, которого я когда-либо видела, точеный, как кинозвезда, каждый его идеальный дюйм создан для вождения женщин. Я не хочу быть одной из тех женщин, просто еще одной в длинной очереди, которая прошла через его постель, но невозможно отрицать то, что я чувствую прямо сейчас. Как, если бы я потеряла последние остатки самообладания, за которые цепляюсь, я бы снова умоляла его быть внутри меня.

Он сползает с кровати, его рубашка распахивается, его руки на внутренней стороне моих бедер, когда он раздвигает меня шире, и я чувствую его теплое дыхание на своей коже, когда он глубоко вдыхает. Мое лицо заливаается краской, когда я понимаю, что он вдыхает мой аромат, что через мгновение он коснется меня языком. Никто никогда не делал этого... до Луки меня всего лишь целовали, и то не очень хорошо. Я даже представить себе не могла, что позволю мужчине коснуться меня там ртом. Но внезапно губы Луки касаются меня, и это его не только возбуждает, клянусь, я слышу, как он стонет, когда его язык скользит по складке, еще не совсем погружаясь глубже.

Он слегка отстраняется, его руки скользят внутрь, а затем, к моему ужасу, он раздвигает меня пальцами, непристойно демонстрируя прямо перед своими глазами. Я понимаю, что он видит меня всю, моя кожа горит, когда Лука смотрит на мою киску, раскрытую для него, как на пиршество. Я так отвлечена этим, что не могу остановить свою реакцию, когда он лижет меня в первый раз, его язык пробегает от моего входа к моему клитору долгими движениями, которые заставляют меня вскрикнуть, звук, который превращается в прерывистый вздох, когда меня захлестывает новое ощущение. Я никогда раньше не чувствовала ничего подобного, даже не представляла себе этого. Я беспомощно извиваюсь под его прикосновениями, пока его язык кружит по моему клитору, лаская маленький ноющий бутончик, пока я не начинаю стонать от удовольствия, о существовании которого я никогда не думала. Я чувствую, что начинаю ускользать, моя решимость не сдаваться, не позволять Луке узнать, как это приятно, растворяется в ничто, когда его язык лижет и дразнит меня, снова доводя до грани оргазма.

— О-о, боже! — Я вскрикиваю, когда он водит им по моему клитору, его пальцы дразнят мой вход. Лука немедленно отдергивается назад, садясь между моих бедер с довольной ухмылкой на лице, пока я беспомощно корчусь на кровати, мои бедра выгибаются вверх для рта, которого там больше нет.

— Пожалуйста, о боже, пожалуйста... — Я сильно прикусываю нижнюю губу, пытаюсь остановить себя от мольбы о большем. Каждый дюйм моего тела наэлектризован, время от времени я дважды достигаю пика, а затем мне отказывают. Я смотрю на великолепного мужчину, стоящего на коленях у меня между ног, с таким отчаянием, какого никогда не думала, что когда-нибудь в своей жизни буду испытывать к чему-то сексуальному.

— Ты хочешь кончить? — Он гладит внутреннюю поверхность моего бедра, и я сжимаю его руку у себя между ног. — Такая нуждающаяся. Такая влажная. Скажи мне, что ты представляла, когда прикасалась к себе, София. Скажи мне, что тебя так сильно возбудило, что тебе пришлось заставить мою киску кончить без меня.

— Лука, — я выдыхаю его имя, когда он убирает руку, тянется к молнии и медленно расстегивает ее. — Лука, пожалуйста, я больше не могу.

— Тогда просто скажи мне. — Он постукивает пальцами по моему холмику, и я всхлипываю. — Тебе понравилось, как мой рот касался тебя? Тебе понравилось чувствовать мой язык, когда я вылизывал тебя?

Я сильно прикусываю губу, отказываясь отвечать. Сказать ему, да, о боже, да, это было так чертовски здорово, и это именно то, что сейчас крутится у меня в голове.

— Это было за вторую ложь. — Лука улыбается. — А это за третью.

Затем он вытаскивает свой член, и я чувствую, как мои глаза расширяются, когда я вижу его в его руке. Он невероятно твердый, толстый и более возбужденный, чем даже в нашу первую брачную ночь, и я могу сказать, что то, что он делает со мной, заводит и его тоже. Я вижу, как жидкость переливается на кончике, и Лука тянется вверх, распределяя ее большим пальцем, когда он поглаживает себя один раз, очень медленно, его рука останавливается у основания и сжимает.

— Ты сказал, что не будешь... — Я не могу закончить предложение. Если бы он решил вонзить в меня каждый дюйм себя прямо сейчас, я бы не смогла сказать нет. Я хочу облегчения, оргазма, и я бы приняла все, что могло бы мне это дать. Мое тело дрожит от этого, рана натянута, но в глубине души я в ужасе от того, как яотреагирую, если он это сделает, сколько я дам ему, если Лука решит трахнуть меня прямо сейчас. Пожалуйста, не надо, отчаянно думаю я, а затем в тот же момент, о боже, пожалуйста, да.

Я сойду с ума, если он это сделает. Я с криком кончу вокруг его члена, и тогда он точно поймет, как сильно я его хочу, о чем я думала, когда потеряла контроль и трогала себя. Но если мы когда-нибудь снова займемся сексом, я хочу, чтобы он тоже потерял контроль, как на мгновение в нашу первую брачную ночь. Лука, стоящий сейчас на коленях у меня между ног, полностью контролирует ситуацию. Каждый дюйм его тела напряжен и тверд от этого, идеально дисциплинирован. Это я теряю самообладание, извиваясь на кровати от отчаянной потребности.

— Я не собираюсь трахать тебя, — повторяет Лука. — Но ты захочешь, чтобы я сделал это к тому времени, как я закончу.

Он подается вперед, сжимая в кулаке свой толстый член, раздвигая мои ноги еще дальше, чтобы освободить место, так что я полностью распластана. Я чувствую, как моя киска раскрыта для него, мой клитор непристойно выставлен на всеобщее обозрение, прохладный воздух комнаты касается моей влажной плоти, когда бедра Луки выдвигаются вперед и головка его члена прижимается к моему клитору.

Я кричу. Вся потребность вскипает во мне, когда я чувствую, как бархатная головка прижимается к моей ноющей, влажной, сверхчувствительной коже, и мои бедра выгибаются, прижимаясь к нему, желая большего.

— Замри! — Голос Луки наполняет комнату, повелевая, приказывая, и я замираю, мое сердце так сильно колотится в груди, что я думаю, он наверняка это видит. — Не двигайся, черт возьми, — предупреждает он. — Или я буду делать это с тобой каждую ночь. Буду связывать тебя в постели и оставлять мокрой и умоляющей каждое утро, и ты будешь оставаться там, пока я не вернусь домой.

Он бы сделал это. В этот момент я абсолютно верю, что он бы сделал. И вот, вопреки всем моим инстинктам, я лежу совершенно неподвижно, пока великолепный мужчина между моих ног смотрит вниз на мою обнаженную киску, трется головкой своего члена о мой клитор и стонет от удовольствия. Я полностью сошла с ума. Он такой чертовски красивый, его черная рубашка на пуговицах распахнута, обнажая мускулистую грудь, его предплечье изгибается, когда он поглаживает свой ствол, потирая кончик об меня маленькими круговыми движениями. Его глаза темны и полны эмоций, которым я не могу дать названия — похоть, гнев, разочарование, все это, я чувствую, волнами исходит от

него. Это человек с богатством, властью, в его распоряжении тысяча и более человек, и прямо сейчас я тоже полностью под его контролем, но независимо от того, сколько бы он ни говорил, что я здесь для наказания, он хочет меня так же сильно. Я вижу доказательства этого прямо перед моими глазами, толстые, твердые и пульсирующие, когда взгляд Луки снова и снова скользит по моему обнаженному, дрожащему телу, пока он в третий раз доводит меня до оргазма, на этот раз используя свой член как секс-игрушку, пока я беспомощно не стону, больше всего на свете желая, чтобы именно сейчас он позволил мне кончить.

Но, конечно, как только я начинаю напрягаться, задыхаясь, Лука отстраняется, его рука все еще крепко сжимает член, когда он движется назад. Я чуть не расплакалась от разочарования, мои глаза горят, когда я смотрю на него.

— Пожалуйста, — шепчу я. — Мне нужно кончить. Пожалуйста.

Слова слетают с моих губ прежде, чем я успеваю их остановить. Рука Луки не двигается, не поглаживает, просто держит его член, направляя его на меня, как оружие.

— Чья это киска? — Его голос хриплый, как в нашу первую брачную ночь.

— Твоя, — хнычу я. Я знаю, что он хочет услышать, и я бы сказала сейчас все, что угодно, если бы он позволил мне испытать оргазм. Почти все, что угодно...

— Ты можешь кончать без моего разрешения?

Я смотрю на него в замешательстве. Серьезно? Мой муж действительно говорит мне, что я не могу...

— Можешь ли ты...

— Нет! — Стону я. — Нет, я не могу. Прости, Лука, пожалуйста...

— О чем ты думала, когда прикасалась к себе?

Я молча качаю головой. Я не скажу этого, я не буду...

Лука наклоняется вперед, снова прижимая головку своего члена к моему клитору и удерживая его там. Я чувствую его жар, скользкую влажность, мое возбуждение и его смешались воедино.

— Я оставлю тебя в таком состоянии на всю ночь, — мрачно говорит он. — Скажи мне, София. Кого ты представляла...

— Тебя! — Я почти выкрикиваю это слово, мое тело содрогается и ноет во всем, удовольствие переходит во что-то, что почти похоже на боль. — Я вспоминала о тебе в нашу первую брачную ночь, и, и...

— И что именно? — Его член сильнее прижимается к моему клитору, и я визжу от удовольствия.

— Как ты кончаешь мне на задницу, боже мой, Лука, пожалуйста...

Он смеется, его лицо кривится в ухмылке, когда он снова отстраняется, двигаясь назад, пока не оказывается слишком далеко, чтобы коснуться меня любой частью своего тела.

— Продолжай, — говорит он почти презрительно. — Заставь себя кончить, если сможешь.

Я слишком далеко зашла, чтобы смущаться, слишком далеко зашла, чтобы думать дважды. Прежде чем он может забрать свои слова обратно, мне удастся убрать руки с головы, мои запястья все еще связаны вместе, и засунуть ладони между бедер, мои пальцы погружаются в мою киску, когда я безумно тру свой клитор, пальцы скользят по моей влажной коже.

Я кончаю через несколько секунд. Почти сразу, как мои пальцы оказываются в моей

киске, она начинает сокращаться. Когда я прикасаюсь к своему клитору, я выгибаюсь вверх со стоном, который практически переходит в крик, извиваясь на кровати и терзаясь о мои руки, когда я испытываю оргазм, который длится, кажется, целую вечность, сдерживаемая потребность выливается из меня, когда я кончаю, кончаю и кончаю.

И Лука смотрит все это время. Когда я наконец обмякаю на кровати, ошеломленно глядя на него, он смеется. А затем он наклоняется вперед, снимая ремень с моих запястий.

— Иди приведи себя в порядок.

Я смотрю на него в замешательстве. Он все еще тверд как скала, его рука все еще сжимает член, но он не делает никаких движений, чтобы сделать что-то еще. Я ожидала, что он будет дрочить на меня так же, как в ночь перед нашей свадьбой, но сейчас он выглядит раздраженным, свирепо глядя на меня.

— Пошла к черту, София. Иди приведи себя в порядок.

— Разве ты... разве ты не собираешься... — мой взгляд скользит вниз к его эрекции. Моя киска предательски пульсирует, как будто я только что не испытала один из самых сильных оргазмов за всю свою жизнь. Как будто я действительно собираюсь помочь ему в этом.

На данный момент я вообще не знаю чего хочу.

— Конечно, — говорит Лука. — Но не с тобой. Иди приведи себя в порядок, пока я закончу здесь.

— Я... — Я тяжело сглатываю, умудряясь соскользнуть с кровати. У меня такое чувство, что ноги меня не держат, и когда я делаю неуверенный шаг назад, Лука поворачивается, чтобы откинуться на подушки, его рука начинает скользить вверх и вниз по члену медленными, твердыми движениями. Его член блестит, и я с новым смущением понимаю, что это мою влажность он использует, чтобы кончить, оставшуюся от его трения об меня.

— Уходи! — Рывкает он, и я быстро отступаю, бросаясь в ванную, когда горячие слезы наворачиваются на глаза по какой-то причине, которую я не могу полностью объяснить.

Я надеюсь, что он закончит к тому времени, как я закончу. Я включаю душ, чтобы мне не пришлось слышать его стоны, слезы текут по моим щекам, когда я вхожу под воду. Я не знаю, почему я так расстроена, почему мне кажется, что я задыхаюсь от нахлынувших на меня эмоций, почему я чувствую себя отвергнутой из-за того, что Лука дрожит в спальне без меня, и он даже не хочет, чтобы я была там.

Я не должна хотеть его. Ты ненавидишь его, напоминаю я себе, и где-то глубоко в моей голове, я уверена, что все еще ненавижу. Но прямо сейчас я этого не чувствую. Все, о чем я могу думать, это о том, что мой муж в нашей спальне ублажает себя, и он даже не хочет смотреть на меня, когда делает это.

Я возвращаюсь в спальню, плотно обернув вокруг себя полотенце, как раз вовремя, чтобы увидеть, как Лука выбрасывает пачку салфеток в корзину для мусора рядом с кроватью. Мой взгляд следует за ним, и он ухмыляется мне, когда встает, все еще полностью обнаженный, его член теперь смягчился, когда он шагает к комоду.

— Я говорил тебе, — говорит он так небрежно, как будто за последний час не произошло ничего необычного, как будто он не просто мучил меня с удовольствием, пока я не сошла с ума, — что тебе придется заслужить это, София, если ты этого хочешь. — Он поворачивается ко мне, надевая черные шелковые пижамные штаны. — Ты сказала, что не хочешь меня. Но ты лгала. — Он подходит ко мне, берет меня за подбородок и приподнимает его, когда я прижимаю полотенце к груди. — Ты вела себя так, как будто тебе

не понравилось, когда я перекинул тебя через диван, и кончал тебе на задницу, как будто я изнасиловал тебя. Но ты и тогда лгала, не так ли? Не утруждай себя повторной ложью, — добавляет он, когда мои щеки краснеют. — Ты признала это ранее. Если ты снова хочешь мой член, София, если ты хочешь, чтобы я обрызгал тебя спермой, тогда тебе придется заслужить это. Точно так же, как тебе придется заслужить свое место здесь, как моей жене.

У меня отвисает челюсть, и Лука смеется.

— Не смотри так шокировано. Я устал от твоего бунта, София, все, что я делал, это пытался сохранить тебе жизнь, пытался уберечь тебя. Я спас тебя от Братвы, спас тебя от Росси, женился на тебе, трахнул тебя и предложил тебе деньги, роскошь и все, чего ты только можешь пожелать здесь. Но ты все еще ведешь себя как избалованный ребенок, как будто я сажаю тебя в тюрьму, мучаю тебя. Держу тебя против твоей воли, когда все, что я делаю, это сохраняю тебе жизнь, причем комфортную жизнь, София.

Он убирает руку с моего подбородка, отступая назад, и на его лице снова появляется презрительный взгляд.

— У меня есть обязанности. Люди полагаются на меня и я испытываю давление, которое ты даже представить себе не можешь. Умерла женщина, София, женщина, которая заботилась обо мне, которая относилась ко мне как к своему сыну, а ты играешь в игры. Так что, если я тебе нужен, тогда повзрослей. Займи свое место моей жены. Извлеки урок от Катерины и прими то, что тебе досталось в этой жизни. Но до тех пор я буду делать с тобой, что мне заблагорассудится. И я также буду получать удовольствие, где и как мне заблагорассудится.

Я чувствую, как слезы снова наворачиваются на мои глаза.

— Ты трахался с кем-то прошлой ночью, не так ли? — Шепчу я. — Вот почему ты не пришел домой. Ты хотел переспать с другой женщиной, но не захотел приводить ее сюда. Поэтому ты поехал в какой-то отель, и...

— Это не твое дело. — Лука отворачивается, забираясь в кровать.

— Просто скажи мне! — Я тяжело сглатываю, пытаюсь не закричать на него. — Я просто хочу знать...я имею право знать...

Его верхняя губа изгибается.

— У тебя нет никаких прав, София, кроме тех, что я тебе даю. Если я решу трахнуть дюжину женщин, это не твое дело. Если я решу не делать этого, это тоже не твоя проблема. — Он протягивает руку, выключает прикроватную лампу и погружает всю комнату в темноту, когда соскальзывает вниз, перекатываясь на бок.

— Я устал. Я собираюсь спать. Я предлагаю тебе сделать то же самое.

Внезапный холод ощущается как шок для моего организма, хотя к настоящему моменту я знаю, что так не должно быть. Лука был таким с той ночи, когда я проснулась в этой самой постели: холодным, потом горячим, а потом снова холодным. Он не любит меня, напоминаю я себе, сдерживая слезы и отходя на свою половину кровати, к счастью, очень далеко от него. Он никогда не полюбит. То, что он только что сделал со мной, было игрой. Способ проявить свою власть надо мной, и ничего больше. Я ему не нужна.

Это не должно ранить. Ничего из этого не должно. Но эти мысли проносятся в моей голове, возвращаясь к самим себе снова и снова, легкое похрапывание Луки нарушает тишину, и я чувствую, как слезы еще сильнее стекают по моим щекам.

Моя свобода от всего этого не может наступить достаточно скоро.

СОФИЯ

Когда я просыпаюсь, Луки уже нет, и я благодарна хотя бы за это. Я не знаю, как бы я посмотрела ему в глаза этим утром, после того, что произошло прошлой ночью. Я чувствую ломоту, когда встаю с кровати, и принимаю еще один горячий душ, пытаюсь смыть воспоминания об этом вместе со всей физической болью. Но ничего не проходит, и даже при том, что я выполняю свой новый утренний распорядок: умываюсь, потягиваюсь, одеваюсь, спускаюсь на кухню, чтобы приготовить завтрак, я не могу избавиться от замешательства.

Итак, я пытаюсь разобраться с этим, открывая йогурт и намазывая миндальное масло на тост, я все еще не могу разобраться с эспрессо-машиной, поэтому пока отказалась от кофе. Я пытаюсь думать о Луке, о своих чувствах к нему.

Он спас меня. Ладно, одно очко в его пользу. Он спас меня от братвы. Он заставил меня выйти за него замуж. В свою защиту, однако, скажу, иначе Росси убил бы меня. Я не могу отдать ему должное за то, что он заставил меня против моей воли, но я не могу отрицать, что он спас мне жизнь. Хотя он был мудаком из-за этого. Я мысленно вычитаю у него одно очко, помешивая ложкой йогурт. Что еще?

Он забрал свое обещание предоставить мне мою собственную квартиру. Он забрал свое обещание оставить меня в покое после свадьбы. Но он этого не выбирал. Он не хотел, чтобы на нас напали на следующее утро. Лука мог быть холодным человеком, мудаком во многих отношениях, даже жестоким в других, и все же я поверила ему прошлой ночью в его гневе и обиде из-за смерти Джулии. Он не хотел этого, и я не думаю, что он все еще хочет, чтобы я была здесь, в его пентхаусе.

Он закрыл меня во время взрыва. Он защитил меня.

Хорошо, за это очко. Что еще?

Входная дверь. Диван. Свадебный номер. Прошлая ночь в его постели. Все времена, когда я клялась, что не хочу его, что я ничего так не хотела, как сбежать от него, и все же я каждый раз отвечала ему, мое тело тянулось к нему, как мотылек к пламени. И я, в равной степени, могу обжечься.

Я отказываюсь от мысленной математики. Нет никакого способа придать этому смысл. Лука — мужчина, которого я бы никогда не выбрала в реальном мире, мужчина, которого я бы слишком боялась, чтобы когда-либо сблизиться. Мужчина, излучающий силу и харизму, на которого у меня никогда бы не хватило смелости взглянуть, не говоря уже о том, чтобы заговорить. И теперь я замужем за ним. Я ношу его кольцо, я дала обет, и прошлой ночью он делал с моим телом такие вещи, о которых я даже не подозревала, что это может быть так приятно. И если бы я сдалась, если бы я легла с ним в постель без борьбы...

Я должна заслужить это.

Его слова эхом отдаются в моей голове, и негодующий гнев заменяет все остальные эмоции горячим порывом, от которого у меня кружится голова. Как он смеет обращаться со мной как с ребенком? Как он смеет говорить мне, что я должна зарабатывать то, чего я даже не хотела, что-то...

Стук в дверь прерывает ход моих мыслей, и я вскрикиваю, чуть не роняя йогурт от удивления. Я выбрасываю его в мусорное ведро, когда выхожу, съеденный лишь наполовину, но аппетит у меня давно пропал.

Когда я открываю дверь, там стоит Катерина.

Она выглядит элегантно, как всегда, но бледной, на ее лице нет косметики. Должно быть, ей наращивают ресницы, потому что они все еще выглядят длинными и окаймленными, несмотря на покрасневшие глаза, но в остальном на ее коже нет ни пятнышка косметики. Это не имеет значения, она по-прежнему выглядит безупречно, и я чувствую небольшой укол зависти.

И тут я вспоминаю, что она потеряла, и сразу чувствую себя виноватой.

— Могу я войти? — Тихо спрашивает она, и я отступаю, позволяя ей пройти через дверной проем.

— Конечно. Ты в порядке? — спрашиваю я, а затем мысленно пинаю себя. Конечно, она никуда не в порядке.

Катерина слабо улыбается.

— Мне просто нужно с кем-нибудь поговорить. Франко, конечно, занят, и... ну, Лука сказал, что ты, возможно, та, кто мог бы выслушать. Из-за... — она делает глубокий вдох. — Ты тоже потеряла родителя.

— На самом деле обоих. — На меня опускается своего рода спокойствие, и я чувствую себя немного более похожей на саму себя. С этим я могу помочь. Я понимаю это, нужда в друге, горе от потери. С этим легче справиться, чем с моим странным браком или моими запутанными чувствами к моему мужу. Присутствие Катерины помогает отогнать мысли о Луке, и я закрываю за ней дверь, бросая на нее сочувственный взгляд. — Хочешь чего-нибудь выпить? Я не могу разобраться с кофеваркой, но я все еще могу приготовить чай или...

— Чай было бы прекрасно. — Катерина следует за мной на кухню, опускается на стул, пока я роюсь в поисках кружки и заварки. У Луки есть одно из тех причудливых ситечек, в которые кладут листья, которые остаются в воде, но остальное сделать достаточно просто. К счастью, есть микроволновая печь. Несмотря на то, что она выглядит так же дорого, как и все остальное, и встроена в стену, я могу нагреть кружку воды, даже если я не могу придумать ничего другого здесь.

— У меня есть мята перечная, ваниль, Эрл Грей и ройбуш. — Я запинаясь на последнем слове, и Катерина смеется, звук резко обрывается, как будто она сама удивлена.

— Эрл Грей, пожалуйста, — вежливо говорит она. — Только черный, без крема или чего-нибудь еще.

— Это мне по силам. — Надеюсь, я говорю правду, наполняя кружку водой из кувшина в холодильнике и ставя ее в микроволновую печь. — Итак, Лука сказал тебе прийти ко мне?

— Он сказал, что ты поймешь. Я не хотела тебя беспокоить, но...

— Все в порядке, — быстро заверяю я ее. — На самом деле, мне больше нечего делать. Лука хочет, чтобы я запомнила имена всех этих людей в организации, с которыми я могла бы однажды встретиться на ужине или еще где-нибудь, но... — Я бросаю взгляд на бледное, осунувшееся лицо Катерины и замолкаю. — Впрочем, это не имеет значения. Я рада, что ты пришла, вот и все.

— Это было просто... — Катерина прикусывает нижнюю губу. — Это было так неожиданно. Из ниоткуда. Я просто была с ней в твоей комнате, прежде чем это случилось, а

потом мы спустились и позавтракали, пока ждали тебя и Луку. Мы жаловались на яйца, о боже мой... — она прижимает руку ко рту, подавляя рыдание. — Последнее, что я сказала своей матери, было то, что яичница-болтунья сухая, и я просто...

Она начинает плакать, и я оставляю чай, как можно быстрее пересекаю комнату, чтобы пододвинуть стул и сесть перед ней, протягивая к ней руки, чтобы сжать их в своих.

— Я знаю, — шепчу я. — Моя мать умерла не просто так. Она какое-то время болела. Но мой отец умер иначе. Я ждала, когда он вернется домой, а моя мать сказала мне, что он умер. Я помню, какой она была бледной, как она едва держалась на ногах, она выглядела так, словно хотела раствориться от горя, теперь я это знаю, но она держала себя в руках достаточно долго, чтобы рассказать мне. Я не хотела в это верить.

Катерина тяжело сглатывает.

— Я тоже не хотела, — шепчет она. — Мне сказали в больнице, я потеряла сознание от всего этого дыма и очнулась на больничной койке. Я была в порядке, на мне не было ни царапины, просто болело горло, а потом вошла медсестра с Франко и сказала мне... — она подавляет очередной всхлип. — Я сказала им, что они, должно быть, ошибаются, они, должно быть, перепугали ее с кем-то другим, но...

Я сижу с ней, как мне кажется, очень долго, каждая минута тянется за другой, пока она тихо плачет, собранная и элегантная даже в своем горе. Мне тоже знакомо это чувство. Я никогда не была такой элегантной, как Катерина, но мне знакомо чувство необходимости что-то скрывать, что если ты позволишь всей щемящей грусти в твоей груди уйти, ты развалишься на части. Ты разобьешься вдребезги и будешь плакать, и плакать до тех пор, пока не начнешь кричать, пока не перестанешь дышать, и ты боишься позволить этому случиться. Рано или поздно это всегда случается. Это случится и с Катериной, но когда она будет одна, когда она уверена, что находится в безопасности, она может сломаться, когда никто не увидит, как она рушится.

Сейчас она тихо плачет, ее руки сжимают мои, пока не побелеют костяшки пальцев, и я позволяю ей прижаться ко мне. Когда рыдания постепенно стихают, я встаю, приношу ей коробку салфеток и снова включаю микроволновку, чтобы подогреть остывшую воду, и Катерина благодарно улыбается мне.

— Спасибо, — мягко говорит она. — У меня не так уж много друзей. Люди склонны сторониться меня, они слишком боятся моего отца. И я не могу, я знаю, это звучит странно, но я не могу так плакать перед Франко. Я просто не могу.

— Это совсем не звучит странно, — успокаиваю я ее. — Не думаю, что ты любишь его, не так ли?

Катерина качает головой.

— Нет. Я не знаю, — признается она. — Я даже на самом деле не чувствую, что должна... я не думаю, что моя мать любила моего отца, не так, как нам говорят думать о любви. Ей нравилась безопасность, которую он давал ей и семье, она любила меня, и у нее не было бы меня без него. Но она не любила его. Я всегда знала, что моего мужа выберут для меня. Мне повезло, что он молод и красив. — Она пожимает плечами. — Он тоже меня не любит. Но я не ожидала любви. Я ожидала — она колеблется. — Уважения.

Я смотрю на нее с любопытством.

— Ты не чувствуешь, что Франко тебя уважает?

— Я не знаю. — Катерина закусывает губу. — Я не должна была этого говорить.

— Я никому не скажу. — Я немного смеюсь, качая головой. — Кому бы я вообще

рассказала? Луке? Вряд ли.

Катерина улыбается на это.

— Думаю, что нет. Между вами не все хорошо, не так ли?

Я качаю головой.

— Мы здесь, чтобы поговорить о тебе, — настаиваю я. Я не готова делиться тем, что произошло между мной и Лукой, я даже не знаю, чем можно было бы поделиться. Конечно, не о наполненных похотью встречах, которые у нас были за последние недели. Не о его соглашении защищать мою девственность, которое ее отец заставил его нарушить. И что из этого? Не совсем похоже, что у нас были настоящие разговоры о чем-либо. Каждый раз, когда мы пытаемся поговорить, мы заканчиваем ссорой.

Это что-то значит? Я не знаю. Если бы это были нормальные отношения, я бы сказала "да", конечно. Но в моих отношениях с Лукой нет ничего нормального. Катерина колеблется, и я могу сказать, что она хочет спросить больше о Луке, но, к моему облегчению, не делает этого.

— Я думала, Франко будет более внимательным, — тихо говорит она, возвращая разговор к нему. — Это звучит эгоистично, я знаю, но я дочь бывшего дона. Он... ну, у него неоднозначное прошлое в семье. Давным-давно возникли вопросы о том, кем был его отец. Все прояснилось, но я подумала... я не знаю, я думала, он будет благодарен за то, что мой отец выбрал его для меня. Вместо этого он ведет себя сейчас почти так, как будто я была у него в долгу. Особенно с тех пор, как Лука стал доном, а Франко младшим боссом, он более самонадеян, чем когда-либо.

— Ты думаешь, он тебя не ценит?

— Я не знаю. Я думала, что ценит, но вчера на похоронах я чувствовала себя такой одинокой.

— Мне жаль, что меня там не было, — тихо говорю я. — Я хотела быть. Но Лука сказал, что для меня идти было опасно.

— Вероятно, он был прав. — Катерина вытирает лицо, устало улыбаясь мне. — Это не твоя вина, София. Ничего из этого не твоя вина.

Такое ощущение, что так оно и есть. Я не могу не думать, что все это каким-то образом из-за меня, хотя и не знаю почему. Я никогда не считала себя кем-то особенным. Но с той ночи в клубе все, кажется, все больше и больше выходит из-под контроля.

— Знаешь... — Она делает глубокий вдох. — Виктор появился на похоронах. Не так, как все... — быстро добавляет она, видя выражение моего лица. — Но Лука пошел поговорить с ним. Он пытался прийти к каким-то условиям с ним, уладить все. Но это не сработало. Я не уверена точно, почему, но он сказал, что дату моей свадьбы придется перенести.

— Что? — Я пораженно моргаю, глядя на нее. — После того, что только что произошло, как он может ожидать, что ты выйдешь замуж раньше? Ты только что потеряла свою мать.

— Он извинился за это. Но, очевидно, это важно, я могу сказать, что с ним не собиралась спорить. Короче, моя свадьба через неделю. А теперь...

— У тебя нет мамы, чтобы помочь тебе спланировать это. — Я могу только представить, что она, должно быть, чувствует. Моей мамы уже давно нет, но я ужасно скучала по ней за неделю до моей свадьбы, какой бы поспешной она ни была. Я даже не приложила руку к ее планированию. Катерина все это время планировала вместе с Джулией. Джулия, вероятно, была взволнована тем, что наконец-то помогает своей дочери

со свадьбой. И теперь все это исчезло в мгновение ока.

— Да. — Катерина прикусывает нижнюю губу. — Я даже не знаю, как двигаться дальше. Я не знаю, как притворяться счастливой по любому поводу, когда ее нет рядом... — Она делает паузу, качая головой. — Я должна завтра снова пойти в магазин за платьями. Мы уже сходили туда однажды. И теперь я просто хочу купить платье, которое больше всего нравилось моей матери. Даже если оно не было моим любимым.

— Я пойду с тобой. — Я сжимаю ее руку. — Ты не должна делать ничего из этого одна.

— Лука тебе не позволит! Он даже не позволил тебе приехать на похороны...

— Я разберусь с этим, — обещаю я, вставая, чтобы принести ей заваренный чай. Когда я передаю его, Катерина с благодарностью берет чашку, обхватывая ее руками, как будто ей холодно, хотя в пентхаусе всегда тепло. — Я поговорю с ним.

Честно говоря, я не думаю, что смогла бы убедить Луку позволить мне что-либо сделать. Особенно после прошлой ночи.

Но я знаю, что должна хотя бы попытаться.

* * *

Как я и опасалась, Лука чуть ли не смеется мне в лицо, когда я прошу его позволить мне покинуть пентхаус с Катериной.

— Ни за что, — категорически заявляет он. — Все, что я делаю, это стараюсь обезопасить тебя, а ты хочешь отправиться за покупками свадебного платья? Я даже не уверен, что верю в это. Я сказал тебе, что ты остаешься здесь, и я это имел в виду.

После всей этой холодности я не ожидаю стука в дверь на следующий день. Но примерно в десять утра, когда я доедаю миску йогурта и мюсли, которые мне удалось приготовить вместе, я поражена именно этим. Я открываю дверь и вижу высокую рыжеволосую женщину в черном платье с запахом, которая стоит там, лучезарно улыбаясь.

— Привет! — Весело говорит она. — Я Энни. Я работаю в Kleinfeld's. Мы с моим помощником пришли на прием к Катерине Росси?

Я смотрю на нее, слегка ошарашенная. Катерины здесь, очевидно, нет, и я в замешательстве смотрю на нее секунд десять, пока не слышу звук открывающейся двери лифта в конце коридора. Мгновение спустя за ее спиной появляется Катерина.

— У меня здесь моя помощница и платья, могу ли я их принести? — Улыбка Энни не ослабевает ни на секунду, когда я отхожу в сторону, все еще немного ошеломленная, и светловолосая ассистентка и Катерина следуют за ней вместе с вешалкой для одежды, заваленной шелком, атласом и кружевами.

Я, конечно, сразу же отважу Катерину в сторону, пока Энни и ее ассистент готовятся. Мне требуется всего пять секунд разговора с ней, чтобы понять, что произошло. Лука позвонил ей после нашего разговора и договорился о том, что финальная встреча с платьем состоится в пентхаусе, а не в салоне. Что, конечно, он мог бы сказать мне, что собирается сделать, но он этого не сделал. Вместо этого он решил позволить мне думать, что ему все равно, и позволил этому случиться из ниоткуда.

Как всегда, это оставляет меня в замешательстве относительно того, что чувствовать. Я была так зла и разочарована на него за то, что он отказался отпустить меня, а потом он оборачивается и делает что-то вроде этого, что-то доброе для Катерины, что-то, что позволяет мне быть рядом с ней, несмотря на ограничения. И все же я все еще злюсь на него за то, что он вообще не позволил мне выйти из квартиры.

Лучше бы я никогда его не встречала, думаю я, опускаясь на диван и наблюдая, как

Катерина тихо разговаривает с ассистенткой, рассматривая каждое платье, прикасаясь к нему. Лучше бы ничего этого никогда не происходило. Но даже сейчас, когда я так думаю, я уже не совсем уверена, что это правда. Без Луки и нашего принудительного брака я бы через несколько недель закончила колледж, готовясь отправиться в Париж, а затем в Лондон. Я была бы на пути к тому, чтобы навсегда покинуть Манхэттен, стать опытным участником оркестра, начать новую жизнь вдали от здешних воспоминаний.

Однако, когда я представляю это сейчас, это похоже на сон. Как будто жизнь, которая принадлежала кому-то другому. И мысль о том, что я больше никогда не увижу Луку, заставляет меня чувствовать, что я почти что-то теряю. Как наркотик, где я не хочу признавать, что становлюсь зависимой.

— Я примерю это, — говорит Катерина, вырывая меня из моих мыслей. — Что ты думаешь, София? Это красиво?

Я бросаю взгляд на каскад кружев, который она держит в руках, и заставляю себя улыбнуться. Предполагается, что сегодня я должна поддерживать ее, а не погружаться в собственные мысли.

— Оно великолепно, — говорю я ей, что легко сказать. На ней все было бы хорошо.

Она примеряет несколько платьев, переодевается в ванной на первом этаже, а затем выходит, чтобы я посмотрела. Все они прекрасны. Первое — приталенное белое кружевное платье с v-образным вырезом и рукавами до локтя, другое — кружевной лиф без бретелек и юбка из летящего тюля, а третье — изящная русалка из плотного простого белого атласа.

А затем она выходит в четвертой части. Платье простое, сшито из плотного белоснежного атласа, с вырезом без плеч и облегающим лифом, переходящим в пышную юбку. В нем нет ничего сказочного или похожего на принцессу. Это элегантное, великолепное платье, в котором Катерина выглядит как королева. Ее загорелая кожа сияет на фоне нежно-белого атласа, платье красиво облегалает линии ее тела, не будучи слишком сексуальным, и когда ассистентка прикрепляет вуаль к ее волосам, расправляя тюль вокруг нее, я чувствую покалывание слез в уголках моих глаз.

— Это то, которое нравилось маме — тихо говорит Катерина. — Я думала, мне нужно что-то более богато украшенное. Но теперь, когда я снова надела его... — она колеблется, глядя в зеркало, которое установила для нее ассистентка. — Я думаю, оно идеально. — Она оглядывается на меня, прикусив губу. — А ты как думаешь, София?

У меня сжимается грудь, и мне требуется мгновение, чтобы обрести способность говорить. Мы не так уж хорошо знаем друг друга, только благодаря обстоятельствам мы вообще знаем друг друга, и я хочу сказать правильные вещи. Это важный момент в ее жизни, которым она должна поделиться со своей матерью, или сестрой, или близким другом, с кем угодно, кто ей ближе, чем я. Но я — все, что у нее есть.

— Я тоже думаю, что оно идеально. — Это правда, я не могу представить более совершенного платья. Другие были великолепны, но это подходит Катерине так, как будто было сшито для нее. — И ты почувствуешь, что она там, с тобой, по крайней мере, немного.

— Я тоже об этом думала. — Катерина закусывает губу, подходит к дивану и опускается на него рядом со мной, все еще в платье. Она тянется к моим рукам, берет их обеими своими и улыбается сквозь слезы, которые начинают стекать по ее лицу. — Большое тебе спасибо, София. Я не могу передать тебе как много для меня значит, то, что ты была со мной сегодня. Такое чувство, что у меня есть друг.

Моя грудь сжимается от эмоций, когда она сжимает мои руки. Как и в тот момент на

вечеринке в честь моей помолвки, когда я мельком представила, какой могла бы быть моя жизнь с Лукой, если бы мы действительно любили друг друга, в тот момент, когда мы шутили и поддразнивали друг друга, я вижу проблеск того, какой могла бы быть моя жизнь, если бы я действительно была частью этой семьи. Если бы я согласилась стать женой Луки, я бы старалась быть хорошей женой, поддерживать его и любить его. Катерина была бы моим другом, замужем за подчиненным боссом Луки. Я представляю ужины, которые мы бы устраивали, вечеринки, на которые мы ходили бы вместе, мероприятия, которые мы помогали бы организовывать. Я не могу представить день, когда Ана не была бы моей лучшей подругой, но я вижу место в моей жизни, которое заняла бы Катерина, и место, которое я заняла бы в ее. И это было бы неплохо. Вероятно, это была бы даже хорошая, счастливая, наполненная во многих отношениях жизнь. Но для того, чтобы иметь это, мне пришлось бы отказаться от всех идей, которые у меня всегда были о том, какой будет моя жизнь. Мне пришлось бы смириться со своими чувствами по поводу того, что Росси и его головорезы сделали с моей матерью, и с фактом того, что Лука теперь занимает место, которое раньше занимал Росси, и того, как я была втянута во все это.

Я не знаю, смогу ли я это сделать. Я не знаю, смогу ли я найти здесь место, когда я так сильно возмущена тем, как все это началось. Когда я даже не понимаю своих чувств к собственному мужу. Когда я попеременно не уверена, тот ли это человек, в которого я могла бы влюбиться, или тот, кого я должна бояться.

Но я знаю одну вещь...

Я сжимаю руки Катерины в ответ, глядя на нее с улыбкой на лице.

— У тебя действительно есть друг, — твердо говорю я ей.

И я знаю, что именно это я и имею в виду. Больше, чем все, что я сказала за долгое время.

ЛУКА

В течение следующей недели мне удастся избегать Софии, насколько это возможно. Кроме разговора, в котором она подкараулила меня, попросив отпустить ее по магазинам с Катериной, что привело к тому, что мой пентхаус на день превратили в свадебный салон, мы почти не разговариваем. Я ухожу в офис так рано, как только могу, и к тому времени, когда я прихожу домой поздно ночью, она уже спит. Что меня устраивает, потому что я не знаю, что ей сказать, особенно после того, что произошло между нами в ту ночь, когда я увидел запись с камер видеонаблюдения.

Я не уверен, что на меня нашло, когда я посмотрел это. Я не специально шпионил за ней. Тем не менее, я хотел убедиться, что ничего необычного не произошло, пока меня не было. Я не ожидал увидеть это. Я был обеспокоен тем, что она пригласит подругу в гости без моего согласия, или попытается уйти, или... Если быть до конца честным, я не совсем уверен, о чем я беспокоился, что побудило меня просмотреть отснятый материал. Встреча с Виктором вывела меня из себя, я чувствовал, что попал в ситуацию, находящуюся вне моего контроля, в которой я постоянно на шаг отстаю. Я хотел каким-то образом вернуть себе это чувство контроля. И когда я увидел Софию, откинувшуюся в этом кресле, ее нежные

пальчики придерживали шорты с одной стороны, в то время как пальцы другой руки погрузились в киску, о которой я не мог перестать думать, что-то оборвалось внутри меня.

Я никогда не делал ничего подобного тому с другой женщиной, что делал с ней. Я всегда был доминирующим в спальне, главным и отдавал приказы, но это всегда было легко. Женщины слишком благоговеют передо мной, слишком отчаянно хотят провести со мной ночь, слишком надеются, что именно они смогут соблазнить меня и избавить от моего откровенного холостяцкого образа жизни, чтобы быть особенно вызывающими или изобретательными в постели. Они делают все, о чем я их попрошу, всякий раз, когда я об этом попрошу. Я никогда не встречал ни одной женщины, которая бросила бы мне вызов в спальне или которая осмелилась бы возразить мне, как только я начну снимать одежду, или даже раньше, на самом деле. Я никогда не встречал женщину, которой мне нужно было овладеть. Женщину, которую я не мог выбросить из головы. Ту, которая снова и снова подводила меня к грани самоконтроля.

До Софии.

Вид и звук того, как она заставляет себя кончить, свели меня с ума, когда я увидел это. Мысль о том, что она прикасается к себе, доставляет себе удовольствие, в то время как она настаивает на том, чтобы отвергать меня, бороться со мной, восстает против меня на каждом шагу, заставила меня чувствовать себя слегка расстроенным. Я был тверд как скала все время, пока смотрел запись, и я рад, что решил посмотреть один, а не с охраной.

Я также поинтересовался, просматривал ли отснятый материал кто-нибудь еще. Я был благодарен, что они этого не сделали, мне пришлось бы уволить их сразу, или убить. На самом деле, я не уверен, что еще я бы сделал, если бы подумал, что любой другой мужчина мог видеть мою прекрасную жену, распростертую в пентхаусе и мастурбирующую.

Сначала я не собирался наказывать ее. Все, что произошло после этого, когда я вошел в пентхаус и нашел ее, было незапланированным. Но потом она не смогла сделать то, о чем я ее просил.

Солгала мне. Отрицал все, о чем я спрашивал.

И я потерял контроль.

Я провел всю ту ночь в своем гостиничном номере, не в силах перестать фантазировать о ней. Пытаюсь выбросить ее из головы, думая обо всех возможных вещах, которые я мог бы сделать с прекрасным, совершенным телом Софии, снова и снова доставляя себе удовольствие.

Это не сработало. И она сводит меня с ума.

Она — обуза. Отвлекающий фактор. Еще одна ответственность в море других обязанностей, это человек, который зависит от меня в своей безопасности, когда многие другие находятся в опасности. И все же, она борется со мной на каждом шагу. Лжет мне. Притворяется, что ненавидит меня, когда я знаю, что она так же противоречива, как и я.

Я смог придумать только один способ вернуть себе хоть какой-то контроль. И все это время доминировать над ней казалось самой естественной вещью в мире. Требовать подчинения ее тела, мучить и наказывать ее с удовольствием, доводить ее до грани безумия, чтобы она могла чувствовать то, что я делаю каждый раз, когда думаю о ней. Доказать ей, что ее тело принадлежит мне, что только я могу доставлять или отказывать ей в удовольствии, как мне заблагорассудится.

И ей это понравилось. Это было очевидно. Проблема была в том, что мне тоже.

Мне потребовалась каждая капля самообладания, которая у меня была, чтобы не

трахнуть ее тут же. Я хотел этого, жаждал этого, отчаянно нуждался в этом. Но та ночь не должна была быть связана с потерей контроля. Предполагалось, что речь шла о том, чтобы вернуть все назад. Предполагалось, что речь шла о том, чтобы проявить свою власть над ней, чтобы я мог наконец выбросить ее из головы.

Итак, я ее не трахнул. Я сделал наоборот. Я издевался над ней, издевался над ее очевидным желанием, а затем вышвырнул ее из комнаты, чтобы снова подрочить на свою одинокую руку, хотя, вероятно, мог бы трахать ее всю ночь напролет, если бы попытался. Она была так возбуждена, что, вероятно, сделала бы все, что я хотел. Иногда мне кажется, что из-за нее я схожу с ума.

Она так старательно избегает меня, что я понятия не имею, что творится у нее в голове. И меня это не должно беспокоить. Мне нужно управлять империей и пытаться остановить войну на ее пути. С момента моей встречи с Виктором установился предварительный мир, несмотря на его угрозы. Я удвоил меры безопасности повсюду, в своем офисе, доме Франко, в доме его семьи, в резиденции Росси, где остановилась Катерина. Тишина настораживает едва ли не больше, чем нападения, потому что заставляет меня беспокоиться, что он, возможно, планирует что-то грандиозное. Я, возможно, не смогу усилить охрану в моем собственном пентхаусе, но я оставлю личного телохранителя с Софией на эти выходные.

Что возвращает мои мысли к тому, что сейчас раздражает меня больше всего... предстоящим выходным. Несмотря на напряжение и нависшую над нами опасность, Франко настаивает на том, что он не может не устраивать мальчишник. И я понимаю, он женится всего один раз, и ничто Франко не любит больше, чем хорошую вечеринку. Но последнее, что сейчас у меня на уме, это где-нибудь дико напиться.

— Тебе будет полезно уехать от Софии. Подальше от всего этого. — Франко сейчас в моем кабинете, он наклоняется вперед и приводит свои аргументы в пользу того, чтобы еще раз съездить с Манхэттена на выходные. — Ты выглядишь так, будто вот-вот взорвешься, Лука. Такой сильный стресс вреден для твоего здоровья. Разве не это ты постоянно говорил Росси? Время от времени расслабляться?

— У него не было войны на носу, когда я это говорил, — рычу я, глядя на него снизу вверх. — Ты действительно готов оставить свою невесту здесь, пока мы летим на вечеринку... куда, ты сказал? Куба?

— Тихуана, — говорит Франко с ухмылкой. — Там тебе может сойти с рук гораздо больше. И да, это так. Я оставлю с ней достаточно охраны. Брось, Лука, я знаю, что от меня не ждут верности, когда я женат, но, когда, по-твоему, у меня действительно появится шанс уехать из страны и трахнуть сразу трех проституток сомнительного возраста, находясь под кайфом от кокаина после того, как я стану семейным человеком? Катерина захочет, чтобы я остался дома и подложил ей ребенка.

— Поистине худшая из возможных задач, — сухо парирую я. — Господи, Франко, твоя невеста — одна из самых красивых женщин на Манхэттене. Наследница огромного состояния. Почти наверняка девственница. И ты жалуешься на то, что тебе придется ее трахать?

— Не жалуюсь, — весело говорит Франко. — Но девственная киска быстро приедается. В конце концов, ты можешь трахнуть ее в первый раз только один раз. Что, если она окажется холодной рыбой в постели?

— Она все еще богата. — Я вздыхаю, откидываясь на спинку стула. — Франко, ты

понимаешь, что все больше не будет так, как раньше, верно? Дело не только в том, что мы теперь женатые мужчины. Это все. Это опасность за каждым углом, мое новое положение, твое новое положение. Мы провели свои двадцатые, трахая все, что попадалось на глаза, и приходили на работу все еще наполовину под кайфом или с похмелья, и заставляли это работать. Мы жили как принцы, но теперь мы короли. И мы должны сделать свою работу правильно.

— Нет, Лука. — Франко хмурится. — Ты король. Я все еще твой лакей. И я прошу ваше величество дать мне еще один уик-энд, подобный тем, что у нас были раньше, прежде чем мне придется встать и дать клятву женщине, которая, я признаю, не в моей лиге.

— Ну, по крайней мере, ты признаешь это. — Я вздыхаю. — Хорошо. Я позабочусь о том, чтобы Катерина была хорошо защищена, пока нас не будет.

У меня вертится на кончике языка сказать ему, о чем меня просил Виктор, что он просил меня отдать ему Катерину вместо того, чтобы почтить ее помолвку с Франко. Прямо сейчас я достаточно раздражен на него, что не могу не думать, что так ему и надо, если я поступлю именно так и куплю мир рукой Катерины в браке. Но обещание было дано, и я выполню его. Не говоря уже о том, что я не могу представить, как отдам Катерину, которая всегда была милой, доброй и уступчивой во всех отношениях, которые у меня с ней когда-либо были, такому человеку, как Виктор. За эти годы я значительно ослабил свои моральные устои и, надеюсь, буду укреплять их и дальше. Но, по-моему, это слишком далеко зашло.

Лучший способ обеспечить безопасность Катерины, это оставить ее с Софией и поручить обоим сотрудникам службы безопасности присматривать за ними вместе с телохранителем, которого я планирую оставить. Но я должен сообщить Софии, что происходит, а это значит сделать то, чего я избегал всю неделю.

Поговорить со своей женой.

Помня об этом, я отправляюсь домой достаточно рано, чтобы было мало шансов, что София уже будет в постели. Я отправляю Кармен сообщение, прося ее прислать ужин в пентхаус, какие бы суши София ни заказала в тот вечер, когда я оставил ее там одну на ночь.

Когда я прихожу туда, она определенно не спит. Но она стоит рядом с обеденным столом, скрестив руки на груди, с подозрительным выражением лица.

— Что происходит? — София кивает в сторону подносов с суши. — Это на тебя не похоже.

— Я не могу захотеть поужинать со своей женой?

— Лука. — Она поджимает губы, отчего мой член мгновенно начинает пульсировать. Эти губы так хорошо смотрелись бы, обхватив мой...

— Лука! — София пристально смотрит на меня. — Что с тобой происходит? Мы никогда не ужинали вместе, ни разу. Даже когда я пыталась...

— Я попросил Кармен заказать. Нам нужно поговорить...

Она закатывает глаза.

— Это из того же места, где я заказывала в ту ночь, когда... — ее голос замолкает, и она тяжело сглатывает. Слабый розовый румянец поднимается вверх по ее шее. У меня возникает внезапная фантазия о том, как я наклоняю ее над столом, задираю джинсовую мини-юбку, которая на ней надета, до бедер и трахаю ее, пока она не закричит прямо рядом с суши. — Это какая-то шутка, верно? — София сердито смотрит на меня. — Что ты собираешься сделать со мной на этот раз?

Если бы она только знала, чего бы мне хотелось. Я прочищаю горло, отбрасывая эту

мысль в сторону. У меня нет времени на наши обычные игры, времени погружаться в перепалку, которая возникает всякий раз, когда мы вместе. У меня нет времени напоминать Софии, что не она здесь главная, напоминать ей, что, несмотря на все ее взгляды и протесты, она хочет меня так же сильно, как я хочу ее. Каким бы восхитительным это ни было.

— Это не шутка, — говорю я категорично. — Очевидно, тебе нравится их еда. И поскольку у тебя не было возможности доесть прошлой ночью... — Я пожимаю плечами, ухмыляясь ей. — Нам нужно поговорить. Так что садись, и мы это обсудим.

Подозрительный взгляд не покидает ее лица ни на секунду, но она медленно садится, внимательно наблюдая за мной. Не говоря ни слова, она снимает крышки с подносов, берет пару палочек для еды и раскладывает кусочки на две фарфоровые тарелки на столе, до смешного необычно для чего-то подобного, и даже я это знаю.

— Хочешь выпить? — Я еще не сел, завис за своим стулом.

София смотрит на меня, подозрение на ее лице усиливается, и я издаю многострадальный вздох.

— Я не пытаюсь заманить тебя в ловушку, София, или сделать намек на твой небольшой загул прошлой ночью. Я просто спрашиваю, не хочешь ли ты выпить за ужином. Я собираюсь выпить. Не каждый наш разговор должен быть таким трудным.

Она бормочет что-то себе под нос, что звучит удивительно похоже на "Ты мог бы меня одурачить". Мне приходит в голову мысль, что я мог бы легко придумать предлог, чтобы наказать ее за подобную дерзость, как я сделал прошлой ночью, и я чувствую, как мой член снова пульсирует, неприятно натягивая штаны.

Остановка. Сегодня вечером не будет никакого наказания, никаких игр. Сегодня вечером, в кои-то веки, мне нужно быть с ней как можно более откровенным. Это единственный способ, которым я смогу согласиться на эту нелепую прогулку Франко и чувствовать себя в безопасности, оставив здесь женщин.

— Я выпью бокал белого вина, — тихо говорит София. — Спасибо.

Пока я иду за нашими напитками, в столовой воцаряется тишина, нарушаемая только постукиванием палочек для еды по подносам и тарелкам, скольжением фарфора по дереву. На мгновение наступает покой. Это взгляд на то, какими могли бы быть наши отношения, если бы наш брак удался. Если бы мы могли перестать ссориться друг с другом и жить вместе, как нормальная пара. У нас были бы более обычные домашние вечера, подобные этому, когда София готовила бы наш ужин, пока я разливал напитки, и пока мы ели, мы говорили бы о... О чем именно? Я почти ничего не знаю о своей жене. Я знаю, что она опытная скрипачка. Она любит книги, особенно классику, из того, что, я видел, когда Ана принесла из старой квартиры. Теперь я знаю, что она предпочитает белое вино к морепродуктам, но это вряд ли можно назвать откровением.

Я знаю, какой вздох она издает, когда я ее целую, и вкус ее рта, то, как она выглядит, когда теряется в удовольствии, и звук ее оргазма, но я не знаю, что она любит на завтрак. Я не знаю, какую музыку она предпочитает слушать и нравится ли ей театр. Я не знаю, какой у нее любимый жанр кино или любимый цвет. Однажды я сказал ей, что у меня его нет, но, конечно, это неправда.

София пододвигает ко мне мою тарелку, когда я ставлю оба бокала и сажусь, поигрывая палочками для еды и с опаской поглядывая на меня. Насколько я могу судить, сегодня вечером на ней нет макияжа, не думаю, что она ожидала, что я вернусь домой, пока она не уснет, как обычно. Она выглядит прекрасно без него, россыпь веснушек, видимых над ее

переносицей, внезапно заставляет меня подумать о том, чтобы наклониться вперед и поцеловать ее там.

Блядь. Откуда, черт возьми, это берется? У меня никогда в жизни не возникало подобной мысли. Но на мгновение я не могу отрицать, что у меня возникло желание наклониться и поцеловать свою жену прямо в ее идеальный веснушчатый носик.

София смотрит на меня.

— Хорошо. Что такого важного, что ты примчался домой и принес суши, чтобы втянуть меня в разговор?

— Я не принес суши, — замечаю я. — Я попросил Кармен заказать их.

— Естественно. — София закатывает глаза. — Просто скажи мне, в чем дело, Лука.

— Это о Катерине.

Она выглядит слегка встревоженной этим.

— Мы не выходили из пентхауса. Вся встреча по платьям была здесь, и...

— София, — говорю я спокойно, мой голос ровный и размеренный. — Ты не в беде, хорошо? Давай просто попробуем хоть раз нормально поговорить.

Она откидывается назад, прикусывая нижнюю губу таким образом, что мне снова хочется ее поцеловать.

— Хорошо, — наконец говорит она.

— Хорошо. — Я откладываю палочки для еды, слегка поворачиваясь к ней лицом. — Франко настаивает, чтобы он, я и еще несколько наших друзей уехали в эти выходные на мальчишник. Я не думаю, что это хорошая идея, но он очень уверен, что ему нужно это последнее ура перед тем, как закончится его время одинокого мужчины.

— Ладно... куда? — София хмурится, и по выражению ее лица я вижу, что именно она думает о настойчивости Франко. По иронии судьбы, это первое, о чем я могу вспомнить, о чем мы договорились. — Разве это не плохая идея после всего, что произошло?

— На этот раз мы пришли к согласию. — Я вздохнул. — Он мой самый старый друг, и он, по сути, ясно дал понять, что считает, что нам это нужно. И я думаю... — Я замолкаю, размышляя, как многим с ней поделиться. Но, к лучшему или к худшему, теперь мы женаты. И если есть хоть какая-то вероятность того, что София станет полноценной частью моей жизни, а не чем-то, о чем мне приходится постоянно беспокоиться, я должен иметь возможность поделиться с ней некоторыми своими мыслями. — Франко вел очень привилегированную жизнь с тех пор, как мы стали друзьями, — медленно начинаю я, и София фыркает.

— Вы все привилегированные. — Она тоже откладывает свои палочки для еды, глядя на меня так, как будто у меня выросло две головы. — Ты действительно думаешь, что это не так?

— Ты думаешь, что у тебя не так? — Я парирую, свирепо глядя на нее. Черт возьми, как эта женщина так легко проникает мне под кожу? — Ради всего святого, София, ты была на свободе с тех пор, как тебе исполнилось восемнадцать. Автоматический депозит со счетов Росси поступал на твои каждый месяц как по маслу, полностью оплачивая твоё обучение за каждый семестр. Никакой арендной платы, никаких коммунальных услуг, никаких счетов за продукты. Тебе никогда не приходилось жить как нормальному человеку, тебе не приходилось, пока были деньги. И теперь никогда не придется, поскольку ты моя жена.

— Я думаю, это справедливо, поскольку мой отец умер из-за него! — Зубы Софии стиснуты, когда она говорит, ее поза прямая, как шомпол. Я чувствую, как в воздухе

нарастает напряжение, как это всегда бывает.

— Твой отец умер из-за себя, — говорю я категорично. — Из-за своих ошибок. Не из-за Росси. И мой отец умер из-за твоего. Из-за их дружбы. И все же я здесь, выполняю свои обещания.

На мгновение в комнате становится очень тихо. Никто из нас не двигается и не произносит ни слова.

— Мне жаль, — наконец говорит София, и я чувствую, как напряжение покидает комнату, как воздух из воздушного шарика. — Ты прав. Все еще есть вещи, которых я не знаю. И мне тоже выпала честь. Так что скажи мне, о чем ты говоришь, Лука.

Мне требуется время, чтобы собраться с мыслями. Я не ожидал, что она вот так сдастся, уступит. Это заставляет меня взглянуть на нее свежим взглядом и ненадолго задуматься, не недооценивал ли я ее. Может быть, я просто не удосужился дать ей... нам шанс, потому что я так заиклен на том, что мне никогда нечего терять.

Если возможно, только... возможно, София Ферретти сильнее, чем я думаю.

— Когда я говорю, что Франко вел привилегированную жизнь, я имею в виду, что я защищал его от многих реалий этой жизни, жизни в мафии, — объясняю я. — Я защищал его от хулиганов, которые распространяли ложь о нем, когда мы были моложе, и я просто никогда не переставал защищать его. Когда у нас была работа для Росси, когда были люди, которых нужно было заставить говорить, люди, которых нужно было убить, все эти неприятные вещи, я защищал его от худшего из этого. Я всегда выполнял самую грязную работу, потому что хотел уберечь своего друга от необходимости сражаться с демонами, которые преследуют тебя после. — Затем я делаю паузу, понимая, что сказал больше, чем хотел. Раскрыл о себе больше, чем хотел.

София абсолютно безмолвна. Ее руки упали на колени, и она наблюдает за мной своими влажными темными глазами, ее лицо такое спокойное, и я не могу понять, о чем она думает.

— Но я больше не могу так поступать. Я больше не низший босс. Я дон. Франко — мой младший босс, и если мы собираемся продолжить это наследие, если мы собираемся отбросить братву и сохранить эту территорию в безопасности, мне нужно, чтобы он активизировался и сделал то, что я когда-то делал для семьи Росси.

— И ты думаешь, что предоставив ему в последний уик-энд свободу делать то, что ему нравится, он сможет сделать это, когда ты вернешься домой?

София говорит тихо, но ее слова попадают прямо в суть с точностью, которая поражает меня. Я не ожидал, что она окажется такой пронизательной, но это снова заставляет меня задуматься, не заставили ли меня обстоятельства нашей встречи, нашего брака, сильно недооценивать ее.

Моя жена не глупа. В глубине души я всегда знал это, в конце концов, она была студенткой Джульярдского университета, блестящей скрипачкой. Я видел книги в ее комнате, они не все лишены содержания. Там есть классика, философия, книги, которые, вероятно, есть у меня в собственной библиотеке. И все же я обращался с ней как с ребенком.

Может быть, именно поэтому она на меня обижена.

Внезапно я возвращаю свои мысли в фокус. У меня сейчас нет времени на переоценку своего брака. Это может прийти позже... возможно. Если этот первый серьезный разговор, который у нас состоялся, не просто какая-то случайность. За эти последние пятнадцать минут я обнажил себя больше, чем за долгое время, может быть, когда-либо. Я чувствую себя неуютно, и я напряженно выпрямляюсь в своем кресле, мой голос становится холоднее и

официальнее, когда я продолжаю.

— Да. Это то, на что я надеюсь. Но чтобы все получилось, мне кое-что нужно от тебя, София.

Она моргает, глядя на меня.

— От меня?

— Да. Если Виктор пронюхает, что мы с Франко в отъезде, а я вряд ли смогу помешать ему выяснить, намерен ли он этого добиться, тогда он, скорее всего, сочтет это подходящим моментом для удара. Если я пытаюсь защитить тебя и Катерину по отдельности, это уменьшает ресурсы. Поэтому я хочу, чтобы Катерина оставалась здесь, пока нас не будет. И мне нужно, чтобы ты не сопротивлялась мне из-за этого. Мне нужно, чтобы ты была любезной хозяйкой и пригласила ее сюда на выходные, а я удвою охрану. Я также собираюсь приставить к каждой из вас личного телохранителя.

— О. — София внезапно смеется, и меня поражает, как редко я слышал от нее этот звук. — Это все? Конечно, Лука. Знаешь ли, мы с Катериной, ну, на данный момент мы в основном друзья. Я превращу это в девичник для нее. Это будет не так захватывающе, как если бы мы могли пойти куда-нибудь, но я сделаю все, что в моих силах.

Простота этого застает меня врасплох.

— Ты ничего не хочешь взамен?

София колеблется.

— Ну...

Конечно.

— Что? Что я могу сделать такого, чего у тебя еще нет?

София напрягается, и я могу сказать, что задел ее за живое.

— Я просто собиралась спросить, может ли Ана тоже прийти. Это не вечеринка, если на ней всего два человека, — поспешно добавляет она. — Я не вижу, как ее присутствие могло бы чему-то повредить.

У меня вертится на кончике языка сказать нет. Хотя до сих пор она зарекомендовала себя как хороший друг, я не совсем доверяю Анастасии. И я не могу не думать, что присутствие здесь русской подруги Софии, это почти насмешка в сторону Виктора. Думая об этом таким образом, мне хочется согласиться. И София права, что это, вероятно, не повредит. Насколько я знаю, никто не охотится за Анастасией. И я не думаю, что она имеет какую-то реальную ценность для Виктора, помимо обычной ценности красивой девушки для него.

— Хорошо, — соглашаюсь я. — Анастасия тоже может остаться.

Глаза Софии расширяются.

— Я не ожидала, что ты скажешь ДА! Спасибо тебе, Лука.

Я слышу искренность в ее голосе, и это немного согревает меня. Однако я не решаюсь доверять потеплению между нами.

— Есть что-нибудь еще?

— Нет, — быстро отвечает она. — Конечно, нет. Я просто рада снова увидеть Ану. Я не видела ее со свадьбы, я даже не знаю, знает ли она, что со мной все в порядке.

— Конечно, она знает. Я связался с ней и дал ей знать, что ты в безопасности. — Я вопросительно смотрю на Софию. — Ты же не думаешь, что я действительно позволил бы твоей подруге гадать, жива ты или мертва?

— Я...

— Я могу быть холодным, София, но я не монстр. — Я глубоко вздыхаю, потирая рукой лоб. — И я знаю, что ты хочешь чего-то еще. Так что просто скажи мне.

Она долго молчит, и я не совсем уверен, что она действительно собирается мне сказать. Я уже на грани того, чтобы забыть об этом и просто вернуться к нашей еде, когда она наконец поднимает взгляд и выпаливает:

— Я хочу вернуться спать в свою собственную комнату.

Непосредственность, с которой я хочу сказать "нет", поражает меня. Не потому, что я хочу отказаться, а потому, что моя первая подсознательная мысль заключается в том, что без нее кровать окажется пустой. Я просто привык к тому, что кто-то рядом со мной?

— Я не знаю, хорошая ли это идея...

— Прошла неделя, Лука. Ничего не произошло. Ты удваиваешь меры безопасности и даешь нам личную охрану. Ты только что сам это сказал. Ты действительно думаешь, что то, что я сплю в твоей комнате, а не в своей собственной, что-то изменит?

— Если кто-то придет за тобой, я буду рядом.

— Как они вообще проникнут внутрь? Я не могу выйти, там такая охрана. — Она смотрит на меня, и я вижу, как сильно она хочет, чтобы я согласился. В кои-то веки у нас нормальный спор, а не яростная ссора. Хотя инстинкт подсказывает мне сказать ей "нет", конечно, нет, она продолжит делать то, что я сказал, и оставаться там, где я ей сказал. Я знаю, что нет никакой реальной причины, кроме моего собственного упрямства. И тот факт, что, по-видимому, мне нравится, когда она в моей постели, даже если это только для того, чтобы поспать.

Я не хочу сдаваться. Но я все равно ловлю себя на том, что киваю.

— Хорошо. Но если возникнет хоть малейший намек на опасность, мы вернемся к тому соглашению, которое у нас есть сейчас.

По лицу Софии расплывается улыбка, и я не думаю, что она могла бы выглядеть счастливее, если бы я сказал ей, что она может полностью съехать. Она выглядит взволнованной. И, конечно, если она счастлива, для меня одним бременем меньше.

Так почему мысль о том, что я проведу ночь без нее, спящей рядом со мной, заставляет меня чувствовать, будто я что-то потерял?

ЛУКА

В Доминиканской Республике, где мы, наконец, остановились на том, чтобы исчезнуть на выходные для вечеринки Франко, так же жарко, как в Нью-Йорке было все еще холодно. Мы прилетели в пятницу вечером, всего через день после моего разговора с Софией за ужином. Я ушел, заверив, что Катерина будет в пентхаусе в течение часа, а Ана чуть позже, когда закончатся ее занятия, и что больше никого там не будет на выходных. Я также оставил так много людей в охране, что целый этаж квартир в здании теперь временно отведен для их размещения, пока они по очереди следят за камерами внутри и снаружи и патрулируют коридоры.

Как и обещал, я также оставил двух телохранителей, Джо и Рауля, бывших бойцов и

культуристов, ставших профессиональными охранниками, которые годами работали на семью. Если кто-то и может обеспечить безопасность женщин, я уверен, что это они, и таким образом безопасность будет обеспечена как внутри пентхауса, так и снаружи.

Все это в сочетании с тем удивительно мирным отношением, с которым мы с Софией расстались после нашего последнего разговора, должно заставить меня чувствовать себя хорошо. Но вместо этого, когда частный самолет подруливает к ангару, а Франко допивает остатки своего напитка, я все еще чувствую себя на взводе, как всегда.

Это последнее место, где я хотел бы быть. Я хочу быть дома, работая над планом по устранению Братвы навсегда. Я хочу выяснить, на что пойдет Виктор, чтобы согласиться на мир, который не достанется человеческой ценой. И я хочу... Я хочу быть в постели с Софией. С той ночи прошло уже больше недели, и это не выбило ее из моей головы, как я надеялся. Это не заставило меня больше контролировать свою похоть к ней. И я не был внутри женщины с нашей первой брачной ночи. Это самое долгое время, когда я обходился без секса с тех пор, как потерял девственность в пятнадцать лет, и я чувствую, что слегка схожу с ума. Я никогда в жизни не был так сексуально неудовлетворен.

— Мы здесь! — Франко поднимает свой пустой стакан, его веснушчатое лицо слегка покраснелось, когда он улыбается мне. — Я готов кайфануть и трахнуть столько женщин, сколько смогу вместить в гостиничную кровать одновременно. Последний холостой уик-энд, парни!

Всеобщее приветствие, и я присоединяюсь, насколько могу. С нами здесь еще четверо, другие друзья с тех пор, как мы вместе учились в средней школе. Тони, Берто, Эдриан и Макс были частью нашего с Франко ближайшего окружения больше лет, чем я хотел бы сосчитать сейчас. Все они занимают высокое положение в семье. Тони — капо в Чикаго. Берто и Эдриан — состоявшиеся люди, которые прикрывали меня на многих работах, а Макс — советник в Нью-Йорке. Все они понимают жизнь, взлеты и падения, а также ответственность, которая приходит с этими должностями. И все они чувствуют, что эта поездка была несвоевременной. Но высказанные ими оговорки, похоже, исчезают вместе с обещанием теплого солнца, воды, наркотиков и красивых женщин, готовых сделать все, о чем они попросят. Здесь решают деньги, и я не сомневаюсь, что в эти выходные будет много дебошей.

В какой части этого я буду участвовать, я не уверен. Было время, когда я был бы так же взволнован, как и любой другой в этом самолете, по поводу уик-энда, посвященного беспечному времяпрепровождению, в месте, где никто не будет подвергать сомнению законность чего-либо из этого, пока у нас есть деньги для передачи, в которых ни у кого из нас нет недостатка. Но в данный конкретный момент это, кажется, не обладает той привлекательностью, что раньше.

Я просто становлюсь чертовски старым?

Отель расположен в нескольких метрах от пляжа и полностью сдан в аренду на наши выходные. Как я и просил, когда мы входим, в гостиной уже ждет несколько великолепных бронзовых моделей, одетых в бикини поверх мебели. Глаза Франко чуть не вылезают из орбит.

— Кто хочет приготовить мне выпить? — Кричит он, размахивая руками над головой. — Последние выходные свободы, дамы!

— Он звучит как заезженная пластинка, — со смехом говорит Тони, тоже направляясь к бару. Тони женат уже несколько лет, у него есть сын-мальш, но я уверен, что он тоже

воспользуется всем, что могут предложить выходные. Верность, это не та добродетель, которую кто-либо из нас был воспитан ценить. Тем не менее, он относится к этому менее откровенно, чем Франко, оценивая поглядывая на темноволосую модель, которая приподнимает одну идеальную бровь и грозит ему пальцем.

— Может быть, это была не такая уж плохая идея, — говорит он с усмешкой, пересекая комнату по направлению к девушке, которая протягивает руку, чтобы схватить его за рубашку и притянуть к себе.

Всем не требуется много времени, чтобы переодеться в плавки, все девушки встают, чтобы приготовить напитки, когда мы открываем широкие двери, ведущие к бассейну. Солнце уже припекает, но после переменчивой погоды Манхэттена поздней весной это приятно. Я чувствую, что немного расслабляюсь, когда беру текилу с имбирем, которую протягивает мне высокая блондинка в ярко-зеленом бикини, и сажусь на краешек шезлонга, вдыхая аромат апельсиновой дольки на стенке стакана и соленый воздух, дующий с пляжа.

Интересно, понравилось бы Софии здесь. Эта мысль поражает меня, потому что мне впервые пришло в голову что-то подобное. Я никогда не рассматривал возможность взять женщину с собой в отпуск. Эти бегства предназначены для того, чтобы быть именно тем, чем они являются для любого другого мужчины здесь, местом, где можно сбежать и забыться в удовольствиях на несколько дней, избавиться от домашнего стресса. Я никогда не знал ни одного знакомого мужчины, который взял бы свою жену в отпуск. Любовницы, иногда, но обычно, потому что с ними все будет в порядке, сколько бы других женщин тоже не оказалось в этой постели. Жены отправляются в отпуск с другими женами или своими детьми. Романтические отношения с супругом, это не совсем то, чем известны мужчины мафии. Но, несмотря на то, что меня окружают самые красивые женщины, которых только можно купить за деньги, с холодным напитком в руке и обещанием как можно больше секса, если я захочу этого, все, о чем я могу думать, это о том, как София могла бы выглядеть в бикини, стоя на краю бассейна с бокалом вина в руке, и ее темные волосы развеваются на временами поднимающемся ветерке.

Я чувствую, как мой член подергивается в плавках, твердея при одной мысли о топе бикини, натянутом на ее полные груди, о том, как они будут покачиваться, когда она подойдет ко мне... Блядь. Я давно прошел то, что приемлемо для любого мужчины с точки зрения сексуальной неудовлетворенности. Я должен потрахаться сегодня вечером и оставить все это позади. Я не трахал другую женщину с того дня, как выгнал Софию из того гостиничного номера, и с меня хватит. Я человек с богатством и властью, дон итальянской мафии, один из самых могущественных людей в мире. Я могу получить кого угодно и все, что захочу.

Так что пришло время воплотить это в реальность.

Решительно выкидывая Софию из головы, я бросаю взгляд на загорелую блондинку, которая не могла бы больше отличаться от Софии, даже если бы я это спланировал. Она по крайней мере на пять дюймов выше, тонкая, как жердь, с почти несуществующей грудью, завязки ее зеленого бикини ненадежно облегают острые тазовые кости. Ее глаза почти такого же ярко-зеленого цвета, как и купальник. Она соблазнительно улыбается мне, когда видит, что я смотрю на нее, и направляется ко мне ленивой, раскачивающейся походкой, которая заставляет ее казаться более соблазнительной, чем она есть на самом деле.

— Привет, красавчик, — мурлычет она, подходя и становясь передо мной. Я чувствую

аромат кокосового масла и солнцезащитного крема, исходящий от ее кожи. Она так близко, что я мог бы наклониться и лизнуть ее, если бы захотел, ее киска в нескольких дюймах от моего лица, и я вижу по безупречной коже по обе стороны от ее бикини, что она гладкая, как воск.

Однако все эти женщины будут такими. Все они — самые дорогостоящие эскорт-услуги, которые только можно купить. Все они в идеальной физической форме, за ними ухаживают до совершенства для нашего удовольствия, и им платят буквально за то, чтобы они делали все, о чем просят мужчины, присутствующие здесь сегодня вечером. И никто из них не будет этого стесняться.

Я обнимаю ее одной рукой за талию, притягивая к себе на колени. Ее светлые волосы падают мне на лицо, пахнущие чем-то вроде карамели, и мой член мгновенно реагирует на ощущение ее теплой кожи, прижимающейся к моей обнаженной груди, твердея почти до боли и впиваясь в ее ягодицу, когда она извивается у меня на коленях.

— Ооо, — она слабо стонет, и я чувствую, как мои яйца сжимаются, когда она наклоняет голову к изгибу моей шеи, извиваясь напротив моего стояка без малейшей деликатности.

Что ж, по крайней мере, я все еще могу встать, сухо думаю я. Но это чисто физическая реакция. Раньше я бы все еще не сидел в этом шезлонге. Я бы уже направился в дом, ища ближайшую кровать, чтобы завалить ее сверху для послеобеденного секса по-быстрому, прежде чем вернуться к бассейну, чтобы посмотреть, кого я захочу трахнуть следующей, как только у моего члена появится шанс восстановиться. И это никогда не занимало так много времени, когда есть так много великолепных женщин, доступных для выбора. Или я был бы в бассейне, с ней незаметно у меня на коленях, пока я отодвигал ее бикини в сторону и входил в нее, позволяя ей извиваться на мне в течение долгого, приятного сеанса поддразнивания, пока я не затолкнул бы ее под воду, чтобы она проглотила мою сперму. С наступлением темноты ребята будут заниматься именно этим, у нас никогда не было полноценной оргии друг перед другом. Тем не менее, мы не прочь пораскинуть мозгами, пока остальные притворяются, что не знают, что происходит. Я не уверен, что Берто уже не начинает, учитывая темнокожую красотку, которая сидит на нем верхом в бассейне. Но даже несмотря на то, что эти краткие фантазии заставляют мой член утолщаться еще больше, пульсируя у теплой киски блондинки через тонкий материал ее бикини, когда она еще немного прижимается к моим коленям, они кажутся именно такими. Просто фантазии. Ничего такого, чему я на самом деле собираюсь следовать, хотя я делал это сто раз до этого.

Как бы я ни пытался заставить себя чувствовать иначе, женщина, которую я хочу, чтобы прямо сейчас извивалась напротив меня, практически умоляя о моем члене, это София. Проще говоря, после того, как я увидел, как она тяжело дышит и извивается на кровати, пока я погружал в нее свои пальцы, после того, как попробовал, какой сладкой она была, и почувствовал ее пульсацию на головке моего члена, пока я доводил ее до грани оргазма, мне не интересна женщина, которой заплатили за то, чтобы она притворялась, что хочет меня, или хочет меня из-за моего статуса.

София больше всего на свете хочет не желать меня. И все же неделю назад она была в моей постели, неистово доводя себя до оргазма пальцами у меня на глазах, терлась о свои связанные руки, даже покраснев от смущения. Она сделала бы все, чтобы не испытывать ко мне таких чувств. Ей не нужны мои деньги или моя власть. Она едва ли даже нуждается в моей защите.

Но она ничего не может с собой поделать.

И когда я сижу на доминиканском солнышке, наблюдая, как Берто вылезает из бассейна и направляется внутрь с женщиной, которую он, несомненно, собирается трахнуть, Франко в двух шезлонгах от меня в окружении трех моделей и одной возбужденной блондинки у меня на коленях, я почти уверен, что мне не лучше, чем Софии.

К лучшему это или к худшему, но мы, кажется, зависимы от того, чтобы сводить друг друга с ума.

И я понятия не имею, что с этим делать.

СОФИЯ

— Вечеринка для Катерины совсем не похожа на то, что мы бы устроили при обычных обстоятельствах. Особенно с Анной, я могу только представить, в какие места она бы нас потащила. Но Лука попросил меня составить список того, что я хотела бы иметь для этого, и я сделала именно это. Все еще немного застигнута врасплох тем, каким милым он был.

Той ночью за обеденным столом мы впервые в жизни разговаривали, и это не закончилось тем, что один из нас сбежал или яростно целовался. Это не закончилось тем, что я склонилась над диваном или была связана в постели, пока он показывал мне, кто именно контролирует ситуацию.

Это закончилось, как ни странно, тем, что он кое в чем уступил мне. То, чего я хотела с того утра, когда мы вернулись из больницы, и не думала, что смогу вернуться, возможность оставаться в своей собственной комнате, но это не сделало меня такой счастливой, как я ожидала. Прошлой ночью я чувствовала себя почти одинокой, без мягкого храпа Луки в темноте, без запаха его одеколona на одеялах, без тепла его тела, согревающего простыни даже с другой стороны от меня. Тот факт, что он сдался, не казался победой. Это было похоже на... Как будто он на самом деле вообще не хотел, чтобы я была там. Как будто он заставлял меня делать то, чего, как он знал, я не хотела.

И теперь, когда он вернулся к этому, такое чувство, что он меня не хочет.

Это глупо. Я знаю, что это глупо. Я получила то, что хотела, и все же я все так же сбита с толку и несчастна, как всегда. Поэтому вместо того, чтобы сосредоточиться на этом, я думаю о том, что у меня будет еще два полных дня без Луки, дни, которые, надеюсь, прояснят мою голову, а еще лучше, дни, которые я смогу провести со своими подругами. С Катериной и Анной в пентхаусе не будет одиноко. И, надеюсь, мы сможем хоть немного подбодрить Катерину.

Она появляется примерно через час после ухода Луки с полосатой сумкой в руке и первой улыбкой, которую я увидела на ее лице с момента взрыва.

— Это действительно мило с твоей стороны, — говорит она, ставя сумку на пол, наклоняясь вперед, чтобы обнять меня.

— Ты издеваешься надо мной? Это огромное место, мне кажется, что я теряюсь в нем каждый день, когда я здесь одна. Будет здорово, если вы с Анной проведете здесь выходные.

— Когда она приедет?

— Вероятно, через несколько часов. — Я оглядываюсь, когда Джио, один из двух

телохранителей, которых оставил Лука, пересекает комнату в направлении кухни. — Я не знаю, как я собираюсь привыкнуть к тому, что они здесь.

— Скоро они смешаются с толпой. Я помню, как в детстве, после того, что случилось с твоим отцом и отцом Луки, у меня время от времени появлялся телохранитель. Через некоторое время я даже перестала замечать.

— Я надеюсь на это. — Я заставляю себя улыбнуться, пытаюсь избавиться от любого намека на плохое настроение. — Лука спросил меня, что бы я хотела иметь здесь для нашей вечеринки. Итак, у нас много вина, кексов, и он оставил Кармен инструкции, чтобы ты заказала на ужин все, что захочешь. Мы собираемся хорошо провести время сегодня вечером, несмотря ни на что. Все это место в нашем распоряжении, и мы будем в безопасности. В этом здании так много охраны, что я не знаю, сможет ли паук проползти мимо так, чтобы они этого не заметили.

— Что ж, это хорошо, — со смехом говорит Катерина. — Я ненавижу пауков.

— Где-то около девяти наконец появляется Ана. После обсуждения того, что делать, мы оказываемся на крыше у бассейна под звездами, где Ана готовит замороженный дайкири в баре, а вокруг разбросаны коробки из-под пиццы.

— Боже мой. — Катерина практически стонет, откусывая кусочек колбасы с сыром. — Я не могу вспомнить, когда в последний раз ела пиццу. Я была очень строга в отношении своей диеты перед свадьбой, и я просто... мм. — Она откусывает еще кусочек, отправляя половину в рот, и я прикрываю рот рукой, чтобы не расхохотаться вслух.

— Что? — Она улыбается мне, вытирая салфеткой соус со щеки. — Ты никогда раньше не видела, чтобы кто-то ел пиццу?

— Я никогда раньше не видела, чтобы ты ела пиццу. Ты всегда такая элегантная. Я никогда не думала, что доживу до того дня, когда ты отправишь в рот половину ломтика за один укус.

— Ну, кроме вас двоих, здесь больше никого нет, так что я могу делать то, что хочу. — Катерина смеется, откидываясь на спинку шезлонга и проглатывая последний кусочек пиццы. — На самом деле это действительно расслабляет.

Одно это предложение дает мне представление о том, какой строгой, должно быть, была ее жизнь все эти годы.

— А как насчет колледжа? — Спрашиваю я с любопытством. — Разве тебе не удалось тогда расслабиться и немного повеселиться?

Катерина фыркает.

— Вряд ли. Мне пришлось продолжать жить с родителями, и у меня был строгий комендантский час. Мне повезло, что они вообще меня отпустили. В наши дни среди молодых мафиози нет стигматизации из-за жены с образованием. Мне не разрешалось заводить много друзей, или ходить на вечеринки, или делать что-либо по-настоящему, кроме как ходить на занятия и возвращаться домой. Они слишком беспокоились, что я могу оступиться.

— И как именно? — Ана подходит к нам с тремя клубничными дайкири и раздает их, присаживаясь на краешек своего стула и делая глоток.

— Пересплю с кем-нибудь, — категорично говорит Катерина. — Моя девственность, это настоящий товар. Мои родители заботились о том, чтобы защищать ее так же яростно, как и любую другую часть семейного бизнеса.

Ана корчит рожицу.

— Подожди, так ты тоже девственница? Боже, я чувствую себя шлюхой, тусуясь с вами двумя.

— Я такая. — Катерина смеется. — София больше нет.

— Едва ли, — бормочу я. — Но меня не заставляли оставаться такой. Я просто никогда не ходила на свидания.

— По крайней мере, у вас обеих есть суперсексуальные мужья, которые были вашими первыми, — говорит Ана, наклоняясь вперед. — Ты нервничаешь?

— Немного, — признается Катерина. — Франко такой же, как все другие молодые мужчины и, честно говоря, некоторые из старших тоже. Он постоянно спит со всеми подряд, насколько я слышала. Я не хочу, чтобы он не был счастлив в нашу брачную ночь.

— Так подожди...ты ничего не делала? Совсем? — Ана хмурится. — Ты целовалась с ним, верно?

— Конечно! — Катерина краснеет. — Я...мы...ну, мы немного... Я... — она прикусывает нижнюю губу, внезапно становясь такой ярко-красной, какой я ее никогда не видела. — Я набросилась на него в лимузине после того, как он сделал мне предложение.

— Я бы тоже! Посмотри на это гребаное кольцо! — Ана хохочет. — Давай, София, вмешайся. Дай бедной девушке совет, как одна невинная невеста другой.

— Я не думаю, что могу дать много советов, — признаю я. — Я в основном неопытна.

— Ты и Лука... вы ведь спали вместе, верно? — Катерина хмурится. — Мы видели кровать на следующее утро.

Ана издает рвотный звук.

— Они серьезно проверили ваши гребаные простыни? Это что, четырнадцатый век?

Катерина пожимает плечами.

— Нам всем это противно. Моя мать пыталась отговорить моего отца делать это ради Софии. Но он настоял. Он очень традиционен. — Тень грусти пробегает по ее лицу, вероятно, при упоминании ее матери, но это мимолетно. Я могу сказать, что она пытается оставаться в хорошем настроении.

— Лука не будет поддерживать эту традицию, я уверена. — Я делаю глоток своего напитка, стараясь не думать о той ночи, когда я пила здесь, на крыше, и к чему это привело.

— Не удивляйтесь, если он это сделает. Он унаследовал должность и все, что с ней связано. Я не знаю, быстро ли он внесет изменения, особенно пока мой отец еще жив. — Катерина делает паузу. — Но вы ведь спали вместе, верно? Я имею в виду, я могу понять, если вы притворились, но...

— Нет, мы это сделали, — быстро отвечаю я. — Я просто...

— Это было нехорошо? — Ана поднимает бровь. — Такие горячие парни, как Лука, как правило, дерьмо в постели. Они настолько великолепны, что им даже не нужно пытаться. Девушки имитируют оргазм только в надежде, что с ними можно будет встретиться какое-то время, поэтому они думают, что они боги. — Она закатывает глаза.

— Нет, я имею в виду...

— Ты кончила? — Ана наклоняется вперед, ее глаза озорно блестят. — Давай, София, у нас девичник. Расскажи немного.

Я думаю о ночи неделю назад, о том, как твердый член Луки терся о мой клитор, его язык на мне, как я умоляла его позволить мне кончить, пока он, наконец, не смягчился. То, как я бесстыдно распаялась перед ним, даже не заботясь больше о том, что он смотрит. И то, как он отверг меня после этого.

Я чувствую, что заливаюсь ярко-красным, и я рада, что сейчас ночь, так что, по крайней мере, это не так заметно, даже при свете фонарей на крыше.

— Нет, — говорю я тихо. — Я этого не сделала. Думаю, это было неплохо. Я просто сказал ему покончить с этим.

— Ты что? — Катерина садится. — Он не принуждал тебя, не так ли?

— Я имею в виду... — Я вздохнула. — Вы, девочки, знаете, что все это было устроено для меня с самого начала. Я ничего этого не хотела. И я не хотела с ним спать.

— Ты не считаешь его привлекательным? — Катерина хмурится.

— Нет, — если бы. Все было бы намного проще, если бы Лука был уродливым или если бы он меня просто-напросто совсем не привлекал. Но как кто-то мог этого не делать? Он похож на персонажа из чьей-либо фантазии: мускулистый, темноволосый и темноглазый, высокий, и красивый во всех смыслах этого слова. Он великолепен, и я не могу представить, как какая-либо женщина могла бы не хотеть его. — Я просто, я ничего из этого не выбирала. Я не хотела выходить за него замуж. У нас даже никогда не было свидания.

— Я тоже не выбирала Франко. — Катерина пожимает плечами. — Но несмотря на то, что я нервничаю, я тоже взволнована нашей брачной ночью. Он красивый. Надеюсь, он хороший любовник. Я не вижу причин расстраиваться из-за этого. Могло быть намного хуже.

— Убедись, что он тебя удовлетворит, — со смехом говорит Ана. — Тем более, что ты уже сделала это с ним. Лучше бы он делал все возможное.

Катерина краснеет от этого, но я все еще борюсь с тем, что она только что сказала. Неужели я действительно так неправа, что сопротивляюсь Луке, когда я не просила об этом браке? Я неблагодарная?

— Я просто не понимаю, почему я должна добровольно спать с ним, — настаиваю я. — Я сделала это в нашу первую брачную ночь, потому что должна была. Но только потому, что так обстоит дело с женщинами, которые родились в мафии и вышли замуж за нее, не означает, что это то, чего я хочу для себя.

— Если ты не хочешь, то не должна, — твердо говорит Ана. — Ты никогда не должна чувствовать себя вынужденной.

— Я... ну, я имею в виду, я... — Я запинаясь на своих словах, не зная, как объяснить.

Катерина бросает на меня быстрый взгляд.

— Ты ведь хочешь, не так ли? Ты просто чувствуешь, что не должна.

Она попала в самую точку, настолько прямо в точку, что я даже не знаю, что сказать. Конечно, это так, и я уже давно это знаю. Если я буду честна сама с собой, я вожделела Луку с той ночи, когда он прижал меня к своей входной двери. Но я чувствую, что он тот, кого я не должна хотеть. Не должна выходить замуж. Я боюсь того, что произойдет, если я позволю себе поддаться его чарам.

— Он не из тех мужчин, с которыми я бы когда-либо встречалась, не говоря уже о замужестве. Я была бы слишком запугана, чтобы даже разговаривать с ним. И...он холодный. Даже жестокий.

— К тебе? — Ана хмурится. — Он причинил тебе боль?

— Нет! Я имею в виду, он иногда ведет себя как придурок, но... — Я пытаюсь придумать, как это объяснить. — Он ощущается отстраненным. Недостижимым. Как будто у него есть совершенно другая сторона, которую я, возможно, не могу понять.

— София, эти мужчины другие. Такие мужчины, как Лука и Франко, привыкли

рассматривать жен и детей просто как еще один актив или пассив на балансе. Что-то, что следует учитывать с точки зрения его ценности. Мой отец всегда был таким. Он научил Луку быть таким же, и я уверена, что отец Луки сделал бы то же самое.

— Я не помню, чтобы мой отец когда-либо так обращался с моей матерью, — тихо говорю я. — Он любил ее. Я знаю, что любил.

Катерина на мгновение замолкает.

— Я мало что помню о твоём отце, София. Но мне кажется, я помню, как он иногда приходил к нам на ужин, когда я была моложе. Он рассказывал о дочери, и я всегда спрашивала, могу ли я встретиться с ней, и мой отец всегда говорил мне вести себя тихо. Но твой отец всегда был добрым. С мягким голосом. Я понимаю, что присутствие его в твоей жизни заставило тебя ожидать большего от мужчин.

Я чувствую, как слезы жгут мои веки, и я делаю все возможное, чтобы сдержать их. Последнее, что я хочу сделать, это сломаться в ночь, которая должна быть счастливой. Это должен быть вечер Катерины, и я впервые вижу Ану за несколько недель. Если Катерина может быть жизнерадостной после потери матери неделю назад, то я могу удержаться от слез при упоминании моего отца, который мертв уже почти десять лет.

— Лука заставляет меня чувствовать себя сбитой с толку, — признаю я. — Я действительно хочу его. Я никогда раньше не чувствовала такого влечения к мужчине, никогда. Но я не могу отделаться от мысли, что это просто физическое влечение, потому что он такой красивый. Что я, возможно, не смогу полюбить кого-то вроде него.

— Что ты имеешь в виду? — С любопытством спрашивает Ана. — Что в нем такого?

— Он дон. — Я пристально смотрю на нее. — А до этого он был младшим боссом России. Он убивал людей. Вероятно, пытал их, делал с ними всевозможные ужасные вещи, и за что? Чтобы он мог продавать наркотики, или оружие, или от каких других предприятий получить все эти деньги? Как я должна любить такого мужчину? Того, кто мог причинить боль другому только за, за...

— Дело не в деньгах, — тихо говорит Катерина. — Речь идет о верности, о доверии, о том, что нельзя отступать от своего слова. Все эти люди совершают ужасные поступки, но у всех у них есть кодекс. И если Лука причиняет кому-то боль, то это для того, чтобы они не причинили вреда другим, тому кто ему небезразличен. Дело не в том, какой товар они перевозят. Речь идет о том, чтобы убедиться, что предательство неприемлемо. Что все люди вокруг него лояльны. И что другие мафиози придерживаются соглашений, заключенные лидерами.

Я хмуро смотрю на нее.

— Откуда ты все это знаешь?

— Я слушаю. — Она пожимает плечами. — Мой отец не всегда молчит, когда у него дома собрания. И я слышала, как он раньше говорил о Луке. Лука сдержан, когда дело доходит до таких вещей. Он никогда не бывает более жестоким, чем нужно. Ему это не нравится.

— А что насчет Франко?

Катерина надолго замолкает.

— Я не знаю о нем... как он ко всему этому относится. Мы никогда об этом не говорили.

Я внезапно вспоминаю, что Лука сказал тем вечером за ужином. Что он всегда защищал Франко, делал худшее из того, что нужно было делать, чтобы Франко не пришлось. Чтобы

Франко не пришлось иметь дело с демонами, которые придут с этим. Тогда я не обратила особого внимания на то, что он говорил. Но сейчас мне пришло в голову, что это показывает ту сторону Луки, которую я раньше не видела. Такой человек, как он, находится за пределами наших взаимодействий, человек, который готов совершать ужасные вещи, пачкать руки кровью, которую он не может смыть, чтобы пощадить своего друга, и оградить друга детства от сплетен, а затем продолжал защищать его, человек, который сейчас борется, зная, что больше не может защищать своего друга, и что, возможно, он защищал его слишком долго.

— Лука упомянул мне, что он не дает Франко слишком часто пачкать руки. — Я бросаю взгляд на Катерину. — Я думаю, он пытался защитить его от некоторых из этих реалий.

— Они были связаны узами дружбы с детства. — Катерина проводит руками по бедрам, глубоко вздыхая. — Всегда ходили слухи, что отец Франко был ирландцем. Его мать забеременела вскоре после того, как глава ирландской мафии в Бостоне приехал с визитом, и с рыжими волосами Франко... ну, вы можете понять, как начались сплетни. Было доказано, что он не был незаконнорожденным. Что было хорошо для него и его матери.

— Подожди, а что бы произошло?

— Наверное, такое случается в любой из этих криминальных семей, — бормочет Ана. — И это никогда не идет на пользу женщине.

— Я думаю, можно с уверенностью предположить, что его мать была бы убита. Франко, возможно, и он тоже. И это развязало бы войну с ирландцами. Отец Франко не входил во внутренний круг. Тем не менее, его уважали настолько, что ирландский лидер, спящий с его женой, был бы воспринят как ужасное оскорбление. Это не закончилось бы хорошо.

Я в ужасе смотрю на нее. Но даже когда я открываю рот, чтобы возразить, что, конечно, мать Франко не была бы убита, даже если бы она изменила, во-первых, что, если бы она этого не сделала? Что, если бы ее заставили? Но потом я понимаю, что, конечно, это был бы результат. Росси хотел убить меня просто потому, что это было проще, чем пытаться сохранить мне жизнь. Если бы не Лука, я была бы мертва.

Ты видишь здесь закономерность? Тихий голос в моей голове шепчет. Он защитил Франко. Он защитил тебя. Может быть, он не так ужасен, как ты думаешь.

— Я говорила тебе, что мы с мамой приехали сюда после того, как братва убила моего отца, — тихо говорит Ана. — София, я знаю, что ты борешься с обстоятельствами, которые вынудили тебя вступить в этот брак. И я знаю, что Лука не из тех мужчин, на которых ты бы когда-нибудь попала в реальном мире. Но я не думаю, что он плохой человек. Я думаю... — она колеблется, покусывая нижнюю губу. — Я думаю, у него могут даже быть чувства к тебе.

— Я согласна, — вмешивается Катерина. — Я думаю, он влюбляется в тебя, хотя и не собирается в этом признаваться. По крайней мере, не сейчас.

— Я не думаю, что Лука относится к тому типу мужчин, у которых к кому-то есть чувства, — говорю я категорично. — Ты сама сказала, Катерина, что браки в мафии заключаются не по любви. Так с чего бы ему в меня влюбляться?

— Может быть, все по-другому. — Катерина пожимает плечами. — Разве не было бы здорово, если бы это было так?

— Я просто хочу то, что он мне обещал, — упрямо настаиваю я. — Я хочу, чтобы он дал мне квартиру подальше от него, где нам не нужно видеть друг друга. И тогда я смогу попытаться забыть обо всем этом.

Но даже когда я говорю это, я не уверена, что имею в виду именно это. Только прошлой

ночью я скучала по тому, что Лука был рядом со мной в постели. Я чувствовала себя одинокой, хотя вернуться в свою собственную комнату было именно тем, чего я хотела.

— Мы постоянно ссоримся, почти каждый раз, когда пытаемся поговорить. Если и есть чувства, то это просто похоть. Я знаю, что это все.

— А как насчет утра после нападения на отель? — Внезапно спрашивает Ана. — Ты не знала, все ли с ним в порядке, верно? Итак, что ты чувствовала по этому поводу?

Я почувствовала облегчение от того, что он не был мертв. И смущена тем, почему он пытался спасти меня. Но я не хочу говорить это вслух. Я не хочу признавать, что какая-то часть меня, возможно, хочет такого мужа, которого мне навязали, что я, возможно, действительно хочу попытаться наладить отношения. Что наш разговор позавчера вечером дал мне небольшое представление о том, как это могло бы выглядеть, если бы у нас был настоящий брак, и это не было ужасно. Я продолжаю получать эти небольшие проблески того, какой могла бы быть моя жизнь, как росла бы моя дружба с Катериной, как мы с Лукой могли бы извлечь максимум пользы из этой ситуации. Но этому никогда не суждено было стать настоящим браком. Нас всегда будут останавливать какие-то вещи, тот факт, что у нас никогда не может быть детей, первая ночь, которую мы провели вместе, женщины, которые, я уверена, всегда будут преследовать Луку, и знание того, что он за мужчина, когда его нет со мной дома, то, что он делает для своей работы. Вещи, от которых я выиграю, потому что я живу в этом доме и трачу его деньги. Я не могу поверить, что он когда-нибудь будет верен или что он когда-нибудь станет кем-то иным, чем он есть сейчас... холодным и жестоким человеком, в котором в неожиданные моменты вспыхивает теплота.

— Мне было все равно, — говорю я категорично, прилагая все возможные усилия, чтобы это звучало так, как будто это правда. — Единственное, о чем я беспокоилась, это о том, что случится со мной, если он умрет.

Я точно знаю, когда слова слетают с моих губ, что это неправда. И, глядя на лица Катерины и Аны, я не думаю, что они мне тоже верят.

СОФИЯ

К тому времени, как мы все заваливаемся в одну из гостевых комнат, на гигантскую кровать размера "king-size", которая более чем подходит нам троим, мы накачаны дайкири и вином, объелись кексов и совершенно измотаны. Через некоторое время разговор отклонился от моих напряженных отношений с Лукой и вернулся к свадьбе Катерины и чаще всего, к ее предстоящей брачной ночи. У Аны было много советов, которыми она могла поделиться, и к тому времени, как мы прикончили две бутылки вина, мы все больше и больше смеялись с каждой нелепой историей, которой она делилась о своих подвигах с мужчинами, с которыми встречалась.

Было приятно видеть, как Катерина смеется. Эта ночь завершилась именно тем, на что я надеялся, отвлечь ее от горя и дать ей шанс расслабиться и насладиться чем-то в свадьбе, которая была так драматично перенесена. Это также позволило нам отвлечь ее от мыслей о том, что Франко, вероятно, делал на своем собственном мальчишнике. Лука не сказал мне, куда именно они направлялись, только то, что это было за пределами страны и что они

летели на частном самолете.

Она упомянула об этом всего один раз, прежде чем мы быстро сменили тему, но я видела выражение ее глаз. Она могла бы сказать, что не любила его, что она приняла его таким, какой он есть, как и все другие эти мужчины, но я могла бы сказать, что мысль о том, что Франко развлекается с кучей других женщин, вероятно, трахает их и делает бог знает что в какой-то другой стране, беспокоила ее.

Лука, вероятно, делает то же самое. Большую часть ночи мне удавалось не думать об этом, но теперь, когда я лежу в ступоре, вызванном вином и глазурью, на дальней левой стороне кровати, внезапно образы Луки в каком-то далеком месте с повисшими на нем великолепными женщинами заполняют мою голову. Я пытаюсь оттолкнуть их, но все, о чем я могу думать, как только в моей голове появляется первый образ, это Лука, лапающий какую-то супермодель, Лука, склоняющий ее над кроватью, Лука, обнаженный и запутавшийся в простынях с тремя или четырьмя женщинами одновременно. Я вспоминаю, как он дразнил меня этим точным изображением несколько недель назад, сейчас кажется, что это было миллион лет назад, и от этой мысли у меня в животе возникает неприятное чувство.

Я не могу ожидать, что он будет соблюдать целибат, если я его не хочу. Если я продолжу отказываться спать с ним. Но... мысль о том, что он дразнит какую-то другую женщину так, как он это делал со мной, о том, что он целует кого-то другого с такой же страстью, заставляет меня хотеть разрыдаться. Это даже больше не просто ревность, это глубокое, щемящее чувство печали, почти, как если бы...

Как будто я начинаю в него влюбляться.

Я зажмуриваю глаза, пытаюсь не думать об этом. Если я буду думать о чем-нибудь другом, мне удастся заснуть. Я пытаюсь сосредоточиться на звуках города снаружи, слабо доносящихся через окно, или на звуках шагов Джио и Рауля по коридору, когда они совершают свой обход по пентхаусу. Верные словам Катерины, они проделали замечательную работу, сливаясь с толпой всю ночь. Я даже не заметила, как они появились через некоторое время, но я действительно чувствую себя в безопасности.

Лука зашел так далеко, чтобы обезопасить меня. Действительно ли это только потому, что он пытается сдержать обещание, которое было дано для него? Просто из-за собственного эго и потребности защитить то, что принадлежит ему? Или в этом есть что-то более глубокое, то, как, кажется, думают Ана и Катерина, что могло бы быть? Часть меня хочет в это верить. Но что, если я ошибаюсь? Что, если я позволю себе начать падать, и он разобьет мне сердце?

Он все еще в моих мыслях, когда я засыпаю. И я не могу избавиться от него, даже во сне.

Я снова в его постели, обнаженная под черными простынями, и я чувствую тепло его тела позади своего, когда он скользит ко мне, его пальцы скользят по моему горлу, когда он убирает волосы с моего лица. Его губы пробегают по моей челюсти, спускаются по задней части шеи, и их прикосновение к моему затылку заставляет меня дрожать. Он скользит рукой по моему бедру, вниз, между ног, так что его пальцы касаются складки моей киски, и я вздрагиваю, выгибаясь навстречу его руке.

— Ты была хорошей девочкой? — Шепчет он. — Ты трогала мою киску без моего разрешения?

— Нет, — хнычу я, выгибая спину так, что моя задница прижимается к нему, и я чувствую, что он тоже голый, его толстый член твердый и пульсирующий напротив меня,

когда головка касается моей поясницы.

— Тогда тебе, должно быть, нужно кончить без промедления, — шепчет он мне на ухо. Его пальцы скользят между моих складочек, когда он бормочет эти слова. Я дрожу от стона, который он издает, когда чувствует, какая я горячая и влажная, уже взмокшая от ощущения его мускулистого тела напротив моего. — Тебе это нужно, София? Тебе нужно, чтобы я заставил тебя кончить?

— Пожалуйста, — шепчу я это тихим голосом, извиваясь рядом с ним, и я чувствую, как он протягивает руку между нами, направляя свой член так, что набухшая головка прижимается к моему входу. Я такая тугая, что даже такой мокрой, как я, ему приходится прилагать усилия, чтобы протолкнуть это внутрь, но мне так приятно, когда он это делает. Моя кожа наэлектризована ощущениями, когда он входит в меня дюйм за дюймом, его пальцы играют с моим клитором, когда он проникает глубже.

— Черт, ты так хороша, — стонет он, его бедра прижимаются ко мне, когда последние дюймы его члена скользят в меня. Я уже чувствую нарастающий оргазм, когда он начинает двигаться, тереться о мою задницу и подбирать ритм пальцами, потирая мой клитор. — Я тоже собираюсь кончить, если твоя киска продолжит так сжимать меня.

Я сжимаюсь вокруг него только при этих словах, моя голова откидывается назад на его плечо, мое тело движется вместе с его телом, когда я теряю себя в удовольствии от этого. Я не могу вспомнить, почему я когда-либо говорила, что не хочу этого, почему я когда-либо пыталась бороться с ним. С ним так хорошо, как будто он создан для меня, его член наполняет меня, когда он доводит меня до грани оргазма, и я не знаю, как я когда-либо притворилась, что это не то, что я...

Шум в ногах кровати заставляет мои глаза распахнуться, и, к моему ужасу, я вижу великолепную блондинку в вечернем платье, стоящую там. На ней сверкающие бриллиантовые серьги, которые переливаются на свету, когда она наблюдает за нами, и она улыбается мне, как будто знает секрет, который не раскрывает.

— Разве это не приятно? — Воркует она. — Его член по-прежнему самый лучший, который у меня когда-либо был. Я все еще иногда мечтаю о нем.

— Мне нравилось сосать, — говорит брюнетка, которая появляется рядом с ней из ниоткуда. — Ты уже сосала его член? Тебе придется, если ты не хочешь, чтобы он тебе изменял.

— Он любит девушек, которые глотают.

— Он трахнул нас обоих сразу.

— Ты позволишь ему сделать это в задницу? Если ты этого не сделаешь, он найдет кого-нибудь, кто это сделает.

— Он ел мою киску всю ночь напролет.

Женщины описывают грязные вещи, которые они делали с Лукой, которые он делал с ними. Они такие громкие, что мне хочется зажать уши руками, мой оргазм давно прошел, но Лука продолжает толкаться, как будто не видит и не слышит их, постанывая мне в ухо с каждым толчком.

— Он так близко. Я вижу, как он напрягается.

— Он никогда не кончал в меня. Я думаю, он знал, что я бы попыталась забеременеть.

— Он всегда кончал мне на лицо.

— Мне нравился его вкус.

Их так много. Они повсюду.

— Я так близко, — стонет Лука, и песнопение начинается снова, пока мне не хочется кричать. Кажется, я кричу, но Луке все равно. Он переворачивает меня на живот, сильно толкаясь в меня сзади, и я кричу в подушку снова и снова, потому что я все еще слышу их, я все еще могу...

Раздается громкий треск, такой громкий, что я резко сажусь в постели, сон вокруг меня разбивается вдребезги. В конце концов, крик исходил не от меня. Это была либо Катерина, либо Ана, обе уже сидят. Руки Аны вцепились в одеяло, а рука Катерины прикрывает рот. Она выглядит призрачно бледной.

— Что...

— ТСС! — Катерина закрывает мне рот рукой. И вот тогда я вижу это или, скорее, его.

В дверях стоит фигура в черном, с мужским телосложением, смотрит прямо на кровать. И в руке у него пистолет, направленный на нас.

Указал на меня.

— На этот раз ты не уйдешь, сука, — рычит он. — Я сделаю свою работу как надо.

Он входит в комнату, пистолет совершенно неподвижен, и я чувствую, как холодею от страха. Я слышу, как кровь стучит у меня в ушах, мое сердцебиение оглушительно громкое, и я ужасно, интуитивно осознаю тот факт, что, если этот пистолет выстрелит, эти удары могут стать моими последними. Что я могу умереть здесь, в этой постели, и мои друзья могут умереть тоже.

— Нет! — Ана визжит, и мужчина свирепо смотрит на нее. — Заткнись, маленькая русская шлюха. Следующей я разберусь с тобой. И ты, — он ухмыляется Катерине сквозь дыру в своей маске, пистолет по-прежнему направлен на меня. — У Виктора есть планы на тебя.

Катерина тихо ахает, и я чувствую, что меня шатает, в глазах темнеет, как будто я снова собираюсь потерять сознание. Я была в ужасе в гостиничном номере после того, как русские похитили меня, но это совершенно новый страх. Я вижу дуло пистолета, когда мужчина приближается к кровати. Я чувствую тошноту, мой желудок бешено переворачивается, когда я отчаянно пытаюсь придумать, что мне следует делать, оставаться ли мне на месте, бежать ли мне, кричать ли. Лука спас меня в гостиничном номере, но на этот раз он не сможет спасти меня. Он слишком далеко.

Я слышу шаги на лестнице, и как только мужчина разворачивается, один из телохранителей... я думаю, это Джо...врывается в комнату. Мужчина стреляет в него, выстрел болезненно громкий в маленькой комнате, и я зажимаю уши руками, когда мы все трое кричим от ужаса. Джо отшатывается назад, и я снова вскрикиваю, понимая, что его ударили.

— О боже мой! — Катерина кричит, и мужчина в черном снова поворачивается к нам лицом, теперь пистолет не так устойчив.

— Заткнись нахуй! — Кричит он, и я вижу, как пистолет поворачивается в мою сторону, а его палец сжимается на спусковом крючке.

Это оно. Вот так я умру. Лука вернется домой и найдет мое тело. Я никогда не узнаю, если...

Звук выстрела разносится в воздухе, когда я крепко зажмуриваю глаза и дергаюсь назад, как будто меня ударили, мое тело реагирует на шум. Но боли нет, и следующее, что я слышу, это звук чего-то падающего на пол, от силы которого сотрясается кровать. Рядом со мной Катерина почти задыхается.

Я медленно открываю глаза и вижу, что Ана широко раскрытыми глазами смотрит в изножье кровати. Рауль стоит в дверном проеме рядом с распростертым телом Джио с пистолетом в руке, а человек, который пробрался в спальню, истекает кровью на ковре. Я вскакиваю с кровати, мои застывшие мышцы внезапно снова работают, когда я бросаюсь к двум телохранителям.

— Он мертв? — спрашиваю я отчаянно, опускаясь на колени рядом с Джио. Его голова свешивается набок, и я вижу, что его рубашка почти насквозь пропитана кровью.

Рауль опускается на колени рядом со мной.

— Нет, — хрипло говорит он. — По крайней мере, пока. Но нам нужно отвезти его в больницу. Я позвоню водителю. Мы отвезем его в гараж и доставим туда так быстро, как сможем. — Он бросает взгляд на тело. — Мне нужно разобраться с этим.

— Я пойду с ним, — быстро говорю я. — Кто-то должен, и...

— София, ты не можешь! — Катерина восклицает. — Лука будет в ярости, если узнает, что ты ушла. Я могу пойти, если кому-то нужно...

— Этот человек собирался застрелить меня. — Я стискиваю зубы. — Джио получил пулю за меня, за всех нас троих. Меньшее, что я могу сделать, это пойти с ним.

— София... — начинает говорить Катерина, но Ана уже встает с кровати.

— Тогда мы пойдем с тобой, — решительно говорит она. — Мы все должны убедиться, что он доберется туда в целостности и сохранности. И ты не должна быть одна. — Она тянется за парой джинсов, которые бросила на стул у окна, и осторожно натягивает их, стараясь не задеть тело на ковре. Катерина все еще неподвижна в постели, и я немного поражена тем, как хорошо Ана справляется с этим. Я всегда знала, что она довольно жесткая, но это удивительно даже для нее.

Я также не могу поверить, что я не развалилась на части. Единственная причина, по которой я думаю, что не развалилась, это то, что я сосредоточена на Джио, который к этому моменту полностью без сознания и все еще истекает кровью. Я слышу, как Рауль разговаривает по телефону прямо за дверью, и мгновение спустя он входит с полотенцем в руке.

— Положите это ему на плечо и держите там, — строго говорит он. — Пара парней поднимутся через минуту, чтобы помочь донести его до машины. Я разберусь с телом. Вам, девочки, нужно выйти из комнаты. Здесь сейчас не место для вас.

— Мы все едем в больницу, — твердо говорит Ана. — Давай, Катерина. Одевайся.

Я вижу, как Катерина начинает вставать с кровати, двигаясь скованно.

— Она не в состоянии, — говорит Рауль. — Я попрошу пару парней присмотреть за ней. Но никто из вас никуда не денется. — Он поворачивается ко мне лицом. — Лука оторвет мне голову, если узнает, что я выпустил тебя из этого пентхауса. Джио будет в порядке с парнями, которые пойдут с ним, а если нет, ты больше ничего не сможешь сделать.

Ана заметно ошетиливается, но ничего не говорит, когда проходит мимо Рауля и тела, присаживаясь на корточки рядом со мной.

— Все будет хорошо, — тихо говорит она, и я не знаю, к кому именно она обращается, ко мне, Джио или к самой себе. Но приятно слышать это вслух, даже если я не совсем в это верю.

— Я должна пойти, — начинаю говорить я, но выражение лица Рауля заставляет меня замолчать. Я знаю, что он прав, Лука, вероятно, убьет его, в буквальном смысле, если он

позволит мне уйти. Будет достаточно плохо, когда он вернется и узнает, что кто-то вообще смог проникнуть в дом.

В глубине души я в ужасе и пытаюсь сдержаться. Если кто-то смог добраться до меня, до нас, даже при такой усиленной охране и двух телохранителях, патрулирующих квартиру, то это означает две вещи.

Во-первых, кто-то помог мужчине попасть внутрь.

И, во-вторых, для меня больше нигде не безопасно.

Я подавляю страх, когда мужчины поднимаются наверх, чтобы помочь отнести Джо вниз. Мы с Анной наблюдаем, стараясь не смотреть на перевернутый диван, или разбитое стекло, или другое тело на полу в гостиной. Я даже не знаю, кто это... это может быть кто-то из службы безопасности, или это может быть сообщник злоумышленника. Это ужасно, что я не знаю. Я чувствую дрожь и тошноту, вероятно, на грани шока, и Ана обнимает меня за талию, поддерживая рукой.

— Все в порядке, — повторяет она. — Все в порядке.

Но не имеет значения, сколько раз она это повторяет. В глубине души я знаю, что все не в порядке.

И я не уверена, что это когда-нибудь не повторится.

ЛУКА

Здесь легко потерять счет времени.

Вечеринка неуклонно накаляется по мере того, как становится темнее. Появляется все больше девушек, а парни становятся все развязнее. Макс и Берто оба нюхают кокаин с моделей, Макс с сисек брюнетки, а Берто с задницы рыжей. Через мгновение, спотыкаясь, входит Франко с тремя девушками на буксире. Он направляется к дивану, на котором я сижу, пытаюсь игнорировать великолепную черноволосую девушку в кружевном белом белье, которая изо всех сил старается заставить меня трахнуть ее.

— Ты совсем один, Лука, — невнятно произносит он, явно пьяный. — Я знаю, о ком ты думаешь. И ты должен остановиться. — Он запинается на последних словах. — София, верно? Ну, трахни ее. Трахни свою жену. Тебе нужно трахнуться, чувак.

Он подталкивает всех трех девушек в мою сторону, и они падают ко мне, хихикая, когда падают на диван, одна из них прямо на меня. Все они едва одеты, повсюду сиськи и длинные волосы, и я стону, чувствуя, как болезненно пульсируют мои яйца. Я был напряжен большую часть дня, и это в сочетании с двумя обнаженными девушками в кресле напротив меня, запугавшиеся в шестьдесят девятой позе ради нашего удовольствия, не помогает.

Проблема в том, что я не хочу трахаться ни с кем из них. Я хочу сделать именно то, что Франко только что невнятно сказал мне, трахнуть свою жену. Но она на Манхэттене, а я здесь, в отеле с пятью парнями, которые не поймут, почему я не присоединяюсь к разврату, и, вероятно, утром будут обзывать меня всевозможными полущутливыми именами за это. Не то чтобы меня это волновало. Я не тринадцатилетний мальчик, чтобы обижаться из-за того, что кто-то дразнит меня за то, что я гей, потому что у меня не было секса. Но прямо сейчас я на пределе терпения, настолько возбужден, что готов взорваться, обеспокоен тем, что

происходит дома, зол, что хочу свою жену, женщину, навязанную мне, на которую мне должно быть наплевать, и, прежде всего, ужасно трезв.

Я выпил пару рюмок, но не хотел напиваться. Мысль о том, чтобы накуриться, не кажется мне более привлекательной. И, несмотря на тот прискорбный факт, что большую часть дня я был тверд как скала, у меня нет намерения трахать кого-либо из этих женщин. Чего я хочу, так это вернуться на Манхэттен.

Блондинка в зеленом бикини стоит на коленях между моих ног, ее рука массирует выступ моего члена через плавки, пока я пытаюсь найти в себе силы оттолкнуть ее. И затем, как раз в тот момент, когда я протягиваю руку, чтобы убрать ее руку со своего ноющего члена, в дверь входит один из охранников.

— Лука. — Его голос разносится по комнате, но на самом деле никто не обращает на него внимания, кроме меня. Этот человек, настоящий профессионал. Он едва ли даже смотрит на девушек, стонущих в глубоком кресле, хотя к ним присоединилась третья, которая дронит на себя, наблюдая за двумя другими.

— Да? — Я отталкиваю блондинку, встаю и пытаюсь незаметно привести себя в порядок. Я слышу стоны из конца коридора, вероятно, Франко, и звуки ударов плоти о плоть. Меня так и подмывает пойти к бассейну, но я вижу силуэт кого-то другого, я думаю, Адриана, которому делают минет.

Нет, спасибо.

— Ты захочешь услышать об этом. — Он кивает головой в сторону двери. — Давай поговорим.

* * *

Менее чем через час я сажусь в самолет, возвращающийся на Манхэттен. Все мое тело трясется от ярости. Я ушел, никому ничего не сказав, все парни слишком под кайфом или слишком заняты трахом, чтобы понять, что происходит, в любом случае. Я сказал своей службе безопасности объяснить как можно лучше, если кто-нибудь заметит мое отсутствие, рассказать им о том, что произошло утром, и сообщить, что я пришлю за ними самолет обратно.

Но все, о чем я могу думать, это вернуться домой.

Домой, к Софии.

Меня заверили, что она в безопасности, но я не уверен, что смогу поверить в это, пока не увижу ее. Я собираюсь убить того, кто это сделал, голыми руками, думаю я, стиснув зубы от гнева, когда смотрю в иллюминатор самолета, желая, чтобы я мог каким-то образом добраться туда быстрее. Все вызывает острое облегчение, включая тот факт, что я очень легко мог бы никогда больше ее не видеть. Это делает все мои аргументы в пользу того, почему я не должен сблизиться с ней, почему я не должен спать с ней, почему я должен пытаться оттолкнуть ее как можно дальше, кажущимися неубедительными с каждой минутой. Я даже не могу начать распутывать свои чувства прямо сейчас, но, безусловно, самое сильное это облегчение от того, что она все еще жива.

Пока.

Весь обратный полет я могу думать только об убийстве, простом и понятном. Я собираюсь убить любого, кто позволил этому человеку пройти мимо них. Я собираюсь убить Виктора. Я собираюсь убить их всех. Но как только я сажусь в машину, направляясь обратно в пентхаус, мои мысли переключаются на Софию. Я чувствую отчаянное желание увидеть ее, прикоснуться к ней и убедиться собственными руками, что она жива.

— Где она? — Мои первые слова, когда я переступаю порог квартиры. Рауль убирает гостиную, и он поднимает взгляд, когда я вхожу.

— Она в твоей комнате, — спокойно говорит он. — Две другие девочки спят в комнатах для гостей. Потребовалось некоторое время, чтобы всех успокоить, но Катерина и Ана, я думаю, спят. Не знаю, как насчет Софии, но она не спала, когда я проверял ее в последний раз.

— А Джио?

— Он в критическом состоянии, но он должен жить.

Я коротко киваю, и Рауль начинает объяснять дальше, но я машу ему рукой, уже направляясь к лестнице.

— Ты можешь отчитаться меня позже. Прямо сейчас я хочу увидеть свою жену.

— Конечно, сэр.

Я поднимаюсь по лестнице, перепрыгивая через две, а затем и через три ступеньки, направляясь напрямик в гостевую комнату, которую я отдал Софии как ее. И тут я останавливаюсь, осознав, что сказал Рауль.

Она в твоей комнате.

Несмотря на то, что я сказал Софии, что она может вернуться в свою комнату, вместо этого она в моей, после того, что, должно быть, было одной из самых ужасных ночей в ее жизни.

В моей постели.

Чувство, которое охватывает меня, похоже на безумие, безумие, которое я не могу остановить, когда моя последняя хрупкая нить контроля обрывается. Я шагаю к двери спальни, без раздумий распахиваю ее, вхожу в комнату и вижу Софию, свернувшуюся калачиком на горе подушек, с одеялом на ногах.

— Лука.

Мое имя, произносимое ее губами, звучит как молитва. Как будто она просит меня. Просит меня спасти ее, как я делал уже дюжину раз. Как я бы сделал еще сто раз.

В мгновение ока я оказываюсь рядом с ней, хватаю ее за руки, сажаю на колени и наклоняюсь, чтобы поцеловать. Мне нужны ее губы на моих, ее тело напротив моего, вокруг меня, обволакивающее меня. Я чувствую, что не могу дышать, как будто я умру, если не получу ее сейчас, без дальнейших споров.

Больше никаких раздумий.

Она стонет мне в рот, ее руки обвиваются вокруг моей шеи, и ее реакция пронзает меня, как шок. Я ожидал, что она оттолкнет меня, может быть, даже рассердится на меня за то, что я вообще оставил ее здесь, скажет мне идти нахуй. Что если я не могу обеспечить ее безопасность, как обещал, то у нее вообще нет причин быть здесь. Но вместо этого она тает во мне, ее рот приоткрывается, когда мой язык скользит по ее нижней губе, погружаясь в ее рот так, как я хочу погрузиться в ее тело. Я зарываюсь руками в шелк ее темных волос, чувствуя, как они пробегают сквозь мои пальцы и запутываются вокруг них, когда я стону ей в рот, так сильно, что мне кажется, будто мой член может сломаться. Все мое тело трепещет от потребности в ней, пульс в горле, когда я поднимаю ее и укладываю спиной на подушки, растягиваясь на ней, целуя ее снова и снова, пока не почувствую уверенность, что она действительно здесь.

Что она жива.

София стонет, выгибаясь дугой напротив меня, когда ее пальцы пробегают по моим

волосам, царапают кожу головы, спускаясь к подбородку. Она проводит кончиками пальцев по щетине там, лаская меня так, как никогда раньше, ее руки спускаются к пуговицам моей рубашки. Она тянет за них, дергая и натягивая, пока рубашка не распахивается свободно, ее ладони скользят по гладкой, мускулистой поверхности моей груди, когда она выдыхает напротив моего рта, ее тело мягкое и теплое в моих руках. А затем она очень тихо замирает подо мной, отрываясь от поцелуя, чтобы посмотреть на меня своими большими темными глазами.

— Ты вернулся, — шепчет она. — Я не знала...

Я смотрю на нее сверху вниз.

— Конечно, я вернулся. — Мой голос звучит незнакомо для меня, глубокий и хриплый, грубый от потребности, которую я никогда раньше не испытывал. — Я был в самолете в ту же секунду, как мне сказали.

— Я... ты был со своими друзьями, я подумала... — Она тяжело сглатывает, облизывая губы. — Я думала, ты будешь занят с какой-нибудь другой женщиной...

Блядь. Мое сердце бешено колотится в груди, и я запускаю руку в ее волосы, откидывая ее голову назад, чтобы ее глаза встретились с моими, и она не могла отвести взгляд.

— Я пытался. Там было много женщин, много шансов. Я собирался. Я хотел выкинуть тебя из головы, забыть, как ты... как ты заставляешь меня чувствовать. Но я не смог. Я, блядь, не смог этого сделать. — Слова срываются с моих губ прежде, чем я могу их остановить, и я бросаюсь вперед, прижимаясь к ней, крепко держа ее в своих объятиях. — Ты чувствуешь, каким чертовски твердым ты меня делаешь? Вот так я думал о тебе днями, неделями. Я едва ли могу думать о ком-то еще. Каждый раз, когда я прикасаюсь к себе, в моих мыслях ты. Каждый раз, когда я ложусь спать, я вижу тебя. Каждый раз, когда я прихожу домой, я вижу тебя в своей постели, и все, чего я хочу, это быть внутри тебя.

София смотрит на меня, потеряв дар речи, но я не могу остановиться. Все, что я держал в себе, выливается наружу, как пьяное признание, за исключением того, что я не опьянен ничем, кроме нее.

— Ты как наркотик. Одержимость. И с каждым разом становится только хуже. Все, о чем я могу думать, это ты, звуки, которые ты издаешь, когда я прикасаюсь к тебе, что ты чувствуешь...какая ты на вкус. Я, блядь, не могу выкинуть тебя из головы. София...

Она смотрит на меня, ее руки скользят по обе стороны от моего лица, и я чувствую, как ее тело выгибается навстречу моему, ее тянет ко мне, как мотылька на пламя. И прямо сейчас мне все равно, если мы оба обожжемся.

Ее руки скользят по моим плечам, стаскивают с меня рубашку, бросая ее на пол. Я смотрю на ее лицо, когда она проводит руками по моим рукам, касаясь, сжимая, скользя вниз по моей груди, и я вздрагиваю от удовольствия от ее прикосновения. Я не знаю, чувствую я себя так чертовски хорошо, потому что прошло несколько недель с тех пор, как я был с кем-то еще... вообще ни с кем, кроме нашей брачной ночи, или просто потому, что я хочу ее так сильно, что едва могу это вынести, но ничто и никогда не было так хорошо.

Я не думаю, что что-либо могло бы остановить меня прямо сейчас, даже если бы сотня братвы обрушилась на этот дом, или тысяча. Я полностью потерялся в ней, в ее прикосновениях, ее запахе, вкусе ее рта, когда я целую ее снова и снова, постанывая от удовольствия, когда чувствую, как ее ноги обвиваются вокруг моей талии, и я знаю, что она хочет меня так же сильно.

На ней только тонкая майка и мягкие пижамные штаны. Я скольжу рукой вверх под

ткань ее рубашки, по плоской гладкости ее живота, к полному изгибу ее груди, ее сосок напрягается под моими прикосновениями, когда я обхватываю ее грудь рукой, мой член пульсирует, когда я сжимаю ее там, отчаянно желая оказаться внутри нее. Но теперь, когда мы здесь, я не хочу спешить, даже когда мое тело тянется к ней с потребностью, которой я никогда раньше не испытывал. Я хочу насладиться ею, прикоснуться к каждому дюйму.

Я хватаю майку в охапку, сопротивляясь желанию сорвать ее, вместо этого стаскиваю ее через голову, чтобы увидеть всю ее прекрасную бледную кожу, ее груди, мягко покачивающиеся, когда она поднимает руки, чтобы я снял ее. Если раньше я думал, что она прекрасна, то это ничто по сравнению с тем, как она готова и податлива под моими руками, ее лицо мягкое и открытое, когда она тянется, чтобы снова притянуть меня к себе для поцелуя. Даже когда мои губы касаются ее губ, я уже вожусь с поясом ее пижамы, стягивая ее на бедра, в то время как моя рука скользит между ее ног. Хныканье, которое она издает, когда я провожу пальцами по влажности там, звук, переходящий в стон, почти заставляет меня кончить.

Я никогда в жизни не был так возбужден, как сейчас, видя ее обнаженной на кровати подо мной, выгибающейся вверх от моего прикосновения, ее мягкие розовые губы приоткрыты и задыхаются, когда она наклоняется, чтобы я снова ее поцеловал.

— Я хочу тебя, — грубо шепчу я, запуская руку в ее волосы и притягивая ее рот к своему. — Скажи да, София. Пожалуйста. Скажи да.

СОФИЯ

Скажи да.

Я не знаю, что произошло.

Я была убеждена, что Лука не вернется. Что никто не побеспокоит его новостями о незваном госте, что я буду здесь с Катериной и Анастасией до вечера воскресенья или понедельника, а Лука заглянет только для того, чтобы узнать, что весь ад разверзся, пока его не было.

Но это совсем не то, что произошло.

Вместо этого он примчался домой. И выражение его лица, когда он ворвался в дверь спальни, не было похоже ни на что, что я когда-либо видела раньше. Это не был взгляд человека, который был взбешен тем, что кто-то вломился в его дом или угрожал его имуществу.

Это было безумие. Ужас. Он был потерян.

И это не изменилось до тех пор, пока он не лег со мной в постель, его рот не впился в мой, как умирающий с голоду мужчина, его руки вцепились в меня, как будто он не совсем уверен, что я настоящая.

Я не могу не откликнуться на это. Мое сердце бешено колотится в груди, внезапная, отчаянная потребность прикоснуться и быть тронутой, знать, что я жива, чувствовать, как меня захлестывают волны, которые, кажется, могут утопить меня, но я не хочу всплывать на поверхность.

Я хочу утонуть вместе с ним.

Поцелуи Луки обжигают мои губы, его язык скользит в мой рот с собственническим голодом, который заставляет меня чувствовать себя наэлектризованной, когда мы снимаем друг с друга одежду. Вид его без рубашки заставляет мое сердце снова учащенно биться, и я провожу руками по нему, когда он скользит у меня между ног. Он самый великолепный мужчина, которого я когда-либо видела, и я хочу прикоснуться к нему всему, к каждому мускулистому дюйму.

Его пальцы скользят по влажным складкам моей киски, заставляя меня задыхаться и стонать, когда они проскальзывают между ними, дразня меня легкими прикосновениями, и я слышу, как он стонет, его член пульсирует у моей ноги.

— Я хочу тебя, — шепчет он, его голос похож на хриплое рычание, которое посылает во мне вспышку похоти. Я никогда не думала, что смогу заставить какого-либо мужчину звучать так... голодно, отчаянно, но Лука звучит так, как будто он едва сдерживается, цепляясь за толику контроля, которую я могла заставить его потерять в одно мгновение.

Прямо как в нашу первую брачную ночь. Я помню, как он прижался ко мне, как он потерял себя всего на несколько минут, и я хочу этого снова. Просто на некоторое время я хочу не думать о том, должны мы или не должны. Не беспокоиться о том, что правильно, а что нет. Я просто хочу своего мужа. Только на эту ночь.

С остальным мы разберемся утром.

— Да, — шепчу я, мои руки пробегают по его густым темным волосам, спускаясь к жесткой черной щетине на его подбородке, мое тело дрожит от желания. — Да, да, да.

— О боже. — Он стонет, снова целуя меня, его губы яростно и жестко прижимаются к моим, когда он вдавливают меня в матрас, его руки жадно блуждают по изгибу моей талии и бедрам. — Я хочу попробовать тебя на вкус, София, я хочу, чтобы ты кончила так сильно...

Я задыхаюсь, когда губы Луки подбираются к моему горлу, покусывая там мягкую плоть, слегка посасывая, а затем сильнее, когда его рука сжимает мою грудь, а большой палец проводит по моему соску. Я знаю, что он оставляет след на моем горле, но мне все равно. Это так приятно, чувствительна каждая частичка меня, когда пальцы его другой руки скользят внутри меня, двигаясь медленными движениями, когда я втираюсь в его ладонь.

Он продолжает движение, его рот спускается к моей ключице, слегка впиваясь зубами в мою плоть там, прежде чем продолжить вниз. Он целует меня между грудей, облизывая сначала один сосок, затем другой, пока я не начинаю извиваться под ним и выгибать бедра, желая большего. Это так приятно, все ощущения такие приятные, но я хочу кончить. Хватит с меня поддразниваний, хватит трогать себя и гадать, каково было бы, если бы Лука это сделал.

— Я хочу, чтобы ты заставил меня кончить, — умоляю я. — Пожалуйста, Лука, я хочу знать, на что это похоже...

Он смотрит на меня сверху вниз, его глаза мрачно блестят.

— Прямо сейчас? — Его пальцы ускоряются внутри меня, изгибаясь, когда он прижимает подушечку большого пальца к моему клитору, перекачивая его снизу, когда он начинает толкаться быстрее. — Ты хочешь, чтобы я заставил тебя кончить прямо сейчас, София?

— Да! О боже, да, пожалуйста — я почти всхлипываю, извиваясь в его хватке, когда он сжимает меня сильнее, потирая большим пальцем мой клитор, пока я не чувствую, что вот-вот сойду с ума.

— Тогда кончай, София. — Его голос обволакивает меня, гладкий, как шелк, густой, как

дым, пьянящий, как вино. — Я хочу, чтобы моя киска кончила.

И вот так просто я возвращаюсь к той ночи, переполненная удовольствием, когда он снова и снова доводит меня до грани, отчаянно желая этого. Я думаю о том, как он дрожит мне на диване, о его горячей сперме на моей заднице. Я слышу звук, слетающий с моих губ, которого я никогда раньше не слышала, когда оргазм накрывает меня, все мое тело выгибается дугой над кроватью, когда я кончаю сильнее, чем когда-либо в своей жизни, почти крича от удовольствия, дергаясь под его рукой.

Он сильно вонзает в меня пальцы, его большой палец все еще потирает мой клитор, и волны накатывают на меня, пока я не чувствую, что не могу дышать, что я могу умереть. Я все еще дрожу, когда Лука вытаскивает из меня свои пальцы и сползает с кровати, широко раздвигая мои бедра, чтобы он мог видеть мою трепещущую, сжимающуюся киску, мое тело, взывающее о большем.

— Не останавливайся — тяжело дышу я, мои бедра приподнимаются над кроватью, когда Лука проводит руками по внутренней стороне моих бедер.

— О, не волнуйся, — обещает он, его голос темный и глубокий, когда он смотрит на меня, его зеленые глаза блестят. — Я не буду.

И затем я чувствую его рот.

— Лука! — Я почти выкрикиваю его имя от удовольствия, когда его язык скользит по моему все еще пульсирующему клитору, почти слишком чувствительному. Его язык мягкий и горячий, и я краснею, осознав, насколько я влажная. Он стонет, проводя языком от моего входа к моему клитору снова и снова, всасывая мои складки в рот, пожирая меня, целуя мою киску так, как он целовал мой рот.

Он заставит меня кончить снова, я это знаю. Я слышала, как Ана рассказывала о мужчинах, которые доводили ее до оргазма не один раз, обычно это были парни, с которыми она ходила на второе свидание, но я не думала, что такое может случиться со мной. Мне потребовалось достаточно времени, чтобы заставить себя кончить один раз. Но не с Лукой. Он уже снова доводит меня до предела, мое тело дрожит, когда я откидываю голову назад, пальцы вцепляются в одеяло, когда я бесстыдно трусь о его лицо, не заботясь о том, что он думает обо мне. Судя по тому, как он стонет, по звуку, вибрирующему на моей и без того сверхчувствительной плоти, это также заводит его.

Он снова засовывает два пальца в мой влажный канал, толкаясь жесткими, уверенными движениями, которые заставляют меня жаждать его члена, и я выгибаюсь навстречу его рту, хныча и постанывая.

— Пожалуйста, трахни меня, — слышу я свою мольбу, мои бедра раздвигаются шире, когда я пытаюсь подтолкнуть себя к краю, отчаянно желая этого. — Пожалуйста, Лука, мне нужно...

Это останавливает его всего на мгновение, и его глаза закатываются вверх, глядя на меня оттуда, где его рот зарывается между моих бедер.

— Ты хочешь, чтобы я тебя трахнул? — Он демонстративно лижет меня, позволяя мне наблюдать, как его язык поднимается вверх и обводит им мой клитор, заставляя меня снова беспомощно застонать. — Ты хочешь мой член?

— Да, пожалуйста...

— Тогда кончи для меня еще раз, и я тебя жестко трахну.

Его язык порхает по моему клитору, его губы прижимаются к моей влажной плоти, когда он всасывает ее в рот, и я чувствую, как будто растворяюсь. Я трещу по швам,

затерянная в вихре удовольствия, подобного которому я никогда не испытывала. Я выгибаюсь, извиваюсь, стону и кричу, оргазм нескончаем, когда Лука снова и снова вводит в меня свои пальцы, посасывая мой клитор, доводя меня до того, что кажется бесконечным пульсирующим оргазмом, который, когда он наконец начинает отступать, оставляет меня безвольной и задыхающейся. Я поднимаю на него ошеломленный взгляд и знаю, что, когда это закончится, я больше никогда не смогу сопротивляться. Я бы отдала все, чтобы почувствовать это снова. Если бы я знала, что секс может быть таким приятным, я бы никогда не оставалась девственницей так долго. Но где-то в глубине души я подозреваю, что это всего лишь Лука. Или еще хуже... что это только он и я. Вместе.

Я в оцепенении осознаю, что он голый, его джинсы расстегнуты и отброшены в сторону, и он стоит на коленях между моих ног, его член толстый и твердый и так близко ко мне. Он медленно поглаживает его, его зеленые глаза прикованы к моему телу, жадно ощупывая меня.

— Скажи мне еще раз, София, — хрипит он, его голос почти рычит. — Скажи мне, что хочешь мой член.

— Да, пожалуйста, я хочу...

— Скажи это. — На его лице нет ничего, кроме неприкрытого голода, все его тело напряжено от желания. — Скажи мне.

Мне уже все равно, что я говорю. Он нужен мне. Он нужен мне внутри меня.

— Я хочу твой член, Лука, пожалуйста, пожалуйста, трахни меня, о боже, пожалуйста. — Слова срываются с моих губ в порыве, когда я тянусь к нему, желая притянуть его к себе, и когда последнее наслаждение срывается с моих губ, Лука стонет, его тело опускается на меня, когда его рот заявляет права на мой в обжигающем поцелуе.

Он входит в меня одним длинным, жестким толчком, его член заполняет меня полностью, когда он погружается по самую рукоятку, его бедра располагаются поверх моих. Я чувствую, как он вздрагивает, по его позвоночнику пробегает волна удовольствия, и я провожу руками по его спине, когда он снова целует меня, не двигаясь, пока он наслаждается вкусом моих губ. И затем Лука отстраняется, его глаза темнеют от вожделения, когда он смотрит на меня сверху вниз.

— Я не смогу действовать медленно, София, — стонет он хриплым голосом. — Мне нужно...

— Не сдерживайся.

Я обвиваю руками его шею, притягивая его вниз для еще одного поцелуя, и он начинает толкаться. Каждый удар жесткий и быстрый, и я чувствую его потребность, его голод, все, что он пытался сдержать с той ночи, когда прижал меня к своей двери и впервые поцеловал. И это так чертовски приятно. Я хочу большего, я хочу его всего, и я выгибаюсь вверх, прижимаясь грудью к его мускулистой груди, когда целую его в ответ, мои бедра отвечают на каждый его толчок, мои ноги обвиваются вокруг его, когда я прижимаюсь к нему, удовольствие тоже поднимается во мне. Я хочу кончить снова, хочу кончить с ним. Я слышу, как его стоны усиливаются, его толчки все сильнее и сильнее, пока он трахает меня с такой дикой самоотдачей, что теперь я знаю, это именно то, чего я хотела.

— Да, — слышу я свой шепот между поцелуями. — Да, о боже, Лука, это так приятно...

— Так блядь хорошо, — стонет он, содрогаясь от новых толчков. — Ты такая чертовски тугая, о, черт, София, ты была создана для меня... Блядь. — Он прерывает поцелуй, его глаза встречаются с моими, когда он прижимается ко мне. Я чувствую, как головка его члена

прижимается к чувствительному месту глубоко внутри меня, подталкивая меня к краю, когда его бедра перекатываются поверх моих.

— Я собираюсь кончить, София, черт возьми, я не могу... София...

Он стонет мое имя, его губы наклоняются к моим, когда он целует меня так сильно, что это почти причиняет боль. Я чувствую, как сжимаюсь вокруг него, содрогаясь от удовольствия, когда он толкается еще раз, с силой, а затем начинает содрогаться.

— Я кончаю, — рычит он, слова выдавливаются сквозь его зубы, когда он прижимается ртом к моему плечу. Я чувствую, что тоже в третий раз схожу с ума, мое тело сотрясается вокруг него, когда я жестко кончаю на его член, обвиваю его руками и ногами, когда он толкает меня обратно на подушки, и я чувствую, как его член пульсирует внутри меня, он извергается, горячий поток его спермы наполняет меня, и я беспомощно стону, настолько охваченная удовольствием, что я не смогла бы остановить это, даже если бы попыталась.

Его рот прижимается к моему плечу, его бедра все еще двигаются напротив меня, и я понимаю, что он все еще возбужден.

— Я не могу остановиться, — бормочет он. — Черт, София. Ты как чертов наркотик, клянусь...

Он слегка отстраняется, глядя на меня ошеломленными глазами. Он выглядит так, как будто никогда раньше не испытывал ничего подобного. Я думаю обо всех женщинах, которые, должно быть, лежали в этой самой постели, в которых он был внутри вот так, и я чувствую приступ жгучей ревности, которая угрожает поглотить меня. Но, глядя в лицо Луки, я знаю без его слов, что такого никогда не было. Что бы он ни чувствовал ко мне, он никогда не чувствовал раньше.

Я беру его лицо в ладони, его щетина царапает их, и я смотрю в глаза моего мужа, когда я обхватываю его ногами, мои бедра двигаются навстречу его медленным толчкам.

— Не останавливайся.

ЛУКА

У меня такое чувство, будто я в тумане. Это лучше, чем быть под кайфом, лучше, чем любой секс, который у меня когда-либо был в жизни, лучше, чем все, что я когда-либо представлял. Я только что кончил сильнее, чем, думаю, когда-либо прежде. Тем не менее, я все еще тверд как скала, постанывая от удовольствия, ощущая, как тугая киска Софии трепещет вокруг меня от ее оргазма. Я все еще чувствую ее вкус на своих губах, ее аромат, окружающий меня, и я не хочу останавливаться. Я не могу остановиться и продолжаю входить в нее, приподнимаясь, чтобы посмотреть на нее сверху вниз, медленно покачивая бедрами, наслаждаясь ощущением ее влажного, бархатного тепла, скользящего по длине моего члена снова и снова.

Я не могу ее отпустить. Это половина причины, по которой я не хочу прекращать трахать ее, потому что я чувствую, что каким-то образом, если я остановлюсь, если я выйду из нее, если я засну, когда я проснусь, ее здесь больше не будет. Она будет в своей собственной комнате, или она уйдет, потеряна навсегда. Это нелепая, бредовая мысль, но я перестал пытаться разобраться в ней с того момента, как ступил на борт самолета,

возвращающегося домой.

Это все, чего я хотел. Я не хочу, чтобы это заканчивалось.

Не останавливайся.

Я теряю счет тому, как долго это продолжается. Я хочу сделать больше, чем просто трахнуть ее вот так, в миссионерской позе, но я не хочу выскользывать из нее достаточно надолго, чтобы сменить позу. Я продолжаю толкаться, долго и медленно, целуя ее снова и снова, пока, наконец, она не сжимается вокруг меня и снова не вскрикивает. Я чувствую, как мой член начинает пульсировать, когда я снова проливаю в нее свою сперму во второй раз, содрогаясь, когда я обнимаю ее и увлекаю за собой, перекатываясь на бок, ее нога обхватывает мою.

После этого мы ненадолго засыпаем, мой наполовину твердый член все еще внутри нее. Голова Софии прижата к моей, ее лицо прижато к моей груди, и я чувствую тепло ее дыхания на своей коже. Я никогда не делал этого раньше. Несколько раз женщины оставались у меня на ночь, когда я был слишком измотан, чтобы утруждать себя вызовом такси, но я никогда не держал женщину в своих объятиях после секса, никогда не засыпал, прижимаясь к чьему-то телу. Я никогда не думал, что захочу. Мне нравится мое пространство, моя огромная кровать, возможность растянуться, как король в своем замке. Я не думал, что когда-нибудь найду женщину, которую захочу сделать своей королевой.

Когда я снова просыпаюсь, София шевелится у меня на груди, часы показывают пять утра. В какой-то момент она перевернулась, прижавшись ко мне так, что я обнимаю ее. Когда ее спина слегка выгибается, а ее задница прижимается к моему паху, я чувствую, как мой уже частично возбужденный член полностью твердеет, мои яйца ноют, когда я, не задумываясь, терзаюсь об нее. София стонет, ее голова откидывается на мое плечо.

— Опять? — Сонно спрашивает она, ее голос легкий и дразнящий даже в полусне, и мой член пульсирует.

— Да, — рычу я и наклоняюсь, чтобы расположиться между ее ног, постанывая, когда головка моего члена легко проскальзывает в нее. Она такая влажная, ее тело горячее и жаждет меня, и я вонзаюсь в нее одним движением, усаживаясь по самую рукоятку, обнимая ее за талию и притягивая к себе.

— О боже, это так приятно, — хнычет София, и я чувствую прилив вождления, когда вспоминаю, что она никогда не делала ничего из этого раньше, что все, что мы делаем вместе, будет для нее в новинку. Никто никогда не доводил ее до оргазма своим языком, как я сделал прошлой ночью. Никто никогда не трахал ее так. Это сводит меня с ума, мои яйца сжимаются и причиняют боль от потребности кончить, когда я просовываю одну руку ей под голову, чтобы перекинуть ее через плечо, играя с ее соском, а другую руку просовываю между ее ног и начинаю тереть ее клитор, слегка пощипывая его при каждом толчке.

Ощущение того, как она извивается в моих руках, выгибается дугой, когда я играю с ней, исследую ее тело, когда мой член погружается в нее снова и снова, лучше всего, что я мог себе представить, а я представлял совсем немало. На этот раз я двигаюсь медленнее, мы оба все еще ленивы от сна, когда я подталкиваю ее к кульминации, держа ее за спину, пока не почувствую, как ее спина глубоко выгибается, ее рот приоткрывается, ее волосы рассыпаются по моей груди, ее голова прижимается к моему плечу, когда она сжимается в моей руке и громко стонет, ее киска трепещет вокруг меня, когда она кончает.

— Черт... — Стону я у ее плеча, когда толкаюсь вверх, мой член пульсирует, когда поток спермы извергается из меня, заполняя ее... о, черт, я даже не знаю. Я потерял счет

тому, сколько раз мы уже трахались.

Вот так мы снова засыпаем, а когда просыпаемся, я переворачиваю ее на спину. Она тихонько хнычет, когда я захожу в нее, и я могу сказать, что ей больно.

— Ты хочешь, чтобы я прекратил? — Я спрашиваю мягко, и София качает головой, обвивая руками мою шею.

— Нет, — шепчет она, и я стону, когда снова погружаюсь в нее, мое тело уже напрягается в ожидании очередного оргазма.

Уже девять часов, когда я, наконец, сдаюсь и сажусь, щелкая выключателем, чтобы открыть жалюзи и наполнить комнату светом.

— Нам нужно вставать. Мы должны проверить Катерину и Ану, и мне нужно поговорить с Раулем...

София медленно садится, обхватив себя руками, когда солнечный свет наполняет комнату. Я вижу, как реальность прошлой ночи снова наваливается на нее, и мой желудок сжимается. Я легко могу представить, что все возвращается на круги своя при резком свете дня. Я легко могу представить, что ее готовность прошлой ночью была случайностью.

Я не отпущу ее. Она моя, сейчас больше, чем когда-либо. Моя жена. Но если она не хочет меня, я ничего не могу сделать, разве что заставить ее. И если я не смог сделать этого раньше... Я определенно не смогу сейчас, когда я узнал, каково это, иметь ее желание, чтобы она отдалась мне полностью, без оговорок, о чем я мечтал с тех пор, как обнял ее, плюющуюся, царапающуюся чертовку, стремящуюся сбежать, в ту первую ночь.

Я прочищаю горло.

— Если ты хочешь сначала принять душ...

— Что это было? — София поворачивается ко мне лицом, натягивает простыню, чтобы прикрыть грудь, и смотрит на меня своими широко раскрытыми темными глазами. — Прошлой ночью. Ты... что это было?

Мой первый инстинкт — остыть, сказать ей, что это ничего не значит. Что я был зол, что кто-то посмел попытаться причинить боль тому, что принадлежало мне. Что я воспользовался ее слабостью, чтобы получить то, что хотел. Я мог бы покончить со всем этим несколькими удачно подобранными словами. Я мог бы провести между нами грань, которую больше никогда нельзя будет пересечь, и избавить нас обоих от мучительных попыток наладить отношения. Потому что на самом деле, как это вообще может сработать в конце? Я не тот мужчина, который был создан для любви. Не тот, кто может дать ей то, в чем она действительно нуждается, чего она добивается от мужа.

Но она застряла со мной. Мы могли бы хотя бы попытаться. Я решаю пойти за правдой. Только в этот раз.

— Я не знаю, — честно говорю я ей. — Один из сотрудников службы безопасности пришел рассказать мне, что произошло. И когда он сказал, что кто-то вломился, что тебя чуть не убили... — Я провожу рукой по волосам, чувствуя, как они встают дыбом. — Что-то оборвалось внутри меня. Все, о чем я мог думать, это вернуться домой. Домой...

— Ко мне, — тихо говорит София. — Это то, что ты сказал прошлой ночью. Прямо перед тем, как...

— Если ты жалеешь об этом, можешь сказать мне. — Я слышу, как мой голос твердеет. — Я не собираюсь отступать от того, что сказал, даже после этого инцидента. Ты можешь оставаться в своей старой комнате. Я больше не прикаснусь к тебе, если...

— Я не жалею об этом.

Требуется секунда, чтобы до меня дошло. Я полностью поворачиваюсь к ней, простыня собирается вокруг моих бедер и соскальзывает вниз. Я вижу, как глаза Софии опускаются вниз, ее горло сжимается, когда она сглатывает, и мой член предательски пульсирует при мысли о том, каково было бы, если бы ее горло вот так сжалось вокруг меня, глотая мою сперму.

— А ты?

— Нет. — Она вздергивает подбородок, и я вижу, как в ней просвечивает частичка прежнего упрямства.

И это чертовски возбуждает меня. Черт возьми, как она меня так чертовски сильно заводит?

— Я переспала с тобой прошлой ночью не только потому, что чувствовала себя уязвимой, — говорит София, скрещивая руки на груди. — Я хотела знать, на что это будет похоже.

— О. — Я не уверен, почему это немного задевает. Бог свидетель, я трахал достаточно женщин из чистого любопытства. — Рад, что смог быть полезен.

— Это не то, что я имела в виду. — Она прикусывает нижнюю губу, слегка краснея. — Я имею в виду, я хотела знать, на что это было бы похоже, если бы мы... если бы мы действительно попытались.

— Что попытались?

— Это. — София машет рукой в пространство между нашими телами. — Нас. — Она делает глубокий, прерывистый вдох. — Послушай, я знаю, ты, наверное, просто хотел потрахаться прошлой ночью. И я знаю, что ты просил об этом браке не больше, чем я. Я поняла, прошлой ночью, разговаривая с Катериной, что ты тоже был втянут в это. И ты, вероятно, так же возмущен этим, как и я. Но, может быть...

Она смотрит на меня, и я вижу, как она нервничает. Мне приходит в голову, что я мог бы облегчить ей задачу, но я даже не знаю, что сказать. Простой ночью я не думал о своем неконтролируемом желании подумать о том, что может произойти утром. В холодном свете дня София так же прекрасна, как и прежде. И я хочу ее так сильно, как никогда. Но я знаю, что брак, настоящий брак, это гораздо больше, чем это.

— Я не хочу быть таким мужем, каким был Росси, — говорю я, медленно подбирая слова. — Я вообще не хотел быть мужем, именно по этой причине. Я не хотел иметь жену, которую игнорировал, на которую перекладывал обязанности по дому и семье, в то время как сам продолжал жить так же, как жил всегда. Я хотел быть холостяком, потому что не хотел испытывать вину за то, что буду отсутствующим мужем.

Я делаю глубокий вдох.

— Я никогда особо не задумывался о женитьбе, потому что никогда не думал, что это произойдет. Я никогда не думал, что это произойдет, этот конкретный долг никогда не должен был исполниться.

София смотрит на меня с опаской.

— А теперь? Если бы ты собирался стать мужем, каким бы ты хотел быть?

Я обдумываю этот вопрос. Я не знаю, к чему ведет этот разговор, но после прошлой ночи она заслуживает, по крайней мере, честного ответа.

— Справедливым, — говорю я наконец. — Верным.

— Добрым? — София слегка улыбается, уголки ее рта подергиваются.

Я позволяю своему взгляду скользнуть по ее телу, позволяя ей увидеть похоть в моем

взгляде.

— Иногда.

Она дрожит, но слабая улыбка не сходит с ее губ.

— Когда ты говоришь верный, ты имеешь в виду...

Тогда я тянусь к ней. Я ничего не могу с собой поделать. Я провожу пальцами по ее растрепанным волосам, проводя кончиками вниз по изящной линии подбородка.

— Я имел в виду то, что сказал прошлой ночью, София. Весь вчерашний день парни приставали ко мне, чтобы я кого-нибудь трахнул. Честно, столько девушек, сколько мог. И я не буду тебе лгать, я пытался заставить себя сделать это, чтобы выкинуть тебя из своей системы, как я уже сказал.

— Но? — Ее щека прижимается к моей руке, ее темные глаза не отрываются от моих.

— Я не смог этого сделать. Все эти женщины, они были такими же, как любая другая женщина, которая когда-либо была в моей постели. Великолепные, идеально сложенные, готовые сделать все, что я попрошу.

— Лука, — София морщится. — Может быть, мне не нужны все подробности.

— Справедливо. — Я усмехаюсь. — Дело в том, София, что я хотел только тебя. В ночь перед похоронами, когда я оставил тебя здесь одну и остался в отеле, я не был с другой женщиной. Я позволил тебе так думать, потому что хотел, чтобы между нами была дистанция. Но я все время думал о тебе. Желал тебя. Фантазировал о тебе. — Я качаю головой, моя рука скользит вниз по ее подбородку, пока ее подбородок не оказывается в моей руке. — Я немного сошел с ума, когда пришел домой и увидел это видео. Я так чертовски сильно хотел тебя, и увидеть тебя...

— Все в порядке. — Она слегка смеется, вырывая свое лицо из моих объятий. — Если ты не знал, мне понравилось то, что ты со мной делал.

Блядь. Мой член пульсирует под простыней, поднимаясь при одном упоминании о той ночи.

— Это так?

— Мне нравилось все, что ты делал для меня до сих пор, — мягко говорит София. — Даже если я не хотела этого признавать.

— Означает ли это... — я колеблюсь. — София, я говорил тебе до того, как мы поженились, что не буду принуждать тебя. Я имел в виду это тогда и имею в виду сейчас. Особенно после прошлой ночи, я не хочу тебя, если ты не хочешь. Но я хочу тебя в своей постели. Сейчас, сегодня вечером, завтра ночью. Каждую ночь после этого.

— До тех пор, пока мы оба будем жить. — София снова прикусывает нижнюю губу, на ее лице появляется печальное выражение. — Я не знаю, что делать, Лука. Ты говоришь, что был бы справедливым мужем. Даже верным, что, черт возьми, намного больше, чем, я думаю, может ожидать любая другая женщина в этой организации. Катерина не ожидает верности от Франко. Но если ты думаешь, что я бы это делала, то ты прав. Я знаю, что вышла замуж за мафиози, но я не жена мафиози. — Она смотрит на меня, вызываясь вздернув подбородок. — Я не смогу лечь с тобой в постель, зная, что ты, возможно, трахнул какую-то другую женщину несколькими часами ранее. Или сидеть дома, несчастной, потому что тебя нет дома допоздна, и я не знаю, что, или с кем ты делаешь. Я бы предпочла, чтобы тебя вообще не было, чем иметь только часть тебя.

Она делает паузу, медленно выдыхая.

— Я знаю, что брак моих родителей не был идеальным во многих отношениях. Но я

никогда не поверю, что мой отец был не верен моей матери. Он любил ее. Я так упорно боролась, пытаюсь понять, почему он отдал меня тебе. Почему он так доверял тебе, потому что я знаю, что он любил меня. Так скажи мне, Лука. Почему я должна тебе доверять? Почему я должна верить, что мой отец не совершил ошибку?

Ее глаза слегка затуманиваются, и я чувствую, как моя грудь сжимается от выражения ее лица.

— София, я не знаю, что тебе пообещать. Я обещал тебе свою защиту, и я имел в виду именно это.

— И прошлой ночью на меня напали. Чуть не убили. — София снова обхватывает себя руками, и в ответ появляется тот страдальческий взгляд, который я так хорошо знаю. — Вот тебе и защита.

— Я не должен был оставлять тебя здесь одну. Это была ошибка. — Я протягиваю руку, чтобы коснуться ее лица, но она отстраняется, и я вижу, как воздвигаются ее стены. Она отгораживается от меня. Вспоминая, почему она так упорно боролась, чтобы держаться от меня подальше.

Я не хочу, чтобы это произошло. У меня такое чувство, будто я борюсь за что-то, чего не понимаю, за будущее, которого не вижу. Все, что я знаю, это то, что мысль о том, что я могу потерять ее, заставляет меня чувствовать себя так, как будто я стою на краю обрыва, слишком высоко над дном, чтобы увидеть, что произойдет, если я упаду.

— Я собираюсь выяснить, как это произошло. Я снова поговорю с Виктором. — Я колеблюсь. — София, я не знаю, как это сделать. Я могу обещать, что сделаю все, что в моих силах, чтобы обеспечить твою безопасность. Я могу обещать, что никогда не причиню тебе вреда, никогда не подниму на тебя руку. Я могу пообещать тебе, что буду укладывать тебя в постель, как делал прошлой ночью, каждый раз, когда ты пожелаешь, до конца твоей жизни. Я даже пообещаю тебе верность, если ты этого захочешь. — Я коротко смеюсь. — Бог знает, я все равно был верен, несмотря на все мои усилия. Но, София, я не знаю, могу ли я обещать тебе что-нибудь еще.

— Не любовь. — Она пронизательно смотрит на меня. — Не такой брак я представляла, когда росла.

— Из-за этой любви убили твоего отца. Из-за нее чуть не убили и твою мать. Это привело тебя сюда, замуж за человека, который не может быть тем, кем ты хочешь, который не может любить тебя, который... — Я делаю паузу, качая головой. — София, я не подхожу тебе во всех отношениях. Ты заслуживаешь лучшего, чем это. Но вот мы здесь.

София делает глубокий вдох.

— Хорошо, — мягко говорит она. — Давай попробуем это, прямо сейчас. Просто пытаемся существовать вместе, как пара. Я буду спать здесь, с тобой. Мы постараемся больше говорить и меньше спорить. Мы постараемся понять друг друга. И посмотрим, что из этого получится.

Некоторое напряжение покидает меня, когда я слушаю ее. Возможно, мне не удастся так легко помириться с Братвой, но кажется, что здесь, в этой спальне, я заключил предварительный мир со своей женой.

Это еще не все. Но я думаю, этого может быть достаточно.

Пока.

СОФИЯ

Я покидаю комнату Луки, не зная, что и думать. Я никак не ожидала ничего из того, что произошло прошлой ночью. Как я и сказала ему, я ожидала, что он не придет домой. Оставить меня здесь, напуганную и уязвимую, пока он не закончит свои выходные. Я правда не ожидала, что он тут же примчится домой. Но дело не только в этом, а в том, что произошло потом. И я боюсь... точно так же, как я была напугана прошлой ночью, когда тот человек стоял в дверях с пистолетом, направленным мне в лицо, но уже по-другому поводу.

Если я слишком доверюсь Луке, у него есть потенциал разбить мне сердце. Он снова и снова говорит мне, что он мне не подходит, что он не может любить меня, и что ему никогда не суждено стать мужем тем, который мне нужен. И все же мы продолжаем приближаться именно к этому... к жизни как муж и жена в реальности, а не только на бумаге.

Если я не доверюсь ему, я собираюсь прожить одинокую жизнь. Без удовольствия, без счастья, без прикосновений его рук. Даже если бы я могла каким-то образом сбежать от него, в конце концов, я знаю, что никогда не смогу полностью освободиться от него. Я всегда буду оглядываться через плечо, ожидая, что он придет за мной, чтобы вернуть то, что принадлежит ему. После него я никогда не смогу вступить в другие отношения и подвергнуть опасности кого-то другого, кого я, возможно, полюблю. А после вчерашнего вечера... я не уверена, что кто-нибудь может сравниться с ним.

Я, конечно, знала, что секс может быть приятным. Веселым. Возбуждающим. Я достаточно часто слышала, как Ана говорила об этом. Может, я и была девственницей, но я не была дурой. Я знала, что секс может быть самым разнообразным, от разочаровывающего до умопомрачительного.

Однако ни одна из этих ночных сплетен не подготовила меня к реальности прошлой ночи. Каким-то образом Лука доставил мне удовольствие, которое я испытала в эту ночь, доводя меня до мольбы, и удвоил его, даже утроил. У меня все болит, но часть меня все еще хочет снова лечь с ним в постель прямо сейчас, просто чтобы почувствовать все это снова.

Между нами произошло нечто большее, чем просто обычный секс. Это был отчаянный, голодный, страстный... секс, который, как я думала, существует только в художественной литературе. Но это было реально. И это вызывает привыкание.

Ты как чертов наркотик. Слышу скрипучий голос Луки в моем ухе, и я точно знаю, что он имел в виду. Я могла бы забыться в таком удовольствии, забыть обо всем, кроме того, как это умопомрачительно. Это заставляло меня чувствовать себя живее всех живых, связанной с ним чем-то большим.

Я должна держать голову прямо, говорю я себе, одеваясь, натягивая футболку через голову и быстро заплетая мокрые волосы в косу. Лука ушел поговорить с Раулем и остальной охраной, а мне нужно проверить, как там Катерина и Ана. Я не могу позволить себе потерять голову и попасть в ловушку, думая, что это нечто большее, чем есть на самом деле. Несмотря на все то, что он говорил мне, что будет верен, Лука не притворялся этим утром, что мы внезапно влюбились, и что мы будем счастливы в браке. На самом деле, он специально напомнил мне с точностью до наоборот, что он не может меня полюбить. Что

он не тот мужчина, за которого я когда-либо хотела бы выйти замуж, и он никогда им не станет.

Проблема в том, что я сейчас не до конца понимаю это. Я думала, что Лука цеплялся за свою холостяцкую жизнь, потому что хотел оставаться тем же плейбоем, которым был всегда, потому что не хотел, чтобы жена занимала его место, ограничивала его стиль, накладывала ограничения на то, что он мог и чего не мог делать. Он не хотел шнырять по гостиничным номерам или ходить по квартирам других женщин вместо того, чтобы приводить их сюда, а затем вышвыривать. Но очевидно, что это не тот случай. У него не было проблем с согласием на верность, если верить всему, что он сказал, тогда он был верен с той ночи, когда привез меня домой, хотя я никогда этого не ждала.

Итак, если он не хочет других женщин, тогда в чем проблема? Может быть, мне только кажется, думаю я, спускаясь по лестнице. Может быть, я просто не та женщина, которую он мог бы полюбить. Слишком невинная. Слишком наивная. Слишком слабая. Ему было бы лучше жениться на ком-то вроде Катерины, на ком-то, кто знал, как быть женой мафиози и чего ожидать. Но вместо этого он получил меня.

Катерина и Ана сидят за кухонным столом, когда я вхожу. Перед ними стоят контейнеры с едой навынос, и Катерина сжимает в руках чашку кофе, делая глоток, как раз когда я вхожу. Ана приподнимает бровь, глядя на мои мокрые волосы.

— Похоже, ты чувствуешь себя лучше. Ты хоть немного поспала?

Я краснею, и Катерина ставит свой кофе на стол, подозрительно глядя на меня.

— София?

— Лука вернулся домой прошлой ночью. — Я опускаюсь на стул напротив них, бросая взгляд на один из контейнеров с едой навынос. — Это прислала Кармен?

— Да. Это из того заведения в нескольких кварталах отсюда, где готовят действительно вкусный поздний завтрак. — Ана пододвигает его ко мне. — Осталось немного блинчиков с рикоттой. Но давай вернемся к той части, где ты сказала, что Лука вернулся домой.

— Кто-то предупредил его о взломе. Он прилетел обратно прошлой ночью.

— Франко здесь? — С надеждой спрашивает Катерина, и я вздрагиваю, поднимая на нее взгляд. Я вижу, как выражение ее лица меняется, как только она видит мое лицо, и я чувствую, как мое сердце немного разбивается из-за нее. Я чувствую вину за часы удовольствия, которые провела в постели с Лукой со вчерашнего вечера, я трахалась со своим мужем всю ночь после того, как он в спешке вернулся домой, чтобы убедиться, что со мной все в порядке. Тем временем ее жених все еще трахается с моделями в какой-то другой стране на своих холостяцких выходных.

Ты могла бы быть замужем за кем-то вроде него, шепчет тоненький голосок в моей голове. Я не могу с этим спорить. При всех недостатках Луки, и я не забываю о них только потому, что прошлой ночью он подарил мне больше, чем несколько оргазмов, он заботится обо мне достаточно, чтобы вернуться ко мне, как только узнал, что произошло.

— Лука сказал, что отправляет самолет обратно, чтобы забрать их, — говорю я неуверенно, зная, что это не компенсирует тот факт, что Франко сейчас здесь нет. — Я думаю, он вернется раньше, чем они планировали.

— Я так и думала, — тихо говорит Катерина.

— Мне жаль. — Я прикусываю губу. — Я хотела, чтобы у тебя были хорошие выходные. Она слабо улыбается, пожимая плечами.

— Это просто жизнь. На самом деле я не ожидала от него большего. Я просто

надеялась, немного. Но все в порядке. Я знала, что он за человек, когда согласилась выйти за него замуж.

Это последнее утверждение заставляет меня задуматься. Я не знала, каким человеком был Лука, когда согласилась выйти за него замуж. Я думала, что да, но начинаю подозревать, что в чем-то ошибалась. И это заставляет меня задуматься, не ошибалась ли я и в других вещах.

Словно по зову, Лука входит в дверной проем, оглядывает нас троих, прежде чем его взгляд останавливается на мне.

— Доброе утро, дамы, — говорит он, и от этого глубокого голоса по мне пробегает дрожь. Он заходит за мой стул, глядя на Катерину и Ану.

— Я приношу извинения за то, что произошло прошлой ночью, — говорит он, и я чувствую, как его руки ложатся на стул позади меня. — Сегодня я поговорю с охраной и опрошу ее, чтобы попытаться выяснить, как кому-то вообще удалось сюда попасть. Я выясню, как это произошло, я обещаю. Он делает паузу, вцепившись руками в спинку стула. — В мои намерения не входило подвергать кого-либо из вас опасности. Мне жаль.

— Это не твоя вина, — тихо говорит Катерина. — Ты действительно пытался.

— Чушь собачья. — Выплюывает Ана, и я внезапно осознаю, какой тихой она была все это время. — Ты сказал Софии, что защитишь ее, когда женился на ней. Ты принудил ее к этому браку, потому что предполагалось, что это сохранит ей жизнь. И все же прошлой ночью ее чуть не застрелили. Что бы ни происходило, тебе следовало быть здесь и разбираться с этим вместо того, чтобы мочить свой член со своими парнями в дорогих шлюхах. — Она сердито смотрит на него, ее взгляд скользит вниз к моей шее, а затем обратно к Луке. — И что? Ты все еще был так возбужден, что тебе пришлось вернуться домой и трахнуть Софию тоже? Позор тебе. Ты просто лжец.

— Ана! — Восклицаю я, мое сердце внезапно колотится в груди. Лука был удивительно спокоен на протяжении всего этого, но я не знаю, как он отреагирует на то, что с ним так разговаривают. Росси, вероятно, убил бы Ану на месте за такое неуважение. Хотя я знаю, что Лука не такой человек, я не уверена, что он потерпит, когда на него кричит девушка, которая, как я знаю, ему не особенно нравится или которой он не полностью доверяет.

— Нет, все в порядке, — говорит Лука, его голос холодный и ровный. — Анастейша, могу я поговорить с тобой наедине?

— Лука, она не имела в виду... — Я начинаю протестовать, но Ана уже встает, все еще свирепо глядя на него.

— Осчастливь меня, — холодно говорит она, выходя из кухни.

Лука выходит вслед за ней, не говоря ни слова, и я чувствую, как мой желудок сжимается, переворачиваясь, когда я смотрю, как он выходит с ней в гостиную. Их голоса плохо слышны, но я слышу, как они говорят низкими, сердитыми тонами, и от этого мне становится немного не по себе.

— Все в порядке, — говорит Катерина, пытаюсь меня утешить. — Лука, вероятно, больше зол на себя, чем она на нее.

— Я бы не стала ставить на это. — Я прикусываю губу, глядя в том направлении, куда они ушли.

Катерина встает, собирает пустые контейнеры со стола и относит их в мусорное ведро.

— Вы двое действительно...? — Она замолкает, бросая взгляд на мою шею. — Ты хотела?

Я колеблюсь, чувствуя, что немного краснею.

— Да, — наконец тихо говорю я. Мне трудно признать, что я сдалась, но я также не хочу, чтобы Катерина думала, что Лука заставил меня делать что-то, чего я не хотела. — Это просто... вроде как случилось.

— Это могло бы быть к лучшему. — Катерина открывает кран, моет руки, прежде чем повернуться ко мне лицом. — Немного мира между вами двумя могло бы помочь Луке сосредоточиться на проблеме разрешения вражды с Братвой, прежде чем она выйдет из-под контроля. — Она делает глубокий вдох. — Ты была рядом со мной, София, хотя мы не очень хорошо знаем друг друга. Поэтому я собираюсь дать тебе несколько советов, хотя знаю, что ты, возможно, этого не хочешь. Быть женой мафиози, это не просто смотреть в другую сторону, пока твой муж спит с кем попало, растит детей и красится за ужином.

— Тогда что? Потому что пока это все, что я видела.

— Речь идет о том, чтобы знать, когда нужно все отпустить, чтобы твой муж мог делать то, что должен. Речь идет о признании того, что у мужчины, за которого ты вышла замуж, есть черты, которые иногда могут тебя пугать, могут даже вызывать отвращение, но это часть того, кто он есть. И если он хороший человек, ему тоже не нравятся эти стороны себя. От тебя зависит, поможешь ли ты ему жить с этим.

— А как насчет Росси? — Я знаю, что не должна, но не могу не сказать этого. — Кажется, ему нравятся эти стороны себя. И он хочет, чтобы Лука был таким же.

— Мой отец нехороший человек, — ровно говорит Катерина. — Я всегда это знала. Я люблю его, потому что он мой отец, и я не знаю другого способа быть хорошей дочерью. Но он не очень хорош.

— И ты думаешь, что Лука такой?

— Я думаю, он хочет быть. — Катерина смотрит на меня, ее взгляд непоколебим. — И я думаю, что то, что произойдет дальше, в ближайшие дни и недели, во многом определит, каким человеком он станет в будущем.

Я не знаю, что на это сказать.

— Я ни о чем из этого не просила, — тихо говорю я. — Я не просила быть его женой.

— Ты могла бы сказать нет. — Катерина пожимает плечами. — Я знаю, это не то, что ты хотела услышать. Но ты не должна была давать клятвы.

— А у меня был выбор? Выйти за него замуж или умереть? Это не выбор.

Затем Катерина смеется, и в этом нет ничего жестокого, но это все равно застает меня врасплох.

— Да, но все же это выбор.

* * *

Я не могу выбросить этот разговор из головы до конца дня. Лука не говорит мне, о чем они с Анной говорили несмотря на то, что я спрашивала его, зная только то, что он отправил ее домой после их разговора. Он также приказал своему водителю отвезти Катерину в дом Росси, заверив ее, что Франко должен вернуться к вечеру.

После этого он оставляет меня, уходя допрашивать остальных членов охраны, а Рауль остается приглядывать за мной. Он не упоминает о нашем разговоре этим утром и вообще мало что говорит мне, кроме как, что вернется сегодня вечером и останется в пентхаусе, не подниматься на крышу или вообще выходить наружу. Последнее меня немного раздражает, но я не обращаю на это внимания. Я не собираюсь быть слабачкой, но не могу отрицать, что дела идут лучше, когда мы с Лукой не ссоримся.

Квартира кажется огромной и пустой без Катерины и Аны, и я действительно не знаю, что с собой делать. Измученная прошлой ночью, я решаю вздремнуть. Я хотела бы вернуться в свою комнату, и, поднимаясь по лестнице, я говорю себе, что собираюсь, но, как будто у моих ног есть собственный разум, я обнаруживаю, что иду к комнате Луки.

Простыни все еще пахнут нами, моим мылом и его одеколоном, на них все еще ощущается слабый аромат наших теплых тел, и я утыкаюсь лицом в подушку, чувствуя себя более потерянной и сбитой с толку, чем когда-либо. Мою кожу покалывает при воспоминании о том, что мы делали прошлой ночью, и я не знаю, как примирить это с моим убеждением, что я не должна любить такого мужчину, как Лука. И потом, конечно, есть проблема в том, что он верит, что не может любить меня.

Когда я наконец засыпаю, мои сны превращаются в хаос: смесь ужасающих сцен, как я убегаю от людей с оружием, оказываюсь связанной, в ловушке, не в силах убежать, которые сменяются проблесками того, как я сплелась с Лукой, тяжело дыша и постанывая, когда он заставляет меня кончать снова и снова, а затем растворяюсь в воздухе, как только я выкрикиваю его имя.

Я просыпаюсь, чувствуя себя разбитой и дезориентированной, где-то в середине дня. В комнате слишком жарко, солнце светит через окно прямо на кровать, и я медленно сажусь, убирая с лица спутанные волосы.

Прямо за дверью стоит длинная плоская коробка, белая, с огромным черным бантом, обернутым вокруг нее и искусно завязанным сверху. Должно быть, кто-то оставил это, пока я спала, и после прошлой ночи мысль о том, что кто-то заходит в спальню, пока я сплю, заставляет меня нервничать и тревожиться. Но Рауль наблюдает за квартирой, а это значит, что, когда Лука дома, служба безопасности не допустит ни малейшего промаха, и я надеюсь, что, когда он сказал, что допрашивал их, он имел в виду слова, а не что-то более жестокое.

Я осторожно встаю с кровати и босиком тащусь по деревянному полу к коробке. Она кажется легкой, когда я беру ее в руки и кладу на кровать, дергая за бант, пока он не развязывается и прозрачная черная лента не падает на темно-серое пуховое одеяло.

Внутренняя часть коробки заполнена бумагой с золотым отливом, и я раздвигаю ее, чтобы увидеть лежащее там платье с бирками с надписью "Александр Маккуин".

Когда я беру его в руки, я не могу сдержать вдоха. Благодаря Луке, в моем шкафу теперь полно дизайнерской одежды, но я никогда не видела ничего прекраснее этого платья. Оно сшито из красного шелка, мягкого и хрупкого, как крылышко бабочки, с маленькими бело-золотыми шифоновыми цветочками, разбросанными по пышной юбке длиной до колен. Каждый лепесток идеально огранен, в центре каждого цветка по маленькому кристаллу, и выглядит так, как будто они парят над колышущимся шелком. Вырез глубокий, даже просто взглянув на него, я могу сказать, что он заканчивается примерно у моих ребер, с широкими присборенными бретелями на плечах.

Это носимое произведение искусства, и я не могу представить, куда я на самом деле собираюсь его надеть или почему оно здесь. Я даже не могу выйти из квартиры, не говоря уже о том, чтобы выйти куда-нибудь, достойно этого платья. Мне почти грустно от этого, потому что оно так невероятно великолепно.

В коробке лежит бело-золотой конверт, и я осторожно кладу платье, не уверенная, что у меня вообще хватит смелости его надеть. Не то чтобы оно было таким уж смелым, за исключением выреза, но оно такое красивое и нежное, что я почти боюсь к нему прикасаться. Протягивая руку к конверту, я открываю его и нахожу внутри открытку,

написанную жирным почерком на бумаге кремового цвета.

София,

Несмотря на то, что мы муж и жена уже неделю, я ни разу не пригласил тебя на настоящее свидание. Поскольку это так запоздало, я подумал, что тебе следует заказать что-нибудь исключительно красивое для этого случая. Встретимся на крыше в 9 вечера... ни секундой раньше.

Твой муж,

Лука

Мои пальцы немеют, и я чуть не роняю открытку от шока. Я перечитываю ее снова, а затем в третий раз, не в силах до конца поверить в то, что там написано. У нас с Лукой была отличная ночь, конечно. Горячая, страстная, несомненно, движимая тем фактом, что я была так близка к смерти. Ну и что?

Я не могу представить, чтобы Лука приглашал кого-нибудь на свидание. Ну, если я подумаю об этом, то, наверное, могу, но не в моем представлении о свидании. Когда я думаю о свиданиях с Лукой, я думаю об итальянских виллах и полетах на вертолете, о той невероятной романтике, которую вы видите в отеле "Бачелор", о том, что ничто не длится вечно. Какая-то часть меня не может представить, что мы с Лукой пойдем в кино и поужинаем в каком-нибудь милом хипстерском баре, том месте, где я всегда представляла свидания, в те редкие моменты, когда я вообще представляла это.

Но вот оно, черным по белому, по общему признанию, написанное плавным почерком на открытке, которая выглядит как приглашение на свадьбу, вместо напечатанного текста. И все же... это Лука, мой муж, приглашает меня на свидание. Я не знаю, то ли дело в страстном сексе, который у нас был прошлой ночью, то ли в том факте, что нам удалось провести целых два разговора, не переросших в ссору почти за столько же дней. Тем не менее, я все еще чувствую покалывание от волнения вместо страха, которого я ожидала.

Единственное, о чем мне даже немного грустно, это то, что я не могу просто позвонить Ане и попросить ее приехать. Обычно я бы попросила ее помочь мне собраться, но я даже не могу написать ей, чтобы рассказать об этом. Тем не менее, даже это не разжигает той раскаленной ярости, которую я бы почувствовала пару недель назад. Может быть, я просто привыкаю к этой новой квартире и связанными с ней ограничениями, или...

Неужели так сложно понять, почему это так? Я чувствовала себя такой подавленной приказами Луки потому, что, если я говорю правду, так оно и есть, но после того, как я посмотрела в дуло пистолета, который держал человек, который, несомненно, хотел моей смерти, трудно спорить, что он был неразумным. Угроза Братвы явно не под контролем. А что касается того факта, что брак с ним должен был убересть меня от всего этого... Если я и верю во что-то, так это в то, что Лука хочет остановить эту угрозу так же сильно, как я или кто-либо другой. И даже если наш брак не заставил Виктора прекратить эти нападки, он уберет меня от России.

Я могла бы просто рационализировать все это. Мой мозг, возможно, просто помутился от такого количества оргазмов. Но я не могу отрицать, что в моем животе порхают бабочки при мысли о том, что Лука, возможно, запланировал на сегодняшний вечер, и это не имеет ничего общего со страхом.

Остаток дня невозможно сосредоточиться на чем-либо другом. Я принимаю душ, чтобы освежиться после дневного сна, и начинаю собираться примерно за час до того, как должна встретиться с Лукой наверху. Я говорю себе, что у меня нет никаких особых причин для

того, чтобы каждый дюйм моего тела был свежесвыбрит или чтобы я надела под платье кружевные розовые стринги, но, стоя перед зеркалом и завивая волосы, я знаю, что это не совсем так.

Я хочу, чтобы Луке понравилось то, что он увидит, если он снимет с меня это платье сегодня вечером.

После того, как я так долго красила волосы в блондинку, все еще странно видеть, что они вернулись к моему естественному глубокому, насыщенному каштановому цвету, но я не могу отрицать, что мне он действительно идет лучше. Бледно-русый оттенок смыл мой оливковый оттенок кожи, но оттенок красного дерева, который мне придал стилист, а также смесь более светлого и темного бальзама, который она нанесла, делают мою кожу почти сияющей. Мои темные глаза кажутся еще больше, когда я накладываю кремовые и золотистые тени для век в тон маленьким цветочкам на платье. Эффект только усиливается. Я никогда не была экспертом по красоте, но как только я заканчиваю наносить тушь и подкрашиваю губы красным в тон платью, я должна признать, что выгляжу прекрасно.

Достаточно красива для кого-то вроде Луки. Достаточно красива, чтобы постоять за себя. Если Катерина всегда выглядит как королева, я выгляжу как принцесса. Белль собирается на свидание со зверем, сразу после того, как она поняла, что, возможно, он не так уж плох, в конце концов.

Я знаю, что, возможно, скатываюсь по опасному склону. Тот, который может закончиться разбитым сердцем или чем похуже. Но я чувствую себя беспомощной, чтобы остановить это. Теперь, когда мы с Лукой начали, я хочу знать, к чему это приведет. Это опасно похоже на то, что я представляю, должно быть, в погоне за кайфом.

Ровно перед девятью часами я направляюсь к лестнице, ведущей на террасу на крыше. Я стараюсь не подниматься по ней, пока часы не переключатся. Затем я осторожно поднимаюсь по ним в своих босоножках от Louboutin на высоком каблуке, осторожно прикасаясь к бриллиантам в ушах. Было странно надевать бриллианты, чтобы подняться на крышу. Конечно, я все еще ношу изящное ожерелье моей матери, которое я никогда не снимаю, которое всегда выглядит маленьким и незначительным рядом со сверкающими дорогими украшениями, которые у меня есть от Луки. Но это не то платье, с которым я могла бы надеть жемчужные заклепки или серебряные обручи.

Если когда-либо и было платье, созданное для бриллиантов, так это то самое.

Я толкаю дверь, ведущую на крышу, и выхожу на террасу. А затем, когда мои глаза привыкают, у меня отвисает челюсть, когда я смотрю на открывшееся передо мной зрелище.

СОФИЯ

Половина крыши всегда была бассейном и баром, а на другой половине есть камин и яма с креслами для отдыха и факелами тики. Но в этот момент часть крыши, предназначенная для камина и гостиной, была преобразована.

Камин горит, весело потрескивая, и все сидения убраны. Вместо этого на деревянной поверхности террасы расстелен толстый ковер, на нем установлены железный стол в стиле

кафе и два стула. В центре горят свечи и расставлены приборы, готовые к рассаживанию гостей. Вокруг камина и по краям террасы расставлены ящики для цветочных горшков, полные цветов, так что получается настоящий взрыв красок. Воздух наполнен их ароматом, вся сцена освещена мерцающими волшебными огоньками, развешанными повсюду. Это похоже на фотографии парижских кафе под открытым небом, которые я видела, за исключением того, что это только для нас.

Только для нас с Лукой.

Он стоит у камина, безукоризненно одетый в сшитый на заказ костюм, и я слышу, как откуда-то тихо играет струнная музыка. Он улыбается, когда мне каким-то образом удается подойти к нему, несмотря на мой полнейший шок. В конце концов, я была права. Это самое неожиданное, похожее на сказку свидание, которое я только могла себе представить. Это точно не ужин и не кино. Но мне все равно. Я чувствую себя совершенно потрясенной, и когда я остаиваюсь перед Лукой, все, что я могу делать, это смотреть на него снизу вверх.

— Ты сделал все это? — Удастся мне, наконец, перейти на шепот. — Наше... свидание?

— Ну, я попросил кое-кого прийти и сделать это, — говорит Лука, в уголках его глаз появляются морщинки от улыбки. — Но да. Я сказал им, чего я хочу. Тебе нравится? А платье?

— Да...да, конечно, — выдавливаю я. Его зеленые глаза не отрываются от моих, в них такое выражение, как будто он надеется на мое одобрение, что в принципе кажется безумием. Почему Луку должно волновать, нравится мне что-либо из этого или нет? Он всегда кажется таким человеком, который идет по жизни, предполагая, что все вокруг него довольны всем, тем более тем, что он делает. — Все прекрасно. Платье красивое.

— Хорошо. — Лука улыбается и тянется ко мне, притягивая в свои объятия. Я вдыхаю, когда чувствую, как его руки обхватывают меня, прижимая к его сильному, твердому телу, и когда он наклоняется, чтобы поцеловать меня, мое сердце учащенно бьется в груди.

Его губы на моих кажутся электрическими, словно миллион искр танцуют по моей коже, и я ничего не могу с собой поделать. Я наклоняюсь, мои руки обвиваются вокруг его шеи, все мои страхи и сомнения на мгновение исчезают. Я знаю, что они вернутся, я знаю, что ничто не может изменить то, как мы не подходим друг другу, но в этот момент остановиться невозможно. Запах цветов и древесного дыма наполняет мой нос, нас окружают мерцающие огни, когда руки Луки разглаживают шелк моего платья, и я чувствую, как моя кровь разогревается от желания, когда его язык проводит по моей нижней губе, побуждая меня открыть рот и позволить ему поцеловать меня глубже. К тому времени, как он отстраняется, я задыхаюсь, вкус его рта все еще на моих губах, и я смотрю на него в оцепенении.

— Ужин будет подан через минуту, — говорит Лука, беря меня за руку. Я чувствую, как мое обручальное кольцо вдавливается в его ладонь, когда он ведет меня к маленькому столу, стулья расположены так, что мы сидим рядом, а не напротив друг друга, когда занимаем свои места. Я оглядываюсь и мельком замечаю официанта в черном костюме, незаметно проходящего по палубе у буфета, где он, должно быть, хранит еду.

Конечно же, как только мы садимся, официант приносит две маленькие тарелки и ставит их перед нами вместе с бутылкой красного вина.

— Салат с весенней зеленью, козьим сыром, прошутто и горчичным соусом, — говорит он таким серьезным голосом, что мне почти хочется рассмеяться, протягивая Луке пробку от

вина, чтобы он понюхал.

Это все равно что пятизвездочный ресторан, но на частной крыше, в полном одиночестве.

— Это совсем как те рестораны на открытом воздухе, в которые я хотела пойти в Париже, — тихо говорю я, берясь за вилку. — Это все похоже на что-то из фильма или сказки.

— Я знаю, — говорит Лука, бросая на меня взгляд. — Я спросил Ану, какое свидание было бы идеальным для тебя, учитывая наши ограничения прямо сейчас. Что я мог бы сделать, не выходя из квартиры. И она рассказала мне о твоих планах поехать в Париж после окончания учебы. Планы, которые, конечно, разрушил наш брак.

Его голос звучит почти извиняющимся. Я не могу до конца осознать это, когда он наливает нам вино, огоньки отражаются от бокала, когда он протягивает его мне.

— Итак, ты попытался привести Париж ко мне? — Звучит нелепо, но, в конце концов, почему бы и нет? У Луки больше денег, чем у Бога. Он может делать все, что захочет. И по какой-то причине, после всего, он решил, что хочет сделать это для меня.

— Да. — Лука мгновение наблюдает за мной. — Ты знаешь, я никогда раньше этого не делал.

Я моргаю, глядя на него, на мгновение сбита с толку.

— Не ужинал на крыше?

— Нет. — Лука смеется. — Не делал свиданий.

— Что? — Честно говоря, я была всего на нескольких, но я знаю прошлое Луки. Он переспал с большим количеством женщин, чем целая армия мужчин, и у него никогда не было свидания? — Как это возможно?

— Я не хожу на свидания, — просто говорит он. — Я знаю, ты не хочешь слышать обо всех женщинах, с которыми я был. Я говорю это не для того, чтобы бросить тебе это в лицо. Но все эти женщины были теми, кого я подцепил на ночь. Кого-то я встречал на ужинах, кто-то привлек мое внимание в баре, кто-то сидел напротив меня в театре. У меня никогда не было проблем с поиском женщин, которые хотели пойти со мной на свидание, но я никогда не приглашал ни одну на свидание.

— Не поужинать? Не просто выпить? — Я не могу поверить в это. — Серьезно, у тебя в жизни первое свидание?

— Да.

Из всех вещей, которые, как я думала, он мог бы сказать мне сегодня вечером, это не было одной из них.

— Ты знаешь, что это не совсем обычное свидание, верно?

— Я так и предполагал, — ухмыляется Лука. — Но я не обычный мужчина.

— Я знаю. — Боже, неужели я сейчас скажу это... — Значит, я была девственницей, а ты был девственником, но в свиданиях? — И я начинаю смеяться. Ничего не могу с собой поделаться. — Мы просто удивительная пара.

— Могло быть и хуже. — Губы Луки кривятся, когда он пододвигает ко мне мой бокал с вином. — Что, по-твоему, нормальное свидание?

— Поужинать где-нибудь не слишком дорого. Может быть, бургерами. Кино. Или, в зависимости от того, какие у тебя отношения, можно приготовить пиццу дома и посмотреть что-нибудь по телевизору. Или, может быть, поиграть в настольную игру. — Я пожимаю плечами. — По крайней мере, это то, что я видела у Аны и ее парней. Я была всего на

нескольких свиданиях. Я тоже не совсем эксперт в этом.

— Что ж. Может быть, мы сможем научиться вместе. — Лука поднимает свой бокал. — За что мы должны выпить на нашем первом свидании?

Я совершенно потеряла дар речи. Я поднимаю свой бокал, но не могу подобрать ни единого слова.

— За попытку, — мягко говорит Лука, прикасаясь своим бокалом к моему, и мое сердце трепещет в груди так, как никогда раньше. Я делаю глоток вина. Оно вкусное, насыщенное и фруктовое, как раз нужное количество сухого, и, накалывая вилкой кусочек салата, я размышляю, во что это могло бы превратиться. Какой могла бы быть жизнь с таким мужчиной, как Лука, если бы я позволила себе наслаждаться ею.

Ясно, что простого выхода из этого нет. Даже если Росси и Братва больше не представляют угрозы, Лука ясно дал понять, что не намерен так просто отпускать меня. И после вчерашней ночи я знаю, что он будет еще менее склонен это делать.

После вчерашней ночи я уже не так уверена, что хочу уходить.

Еда вкусная, лучше всего, что я когда-либо пробовала, за исключением, может быть, еды на нашей свадьбе, но с таким же успехом это могло быть сделано из песка, учитывая, как мало мне это понравилось, я даже почти не помню, что подавали. Я чувствую, что понемногу расслабляюсь, когда официант приносит следующее блюдо: набор маленьких тарелочек с различными блюдами на них.

— Я попросил их составить дегустационное меню из блюд, которые ты могла бы заказать в Париже, — говорит Лука, подвигая ко мне одну из маленьких тарелочек. — Перепелка с черничным соусом. Утка с апельсином. Лосось, тушеный с лимоном. Гребешки в сливочном масле.

Я тянусь за вилкой, но вместо этого Лука вонзается в перепелиную грудку, подцепляет на вилку кусочек нежного мяса и подносит его к моим губам. Я моргаю, на мгновение пораженная, но послушно открываю рот, позволяя ему почти чувственно засунуть вилку мне в рот.

— Что думаешь? — Тихо спрашивает он, не отрывая своих зеленых глаз от моего лица.

— Восхитительно, — выдавливаю я. Мое сердце снова учащенно бьется, кожу покалывает. Он так близко ко мне, достаточно близко, что я чувствую тепло его кожи и вдыхаю аромат его одеколона, похожий на свежий соленый воздух и лимоны. Я хочу вдохнуть его, откинуть вилку с гребешками, которую он протягивает мне, и поцеловать его, с черникой на моем языке и красным вином на его.

Наверно так, влюбляются в кого-то? Наши ссоры, унижительная ночь перед нашей свадьбой и то, как я яростно восстала против всего, что он сделал, страх перед нашей брачной ночью и мой гнев, все это ощущается за миллион миль отсюда. Я не могу вспомнить, почему я почувствовала что-либо из этого. Сейчас меня завораживают звезды и мерцающие огни, насыщенный вкус еды, который тает у меня на языке, запиваемый дорогим вином. Ярко-зеленые глаза Луки изучают мое лицо, у всего окружающего мира такой вид, как будто он умоляет меня дать ему шанс. Я не понимаю почему. Почему изменилось мое сердце? Но трудно спрашивать об этом, когда я сама чувствую, как меняется мое собственное сердце, открываясь ему вопреки мне.

К тому времени, как приносят десертное блюдо, я чувствую, что готова на все, лишь бы он меня поцеловал. Официант ставит перед нами мраморный поднос, на котором разложены клубника, сыр и маленькие горшочки с крем-брюле и шоколадным муссом. Лука берет

клубничку, подносит ее к моим губам, и когда он кладет ее мне на язык, кончик его пальца касается моей нижней губы. Я издаю тихий звук и чувствую, как его рука ложится на мое колено, скользит вверх под юбку, когда он кладет клубнику себе в рот, его полные губы скользят по фрукту и напоминают мне о его губах на мне прошлой ночью, о поцелуях у меня между ног, пока я не потерялась в удовольствии, которого никогда раньше не испытывала.

Следующее, чем он меня кормит, чайная ложка шоколадного мусса. С каждым укусом его рука ползет вверх по моему бедру, кончики его пальцев скользят по моей нежной коже, пока я не начинаю задыхаться от желания, страстно желая, чтобы он прикоснулся ко мне.

— Вот, — говорит Лука, протягивая мне ложку. — Я хочу съесть свой десерт.

Он подмигивает мне, и на какую-то безумную секунду мне кажется, что он собирается скользнуть под стол и залезть мне под юбку, но вместо этого он просто тянется за своей баночкой с муссом, наблюдая в перерывах между откусыванием, как его пальцы наконец достигают верхней части моего бедра, задевая перед моих трусиков, и я чуть не давлюсь кусочком крем-брюле.

— О, — тихо бормочет он. — Кружево. Мое любимое.

Я не могу сдержать стон, который вырывается, когда его пальцы скользят под край стрингов.

— Ты такая влажная, — говорит Лука низким голосом. — Ты, должно быть, так сильно хочешь этого.

Нервно, я оглядываюсь через плечо, чтобы убедиться, что официант не смотрит, сильно прикусывая губу, когда пальцы Луки скользят по внешнему краю моей киски.

— Не волнуйся, он нас не видит, — тихо говорит Лука. — Пока ты не будешь шуметь, он даже не поймет, что происходит.

О боже. Тогда я точно знаю, что он планирует. На короткую секунду я подумываю о том, чтобы сказать ему остановиться, хотя не имею ни малейшего представления, сделал бы он это на самом деле. Но правда в том, что я не хочу, чтобы он останавливался.

Я чувствую, что нахожусь в какой-то дикой фантазии, пальцы Луки скользят вверх, когда я ощущаю вкус жженого сахара и сливок на своем языке, его указательный палец дразнит кончик моего клитора, когда я задыхаюсь, пытаюсь молчать, когда он надавливает, потирая все быстрее и быстрее. И все это время он продолжает есть свой десерт, как будто я не приближаюсь к краю оргазма здесь, под открытым небом, на крыше.

— Ммм, — стонет он, откусывая еще кусочек. — Так вкусно, ты не находишь? — Он искоса смотрит на меня, явно ожидая ответа, в то время как он просовывает два пальца по костяшки пальцев глубоко в мою киску, загибая их вверх, пока я сдерживаю стон, сжимаясь вокруг него, когда мое тело содрогается от удовольствия.

— Тебе это нравится? — Он улыбается, снова просовывая в меня пальцы, когда я тяжело сплываю, не в силах говорить. Если я что-нибудь скажу, я знаю, что буду стонать или кричать, на грани такого неконтролируемого удовольствия, что не знаю, как буду сдерживать его, когда наконец кончу.

— Да, — каким-то образом мне удается хныкать. — Да, это...это так... о боже, это так здорово. — Я слышу, как слова срываются с моих губ, затаив дыхание, как раз в тот момент, когда официант подходит к нам.

О, черт. Я думаю, Лука наверняка остановится. Конечно, он не будет продолжать с кем-то, кто стоит прямо рядом с нами. Несмотря на то, что его рука спрятана под белой скатертью, я не могу представить, как кто-то мог стоять рядом со мной и видеть мою

раскрасневшуюся кожу и вздымающуюся грудь и не знать, что происходит. Но, к удивлению, сервер, похоже, не обращает на это внимания.

— Вам нужно что-нибудь еще?

— Может быть, еще вина, — говорит Лука, его пальцы все еще движутся внутри меня, когда он быстрее трет мой клитор, и я с ужасом понимаю, что он намеренно подталкивает меня к оргазму. — Что бы ты предложил? Может быть, портвейн, пока доедаем десерт?

— Портвейн был бы идеальным, сэр. Я сейчас принесу его.

— Лука, пожалуйста... — Я задыхаюсь, когда официант уходит. — Пожалуйста...

— Пожалуйста, что? — Его глаза злобно блестят. — Ты хочешь кончить?

ДА. О боже, да. Я хочу кончить больше, чем чего-либо, чего я когда-либо хотела за всю свою жизнь. Я одновременно так близка и слишком далека от края.

Лука надавливает на мой клитор, его пальцы двигаются по этому чувствительному месту глубоко внутри меня, и я сдерживаю крик.

— Ты можешь кончать, когда захочешь, — бормочет он. — Но я не собираюсь останавливаться, даже когда он вернется.

Я чувствую, как меня накрывает электрический прилив, мое сердце колотится так сильно, что, я думаю, это должно быть видно под тонким шелком моего платья, и я не знаю, почему я вдруг завелась сильнее, чем когда-либо. Я чувствую, что вот-вот упаду, и как раз в тот момент, когда официант возвращается с бутылкой и двумя бокалами поменьше, Лука проводит большим пальцем по моему клитору, и я теряюсь.

Я не знаю, как я удерживаюсь от стонов. Я сильно прикусываю нижнюю губу, прижимаюсь к его руке, хватаюсь за край своего сиденья, прижимаюсь к его пальцам, чувствуя, как волна за волной накатывает на меня наслаждение. Я чувствую это до мозга костей, как оргазм нарастает и захлестывает меня. Каким-то образом, даже когда я беспомощно извиваюсь на пальцах Луки, испытывая оргазм, официант не пропускает ни единого удара.

— Будет ли что-нибудь еще?

Я тяжело дышу, лицо у меня красное, и я знаю, что не может быть, чтобы он не знал, что происходит. И почему-то это заводит меня еще больше.

— Нет, — спокойно говорит Лука, его пальцы все еще вцепились в мою киску, так что я даже не могу вывернуться, оттягивая оргазм. — Вообще-то, ты можешь идти. Рауль отблагодарит тебя.

— Хорошо, сэр.

Лука не отпускает меня, пока за официантом не закрывается дверь, и мы не остаемся одни на крыше. А затем он отодвигает свой стул назад, вытаскивает руку из-под моей юбки и, к моему шоку, подносит пальцы ко рту.

Боже мой. Мой муж-миллиардер, главарь мафии, сидит напротив меня, облизывает свои пальцы с тем же выражением лица, которое я видела, когда он ел десерт. Я настолько далека от того, чтобы отключиться, насколько я когда-либо была. Если уж на то пошло, я так же отчаянно нуждаюсь в нем, как и раньше, хотя он заставил меня кончить еще сильнее, чем прошлой ночью.

Я смотрю вниз и вижу, что он заметно, очевидно возбужден, его член упирается в переднюю часть брюк от костюма толстым бугорком, отчего у меня пересыхает во рту, когда я вспоминаю, как он ощущался внутри меня прошлой ночью. Словно читая мои мысли, Лука тянется к ширинке, расстегивает молнию и вытаскивает свой член. Его рука обхватывает ее

по всей длине, поглаживая один раз, пока его глаза блуждают по моему телу.

— Сними трусики, — говорит он, и я чувствую, что не могу дышать.

— Я...

— София. — В его голосе есть те темные, хриплые нотки, которые я запомнила с прошлой ночи, и я ни за что на свете не смогла бы сказать ему нет в этот момент. Я никогда в своих самых смелых мечтах не представляла, что делаю что-то подобное. И все же, когда я смотрю на великолепного мужчину, сидящего рядом со мной, небрежно поглаживающего себя и смотрящего на меня так, словно я самое красивое создание, которое он когда-либо видел, все, что я хочу сделать, это именно то, о чем он просит.

Я молча встаю, задирая юбку, чтобы можно было дотянуться и снять стринги.

— Что мне с ними делать? — Задыхаясь, шепчу я, и глаза Луки темнеют, когда он видит кружева в моей руке.

— Положи их на стол. Подними юбку и раздвинь ноги, чтобы я мог тебя видеть.

Я не должна этого хотеть. Я хорошая девочка. Я получала хорошие оценки, читала "Гордость и предубеждение" вместо дрянных любовных романов. Мне нравятся романтические фильмы. Это все не должно меня заводить. Но это так. Я полностью растворяюсь в звуках голоса Луки, скользящих по моей коже, как шелк дорогого платья, которое он купил мне, и, не колеблясь, я делаю, как он сказал.

Я тоже не просто подчиняюсь. Я не знаю, что заставляет меня медленно, даже соблазнительно, поднимать юбку, с каждым дюймом раздвигая бедра немного шире, так что Луке приходится ждать самую малость. Я чувствую себя сильной, глядя на его лицо, выражение нетерпеливой похоти, но он не говорит мне идти быстрее. Я понимаю, что ему это нравится, когда я приподнимаю шелк в цветочек, и когда я, наконец, поднимаю его достаточно высоко, чтобы он мог видеть мою голую, блестящую киску, он громко стонет.

— Просто останься так на минуту, — бормочет Лука, его голос хриплый от желания, когда он начинает поглаживать немного быстрее, его рука сжимает толстый член. — Блядь... ты прекрасна, София.

Я не знаю, что на меня находит, но, когда я вижу выражение его лица, мне внезапно хочется доставить ему удовольствие. И более того, я тоже возбуждена, мое тело горит от желания. Я чувствую, какая я влажная, даже не прикасаясь к себе, и когда я опускаюсь, скользя пальцами по своей киске, я громко стону от малейшего прикосновения. Я так возбуждена, что ничего не могу с этим поделать.

— Черт, София... — Лука стонет, его глаза расширяются, и это только делает меня храбрее. Я раздвигаю себя двумя пальцами, позволяя ему увидеть мою киску еще больше, мой ноющий клитор виден, когда я провожу по нему пальцем.

— Это так приятно, — хнычу я, слова вырываются прежде, чем я успеваю их остановить, и челюсть Луки сжимается, когда он сжимает руку вокруг своего члена.

— Ты нужна мне, — шепчет он. — Иди, сядь ко мне на колени, София. Мне нужно, чтобы мой член был внутри тебя сейчас же.

Словно во сне, я встаю, одной рукой приподнимаю юбку и перекидываю ногу через него. Стул с моими каблуками достаточно высок, чтобы мои ноги касались пола. Я наваливаюсь на него сверху, наши губы всего на расстоянии вдоха друг от друга, когда я чувствую, как он наклоняет свой член между моих бедер, головка скользит по моей намокшей плоти.

Внезапно я понимаю, что у меня все под контролем. Я на вершине, и когда Лука жадно

смотрит на меня, его свободная рука запутывается в распущенных локонах моих волос, я отбрасываю всякую осторожность на ветер.

Я хочу его. И я не собираюсь с этим бороться.

Я наклоняюсь вперед, чтобы поцеловать его, моя рука обвивается вокруг его затылка в тот же момент, когда я опускаюсь к нему на колени, вбирая в себя каждый дюйм его члена, когда я громко стону, мои бедра сжимаются по обе стороны от него.

И, боже, это так чертовски приятно.

ЛУКА

Думаю, я так же шокирован действиями Софии, как и она сама. Девушки, которая дрожала в моих руках, когда я впервые поцеловал ее, которая покраснела, когда я наклонил ее над диваном, которая сухо сказала мне “покончить с этим” в нашу первую брачную ночь, нигде не видно. Неприкрытое желание на ее лице, когда она подчиняется моим инструкциям поднять юбку, самая возбуждающая вещь, которую я когда-либо видел, и это то, что заставляет меня предложить ей забраться ко мне на колени. На этот раз я хочу увидеть, что она делает, когда контролирует ситуацию. Когда все решения о том, что мы делаем, или не делаем, зависят от нее.

Когда она скользит по мне, ее бедра сжимают мои, и у меня почти кружится голова от вожделения. Когда она целует меня, это толкает меня к краю. И когда София скользит вниз, насаживаясь на мой ноющий член, я теряю всякий контроль.

Я планировал заставить ее кончить снова, но в ту минуту, когда я чувствую, как ее бархатное тепло окутывает меня, я понимаю, что у меня не так много времени. Я просовываю руку между нами, лихорадочно потирая ее клитор, пока она неопытно насаживается на меня сверху, ее неуклюжий ритм ясно показывает, что она никогда не делала этого раньше, но это не имеет значения. Она могла бы сидеть совершенно неподвижно, и я был бы на грани того, чтобы излить в нее свою сперму. Покачивания ее бедер, покачивания ее груди под шелковым платьем и ощущения ее руки на моем затылке, ее губ, захватывающих мои, когда она впервые берет на себя заботу обо мне, более чем достаточно.

— Я собираюсь кончить, София, — настойчиво шепчу я, другая моя рука запутывается в ее волосах. — Пойдем со мной, кончи, детка, пожалуйста...

Я не могу поверить в то, что говорю. Мне смутно приходит в голову, что я только что впервые в жизни назвал женщину ласкательным именем, что это я умоляю о ее оргазме, но мне уже все равно. Ничто и никогда не было так приятно, как то, как София опускается на мой член, и ее киска прижимается ко мне, когда она принимает меня всего в свое тело, а ее язык переплетается с моим... и тут я теряю всякий контроль.

Я стону напротив ее рта, крепко хватая ее за бедра с почти первобытным инстинктом, прижимая ее к своему члену, когда я извергаюсь внутри нее, вся моя длина пульсирует от волн удовольствия, таких интенсивных, что в уголках моего зрения немного темнеет. Мне никогда не было так тяжело, никогда не было настолько тяжело, и я стону в рот Софии, прижимая ее к своей груди. Клянусь, я чувствую, как ее сердце бьется рядом с моим, и я не

хочу останавливаться. Я не хочу когда-либо отпустить ее, когда-либо выскальзывать из нее, когда-либо прекращать чувствовать этот ошеломляющий порыв.

Чувства к ней, это лучшее, что я когда-либо испытывал за всю свою жизнь.

Когда София соскальзывает с моих колен, я встаю, быстро приводя себя в порядок, прежде чем подхватить ее на руки. Как будто кто-то другой завладел моим телом, когда я несу ее вниз по лестнице, ее ошеломленные глаза смотрят в мои, когда она прижимается ко мне.

— Это было хорошо, — шепчет она, наклоняясь, чтобы коснуться губами основания моего горла, и я чувствую стеснение в груди, которого никогда раньше не чувствовал.

Я несу ее всю дорогу до ванной в нашей главной спальне и осторожно опускаю на пол, убирая волосы с ее лица, когда наклоняюсь, чтобы поцеловать ее. Ее губы приоткрываются под моими, и я смутно осознаю, что делаю то, чего поклялся никогда не делать, заводя романы с женщинами так, как избегал этого всю свою жизнь.

Но она не просто случайная женщина. София. Моя жена.

И, кажется, я не могу остановиться.

Я открываю краны в ванной, позволяя горячей воде литься в гидромассажную ванну, и опускаюсь на одно колено.

— Ты снова делаешь предложение? — говорит София со смехом. — О, подожди, ты никогда этого не делал. — Ее глаза озорно блестят на мне, и я дразняще смотрю на нее.

— Осторожнее, женщина, — предупреждаю я ее. — Или ты снова окажешься связанной в постели и будешь умолять.

— О, это было бы ужасно, — говорит София насмешливым тоном, и я не могу удержаться от смеха.

— Ты сведешь меня в могилу. — Я расстегиваю одну ее туфлю, затем другую, ожидая, что она отбросит их в сторону, прежде чем я встану и потянусь к ее молнии. Я слышу ее стон, когда снимаются туфли, звук удовольствия, который звучит так же, как тот, который она издала, когда скользнула вниз по моему члену, и я чувствую, как пульсирую в ответ.

Никому еще не удавалось возбуждать меня так быстро. Я чувствую себя наполовину безумным от желания к ней, делая то, что никогда не мог себе представить. Когда молния расстегивается до упора, платье соскальзывает с ее изгибов и падает на пол, шелк и шифон стоимостью десять тысяч долларов кучкой валяются на полу в моей ванной, но мне все равно.

Я куплю ей еще дюжину. Это не имеет значения.

— Налей немного пены для ванны, — говорю я ей. — Я вернусь через минуту.

Когда я возвращаюсь, я вижу Софию уже в ванне, пузыри пенятся вокруг ее обнаженной груди, когда она укладывает волосы на макушке. Она улыбается мне, ее красная помада стерта, и губы окрашены чуть розовее, чем обычно, ее глаза скользят по моей груди. Я снял галстук и пиджак и расстегнул первые несколько пуговиц по пути внутрь, и то, как ее глаза раздевают меня догола, заставляет меня пожалеть, что я не снял все это. Но сначала мне нужно сделать кое-что еще.

— У меня есть для тебя подарок, — говорю я ей, присаживаясь на край ванны. — Я хотел отдать его тебе наверху, но я отвлекся.

Глаза Софии расширяются, когда я вручаю ей тонкую бархатную коробочку.

— Лука, ты не должен был...

— Я знаю. — Я улыбаюсь ей. — Но я хотел тебя немного побаловать. Я знаю, что для

тебя это было нелегко. Мы пытаемся сделать это лучше, так что... это было то, что я придумал сделать. — Я делаю паузу, глядя в ее большие темные глаза, все еще окруженные косметикой и окаймленные длинными ресницами. — Я не могу сказать тебе, что люблю тебя, София. Но это то, что я хочу.

Она прикусывает нижнюю губу, и я могу сказать, что она хочет что-то сказать. Но вместо этого она просто смотрит на коробку, ее глаза полны эмоций, которые я не могу полностью прочесть. Наконец, она берет ее у меня из рук и открывает, задыхаясь, когда видит, что внутри.

На синем бархате лежит браслет из белого золота, украшенный связанными маргаритками с желтыми бриллиантами в центре и белыми бриллиантовыми лепестками, каждый размером с мой большой палец, которые сверкают в свете ламп в ванной.

— Лука! Это прекрасно, но...

— Никаких но, — твердо говорю я, протягивая руку, чтобы забрать коробочку у нее из рук. Я вытаскиваю бриллиантовый браслет, беру Софию за запястье и надеваю на него его. Ее запястье в моей руке кажется легким и изящным, и она резко вдыхает, когда я сжимаю его.

— Это слишком, Лука. Я не сделала ничего, чтобы заслужить это...

— Тебе не обязательно заслуживать красивых вещей.

— Но ты сказал...

— Забудь, что я сказал, — резко говорю я ей, вставая, чтобы расстегнуть рубашку. — Давай забудем все, что произошло до прошлой ночи. Все, что мы сделали, все, что мы сказали. Мы начинаем заново. Пробуем что-то новое.

В глубине души я знаю, что это ужасная идея. Невозможно забыть то, что мы сказали друг другу, обстоятельства, при которых мы поженились, ужасный клубок предательства, крови и смерти, который заставил нас стоять рука об руку в соборе Святого Патрика и произносить друг другу клятвы, которых мы не имели в виду. Но, кажется, я не могу остановиться.

Снимая с себя остальную одежду, я вхожу в ванну, погружаясь в горячую воду вместе с Софией. Когда я притягиваю ее к себе, чувствуя, как мой член снова поднимается от прикосновения ее теплой, влажной кожи к моей, я не могу сожалеть о выборе, который я делаю.

Даже если я знаю, что все это рано или поздно рухнет.

* * *

Превыше всего я знаю, что мне нужно помириться с Виктором. Помня об этом, я провожу следующие дни, пытаюсь связаться с Левиным, чтобы снова попытаться поговорить с Виктором. Ярость, которую я почувствовал в ту ночь, когда вернулся домой к Софии после вторжения злоумышленника, не утихла, я хочу убить его так сильно, как никогда, но, в отличие от Росси, я знаю, что это не ответ. Убрать Виктора не так просто, как просто отправиться за ним или подослать убийцу ночью, и у меня нет желания видеть, как еще десятки моих людей погибнут, пытаюсь его свергнуть. Все, чего я хочу, это положить этому конец, установить мир, который убережет кого-либо еще от смерти.

Росси считает, что месть того стоит. Я не согласен.

Я был у него еще раз. Каким-то образом он услышал о злоумышленнике, и удовлетворение на его лице, когда он спросил меня, понимаю ли я теперь, почему он хотел, чтобы они все умерли, вызвало у меня желание ударить его. Но я не собираюсь бить

выздоровливающего старика на его больничной койке, поэтому я проигнорировал это точно так же, как я проигнорировал его настойчивость в том, чтобы мы как можно чаще воевали с русскими.

— Я ищу решение, — повторял я ему снова и снова, даже когда его стареющее лицо покраснело от гнева. — Я встретился с Виктором однажды. Я собираюсь попытаться сделать это снова.

Мы с Виктором встречаемся на нейтральной территории, возле небольшого пруда в менее посещаемой части Центрального парка. То ли из-за солнечного света, то ли из-за стрессов последних недель, я замечаю, что он выглядит немного старше, чем обычно, седеющие волосы на висках более заметны, слабые морщинки вокруг глаз немного глубже. На его подбородке щетина с проседью, и мне доставляет минутное удовольствие думать, что, возможно, все это действует на него так же сильно, как и на меня.

— Я надеюсь, у тебя есть что обсудить, Лука, — мрачно говорит Виктор, когда я подхожу, моя охрана отстает. Я вижу, как они внимательно наблюдают за охранниками Виктора, но я надеюсь, что сегодня не будет никакого конфликта. Я здесь не для того, чтобы затевать драку, если он не вынудит меня.

— Поскольку мира по-прежнему нет, все, что мы скажем, будет новым, — говорю я ему категорично. — Кто-то пытался убить мою жену несколько ночей назад. Ты признаешь, что это был ты?

Виктор пожимает плечами.

— Сколько у тебя врагов, Лука?

— Насколько я знаю, только Братва, а ты есть Братва. Так что, только ты, Виктор. Но я не хочу, чтобы мы были врагами.

— Я не представляю, как мы когда-нибудь станем друзьями. — Виктор приподнимает кустистую бровь. — Слишком много вражды между итальянцами и русскими, мафией и братвой. В мире недостаточно воды, чтобы смыть все, что мы пролили.

— Нет, — соглашаюсь я. — Но мы могли бы позволить этому исчезнуть само по себе. Мы могли бы отказаться что-то добавить к этому. — Я делаю глубокий вдох. — Чего ты надеешься достичь этим, Виктор? Конечно же, ты не можешь думать, что убийство моей жены, мудрый ход.

— Легко. Вашей территорией можно управлять. Вашим бизнесом можно наживаться. Вашими женщинами можно торговать. — Виктор пожимает плечами. — Чего тут не хотеть?

— Ты действительно думаешь, что сможешь все это вынести? Этот конфликт время от времени продолжается десятилетиями, Виктор с тех пор, как наши отцы вели эти разговоры вместо нас. Давай покончим с этим раз и навсегда. Давай станем теми, кто установит мир вместо войны.

— Ты предлагаешь слова и ничего больше, — говорит Виктор, его слова окрашены гневом. — Ты, должно быть, считаешь меня слабаком, раз согласился на такое.

— Я предложил тебе деньги и наркотики, доступ к части наших поставок кокаина, — нетерпеливо возражаю я. — Это не пустяки, Виктор. Ты говоришь, что это я мешаю нам заключить мир, но это ты отказываешься принять разумные условия.

— Я сказал тебе что или, скорее, кого я приму в качестве цены за мир. — Виктор сердито смотрит на меня. — Я слышал, что ты убедил своего бестолкового ирландского священника перенести даты свадьбы, но Катерина Росси все еще не замужем. Отдай мне в

жены девушку Росси, и нога моих людей не ступит на итальянскую территорию в течение ста лет. Я включу это в гребаный брачный контракт.

Черт возьми.

— Я не могу сделать это, — рычу я сквозь стиснутые зубы. — Я не меняю и не продаю женщин так, как это делаешь ты. Катерина не моя, чтобы отдавать ее тебе.

Виктор издевательски смеется, но я вижу, как к его горлу подступает гневный румянец.

— Вы, гребаные итальянцы, — рычит он, сплевывая на землю у моих ног, прежде чем поднять на меня ледяной взгляд. — Вы думаете, что вы намного лучше нас, русских, поскольку не торгуете человеческой плотью. Но вы ничем не отличаетесь. Вы делаете рабынь и шлюх наркоманками, которых продаете точно так же, как мы делаем с женщинами, которых выставляем на аукцион. На ваших руках столько же крови от оружия, которым вы торгуете, сколько у любого из моих людей.

— Это не то же самое.

— Это то же самое, ебанная сука. — Виктор снова сплевывает. — Ты и твои итальянские друзья думаете, что вы такие утонченные, такие элегантные, такие гораздо более сдержанные. Вы думаете, что мы, русские, не более чем жестокие собаки, которых нужно наказывать или усыплять, когда мы слишком плохо себя ведем. Но мы не собаки. Мы волки, медведи. Волки. Медведи. И, по крайней мере, я и мои люди честны сами с собой в том, кто и что мы есть.

— Ты делаешь невозможным установление мира, Виктор...

— Мира не будет! — Рычит Виктор. Его льдисто-голубые глаза сердито сверкают, и я вижу, как его поза становится жестче, окаменев от гнева. Вражда между нами, которая длилась несколько поколений, больше не кипит, а набирает обороты. — И когда ты и ирландский ублюдок, которого ты называешь другом, умрете, я заберу обеих ваших жен себе. Я буду трахать их рядом друг с другом, пока они будут смотреть на ваши трупы. Я трахну их в лужах вашей крови, а затем решу, кого я назову женой, а кого любовницей. — Он дергает головой в сторону своих охранников. — Пойдем, — рычит он. — Пойдем. Оставим этого динозавра в покое. — Его акцент сильнее, чем когда-либо, когда он говорит, и, хотя я хочу попытаться остановить его, что-то предостерегает меня от этого, но все равно, когда я смотрю, как он уходит, я чувствую, как мое сердце замирает. Больше никакой крови. Я не хочу видеть, как умирает еще один из моих людей. Джио все еще в больнице, борется в критическом состоянии. Я не хочу смерти и разрушений, которые, я знаю, последуют.

Я не могу отдать ему Катерину, хотя, не больше, чем я мог или дал бы ему Софию. Что ставит меня в невозможное положение. Невозможно знать, что принесут грядущие дни. Но я знаю одно наверняка...

Я не позволю Виктору причинить вред Софии.

Нет, если даже это убьет меня.

СОФИЯ

Следующие несколько дней с Лукой кажутся нереальными. Они кажутся какой-то фантазией, лихорадочным сном, потому что они так сильно отличаются от тех, что мы

провели вместе до "незваного гостя". Однажды утром я просыпаюсь с запиской на подушке рядом со своей, в которой говорится, что он рано ушел в офис и что он хочет, чтобы я запланировала "свидание своего типа" сегодня вечером. Это, как если бы он просмотрел несколько романтических сериалов, чтобы выяснить, что может понравиться женщинам, свидание на крыше, ванна с пеной, бриллиантовый браслет, записка утром. Но я не могу заставить себя обращать на это внимание. Браслет глупо ослепляет, но я не хочу его снимать. Я ловлю себя на том, что надеваю его каждое утро, каким бы неуместным он ни был с моими простыми обручами и изящным ожерельем в виде креста. Я ловлю себя на том, что пробегаюсь пальцами по тексту, думая о том, как Лука кормит меня перепелками на крыше, как его рука залезает мне под юбку, как потом он несет меня вниз по лестнице.

Я знаю, что мне нужно прийти в себя, но я не хочу. Даже Катерина немного улавливает суть, спрашивая меня, когда мы сидим в гостиной, планируя детали ее свадьбы, ладим ли мы с Лукой сейчас лучше. Я говорю ей "да", слегка краснея, и знаю, что должна спросить ее о ней с Франко, но не делаю этого. В любом случае, она уже рассказала мне то, чем, как я понимаю, она готова поделиться. Франко вернулся домой с мальчишника, даже не извинившись за то, что так долго не появлялся, сказав, что доверял телохранителям Луки, и посмотрите, она была жива, на ней не было ни царапины, не так ли? Катерина говорит об этом так, как будто она должна была ожидать, что он отнесется к этому как к пустяку, но я вижу, как она разочарована своим женихом. Она никогда не ожидала грандиозного романа, но я знаю из того, что она рассказала мне, что она, по крайней мере, надеялась, когда ее выбирал кто-то близкий ей по возрасту, что это будет лучший брак, чем мог бы быть в противном случае, брак со взаимным уважением, хорошим сексом и немного смеха и веселья вместе. Какой брак мог бы быть у девушки, которая сделала тайком минет своему новому жениху на заднем сиденье лимузина на обратном пути после предложения руки и сердца, и парня, который отвез ее на вечеринку после помолвки в их любимый бар. Брак, где они могли бы оставить о себе хорошие воспоминания, пока возраст, ответственность и дети не настигнут их. Но ясно, что Франко не намерен относиться к своей невесте иначе, как к чему-то, чем она ему обязана, и даже не как к призу, которым она является. Это меня злит, я не так хорошо знаю Франко, но мне показалось, что он был веселым и достаточно милым, когда я встречалась с ним мельком до этого и на моей собственной свадьбе. Однако очевидно, что все это было шоу на благо всех остальных.

Однако Катерина, похоже, смирилась с этим, вложив всю свою энергию в то, чтобы спланировать свадьбу как можно лучше. Мы добавляем в нее как можно больше мелких штрихов, которые понравились бы ее матери, фиалки в центре, поскольку это были любимые цветы Джулии, меню, которое она составила. У Катерины есть украшения, которые она планирует надеть со свадебным платьем, которое они выбрали вместе. Она держит себя в руках лучше, чем я могла от нее ожидать.

Тем временем, Лука и я, кажется, существуем в каком-то подвешенном состоянии отношений, почти как будто мы играем в "Быть вместе", и в "дом". Когда мы с Катериной заканчиваем планирование и она уходит домой, я начинаю готовиться к свиданию на вечер с Лукой, хотя и думаю, насколько это нелепо. Я замужем за человеком, возглавляющим всю итальянскую мафию, а я пытаюсь угадать, какая начинка для пиццы может понравиться ему, потому что хочу удивить его тем, что я выберу для нашего совместного ужина.

Мы даже не можем покинуть пентхаус. Мы планируем свидания в этом странном пузыре, внутри которого мы заперты. Тем не менее, каждый раз, когда я начинаю спорить

сама с собой о том, почему я должна уйти, почему я должна перестать спать с ним, почему я должна оттолкнуть его, я не могу не думать... я наслаждаюсь им. Так почему бы не продолжать это делать?

Лука приходит домой, а я в джинсах с высокой талией и белой майке, завязанной выше пупка, босиком, с бриллиантовым браслетом, который он мне подарил, на запястье, и мои волосы собраны в высокий хвост. Его рука обхватывает этот конский хвост, когда я поднимаюсь на цыпочки, чтобы поцеловать его, посылая через меня трепет, который я никогда не представляла, что буду испытывать с ним.

Наше свидание, это пицца в кинозале и комедия, которую я выбрала, потому что она легкая и веселая, а также попкорн и конфеты из кинотеатра.

— Это все, что я смогла придумать для того, чтобы мы сходили в пиццерию и кино, — смеясь, говорю я Луке. — Но теперь мы женаты, так что, думаю, пригласить тебя в гости, это нормально.

Он улыбается искренней улыбкой, которая выглядит почти неуместно на его точеном лице, и снова целует меня. Он продолжает целовать меня всю ночь, в перерывах между откусыванием пиццы, когда на его нижней губе все еще остается соус, и после того, как мы угощаем друг друга попкорном, и он большим пальцем стирает шоколад с уголка моего рта. Он целует меня на протяжении всего фильма, пока в какой-то момент я не оказываюсь у него на коленях, прижавшись к его груди, пока мы смеемся вместе с парой на экране.

Это кажется таким странно нормальным, что я не знаю, что с этим делать. Он немного дразнит меня в кинозале, его рука на моем бедре и через плечо, иногда сжимает мою грудь. Я прекрасно понимаю, что это та самая комната, где он застукал меня за игрой с самой собой. Я наполовину задаюсь вопросом, попытается ли он воссоздать это, но вместо этого, когда фильм заканчивается, мы еще немного обнимаемся, а затем отправляемся в постель. Секс, конечно, есть... мы занимались сексом по крайней мере один раз каждую ночь с тех пор, как он прилетел ко мне домой, но это медленнее и менее дико, чем свидание на крыше. Лука, словно пытаюсь заняться “нормальным” сексом на “обычном” свидании, долго целует меня в постели, доводя меня пальцами до оргазма и позволяя мне исследовать его. Проводит рукой вверх и вниз по своему толстому, твердому члену, пока он не скользит вниз по моему телу и не опускается на меня, медленно облизывая меня, пока я не кончаю во второй раз. Только после этого он натягивает презерватив и входит в меня, трахая меня долго и медленно в миссионерской позе, пока мы оба не оказываемся близко к оргазму. Затем он закидывает мои лодыжки себе на плечи, отводит мои ноги назад, чтобы он мог целовать меня, пока он глубоко входит в меня, заставляя меня беспомощно стонать напротив его рта, когда он жестко кончает. Я тоже кончаю, мое тело реагирует, когда он стонет, его член пульсирует, когда он трется обо меня, и когда мы потом падаем на кровать, он не перекачивается на свою сторону кровати.

Мы засыпаем, рука Луки перекинута через мой живот, моя голова положена на его плечо. Это настолько невероятно нормально, что я могу ненадолго забыть, кто он и кто я, почему мы женаты, и что я фактически нахожусь под домашним арестом, потому что русский мафиози хочет моей смерти.

Настает день свадьбы Катерины.

Нет никакого способа избежать необходимости покинуть пентхаус. Она точно не может выйти замуж в нашей гостиной, и я почти уверена, что это расширило бы возможности даже отца Донахью. Итак, вместо этого Лука неохотно отправляет меня в дом Росси, чтобы

помочь ей собраться, пока он встречается с Франко в церкви, и за мной следит столько охраны, что президент позавидует.

— Будь осторожна, — говорит он, когда мы расходимся, крепко целует меня, прежде чем открыть дверь, чтобы я села в машину, которая везет меня в дом Росси. — Я не хочу, чтобы с тобой что-нибудь случилось.

— Со мной все будет в порядке. — Я слегка машу ему рукой, когда закрывается дверь, прислоняясь спиной к прохладной коже. У меня почти кружится голова от того, что я впервые за несколько недель выхожу из пентхауса. Наблюдая за тем, как город проносится мимо, пока мы едем к особняку Росси, я чувствую, что не могу перестать улыбаться. Катерина поднимает бровь, увидев выражение моего лица, когда я вхожу в парадную дверь, и она приветствует меня.

— Ты выглядишь счастливее, чем я, — иронично говорит она. — Давай, давай собираться.

Поскольку я единственная, кто стоит рядом с ней у алтаря, Катерина сказала мне выбрать для своего платья все, что я захочу. Я выбрала фиолетово-голубое платье в пол без бретелек с кружевной лентой на талии в тон цветам, собрала волосы в гладкую прическу, в ушах у меня бриллиантовые заклепки, а на запястье браслет Луки... ничего слишком броского. Я не хочу затмевать Катерину. Даже если ее брак, похоже, будет не таким, как она надеялась, я хочу, чтобы день ее свадьбы был настолько идеальным, насколько это возможно.

Она выглядит как королева в своем свадебном платье, которое было переделано и идеально подогнано по фигуре, так что тяжелая, богатая ткань облегает ее фигуру вплоть до пышной юбки, ее ключицы и плечи элегантно выделяются над вырезом с открытыми плечами. На ней потрясающе смотрятся рубиновые украшения ее матери: овальные серьги, окруженные ореолом бриллиантов, и длинное кольцо с рубином размером с яйцо на бриллиантовой нити. И все же, глядя на блестящие красные камни на ее коже, я не могу не думать, что они похожи на кровь. Это заставляет меня немного дрожать.

В последний раз, когда Братва предприняла полномасштабную атаку, это было на следующее утро после моей свадьбы. Ни Катерина, ни я не хотели даже упоминать о такой возможности, но пока мы идем к машине, я вижу, что она бледнее обычного. Нервничает ли она из-за самой свадьбы или из-за возможности нового нападения, я не знаю и не хочу спрашивать, но, когда я вручаю ей букет за пределами церкви, я вижу, как у нее дрожат руки.

Собор Святого Патрика битком набит, все гости, которых можно было бы пригласить, присутствуют, несмотря на возможность нападения братвы. Бруно Росси, дядя Катерины, ведет ее к алтарю вместо ее отца, которого до сих пор не выписали из больницы. По крайней мере, мы так думали. Но когда я начинаю свой путь по проходу под руку с Лукой, в разгар свадебной вечеринки, я вижу Росси в задней части церкви, в инвалидном кресле, и он выглядит очень потрепанным... но он здесь.

Конечно, он не пропустил бы свадьбу своей дочери, если бы была хоть малейшая возможность быть здесь, говорю я себе. Но все же, увидев его снова во плоти, я чувствую беспокойство, мои пальцы внезапно начинают дрожать от нервов. Лука смотрит на меня так, как будто чувствует, что я дрожу.

— Все в порядке, — тихо говорит он под музыку. — Он настоял на том, чтобы его временно выписали из больницы. Но он вернется после церемонии. Он еще недостаточно окреп, чтобы быть на приеме.

Я понимаю, что Лука думает, что я беспокоюсь о благополучии Росси, когда на самом деле я беспокоюсь о том, что он вообще здесь, и повысит ли это вероятность нападения Братвы, если произойдет что-то еще. Я не доверяю Росси. Но в глубине души я не думаю, что первое будет так. Если есть кто-то, на кого Виктор хотел бы напасть сейчас, так это Лука. Без него кресло перешло бы к Франко и, в частном порядке, я не очень верю в способность Франко управлять организацией. Меня удивляет, что Лука так делает.

Во время церемонии нет того напряжения, которое было у нас с Лукой. Это не принудительный брак несмотря на то, что он был организован, и Катерина, и Франко вступают в него добровольно. Они произносят свои клятвы четко и твердо, и, хотя я знаю, что Катерина недовольна тем, как Франко вел себя в последнее время, это не заставило ее дрогнуть. Вот кого выбрали для нее, и она, кажется, приняла это, но, когда они произносят клятвы друг другу, я ловлю на себе взгляд Луки, его лицо непроницаемо. О чем он думает? Интересно, эти слова эхом отдаются в моих ушах и напоминают мне о том дне, чуть больше месяца назад, когда я стояла там, где сейчас Катерина, покачиваясь на каблуках от Louboutin, повторяя эти клятвы, зная, что я лгу, что у меня не было намерения сдержать ни одну из них. И я уверена, что книга Луки была такой же пустой.

И что теперь? Я не могу не задаться вопросом, изменилось ли что-нибудь. Хороший секс не создает брак, особенно между кем-то вроде меня и кем-то таким сложным как Лука. Он не изменил своей убежденности в том, что не может любить меня, что наш брак никогда не сможет быть ничем иным, кроме, в лучшем случае, похотливого общения, в котором мы оба ладим.

Однако, когда он смотрит на меня, наблюдая за тем, как Катерина и Франко повторяют любить, почитать и лелеять, обладать и удерживать, в болезни и здравии, к лучшему или к худшему, пока смерть не разлучит их, в это трудно поверить. Когда Катерина говорит “повиноваться”, я вижу затуманенный взгляд в его глазах, тот, который напоминает мне о том, как я подчинялась ему, о том, что я делаю, когда его голос ласкает мою кожу, говоря мне уступить его похотливым требованиям. Но я думаю и о других вещах. Я думаю о мерцающих огнях на крыше, о том, как Лука говорит мне, что он подарил мне Париж. Я думаю о том, как мы кормим друг друга попкорном и смеемся над глупыми шутками в плохом комедийном фильме. Я думаю о Луке за обеденным столом, рассказывающем мне, как он провел всю свою жизнь, защищая своего лучшего друга.

Новая должность Луки — одинокое место. Теперь я это понимаю. Франко, его лучший друг, но он также теперь правая рука Луки, тот, на кого Лука должен положиться, чтобы поступить правильно, когда Луки нет рядом, чтобы сделать это. Он больше не может прикрывать Франко. Он должен продолжить наследие, которое отец Катерины создавал годами, а затем передать его сыну своего заместителя босса. Это не совсем справедливо, не так ли? Я впервые задумалась об этом. Лука проведет свою жизнь, защищая наследие, которое он не передаст никому из своих соплеменников. Никто толком не объяснил мне, почему это так, почему Луке не разрешают иметь собственных детей, почему он, по сути, заботится о теплом месте для будущего, подающего надежды, ребенка Франко.

Мне не приходило в голову спрашивать, потому что я не собиралась когда-либо спать с Лукой. Я не собиралась даже разговаривать с ним больше, чем необходимо, не говоря уже о том, чтобы снова и снова ложиться с ним в постель. По крайней мере, мы предохранялись, я думаю, помня о коробке презервативов, которую Лука принес домой на прошлой неделе, поскольку мы, по-видимому, израсходовали то, что осталось от его заначки.

— Я объявляю вас мужем и женой, — говорит отец Донахью, прерывая мои мысли, которые совершенно неуместны для церкви, и Франко заключает свою новобрачную в объятия, крепко целуя ее. Я вижу, как Катерина слегка наклоняется навстречу поцелую, и я надеюсь, что независимо от того, какие проблемы у них могут возникнуть, она сможет обрести немного счастья в этом новом браке.

Когда они идут по проходу, раздаются одобрительные возгласы, все встают, когда они идут рука об руку к дверям церкви, и я вижу, как Катерина улыбается своему отцу, когда мы все выходим на солнечный свет. С ним находится санитарный врач, и когда мы все стоим на ступенях церкви, я вижу, как его выкатывают, и Катерина поворачивается, чтобы тихо поговорить с ним.

— Они сейчас заберут его обратно в больницу? — Тихо спрашиваю я Луку, и он кивает.

— Мои люди обыскивают отель перед регистрацией, — добавляет он себе под нос. — Как только все прояснится, мы отправимся туда.

Я могу сказать, что он изо всех сил старается сделать сегодняшний день как можно более спокойным для Катерины и Франко, чтобы как можно меньше напоминать об опасности, нависшей над всеми нами, опасности, которая унесла ее мать, насколько это возможно. Это то же самое, что и я пыталась сделать все это время, помогая Катерине планировать.

Впервые, когда я смотрю на Луку, я улавливаю проблеск того, каково это, быть его партнером в чем-то, работать вместе. Это не так уж плохо, если я буду полностью честна сама с собой.

Мы начинаем направляться к лимузинам, когда Лука внезапно протягивает руку, останавливая нас с Катериной.

— Подождите, — говорит он. — Рауль только что прислал мне кое-что. Оставайтесь здесь, — добавляет он неожиданно глубоким и повелительным голосом. — Я вернусь через минуту.

Катерина выглядит слегка бледной и тянется к руке Франко.

— Я должен помочь Луке, — говорит он, и я поворачиваюсь к нему при этих словах, впиваясь в него взглядом.

— Это твой день с Катериной, — выпаливаю я, мой голос звучит резче, чем я слышала за долгое время. — Беспокойся о своей жене, по крайней мере, в течение двадцати четырех часов.

Франко смотрит на меня, на мгновение замолкая от шока.

— Следи за своим языком, — резко говорит он, придя в себя. — Луке не понравится, что ты так со мной разговариваешь.

— Франко! — Катерина восклицает, но он отстраняет ее.

— Я думаю, Лука согласился бы со мной, — говорю я категорично, все еще не уверенная, как у меня вообще хватает смелости говорить. Честно говоря, я не знаю, как Лука отнесся бы к тому, что я разговариваю с его подчиненным боссом подобным образом, но с точки зрения ранга, я почти уверена, что Франко должен уважать жену босса. Что касается того, как я должна относиться к Франко, я действительно не знаю. И, честно говоря, мне действительно все равно.

Франко открывает рот, чтобы что-то возразить, но звук возвращения Луки, Рауля и остальных останавливает его.

— Что случилось? — спрашиваю я, и мой желудок сжимается при взгляде на лицо

Луки. О чем бы он ни узнал, это не может быть хорошо.

— Они напали на приемную в отеле, — говорит Лука, его голос мрачен от едва сдерживаемого гнева. — Все было разрушено, персонал держали под дулом пистолета. Франко, я отправляю вас с Катериной обратно в дом Росси с удвоенной охраной. Я не думаю, что они ожидают, что вы проведете свою брачную ночь там, а не в отеле или своей квартире. Завтра мы отправляемся в путешествие, чтобы разобраться во всем этом. Но вы с Катериной заслуживаете своей первой брачной ночи. — Он бросает на меня взгляд. — Мы вернемся в пентхаус.

Катерина так бледна, что ее розовая помада выглядит как яркий розовый разрез на ее лице, рубины ярко выделяются на ее коже.

— Лука мне страшно, — шепчет она. — Свадьба...

— Мне жаль, что ваша свадьба испорчена, — говорит Лука, и я слышу искреннее извинение в его тоне.

— Меня не волнует прием, — говорит Катерина, махая рукой. — Важная часть сделана. Но они не останавливаются, Лука. Что, если...

— Все прекратится — резко говорит Лука. — Если мне придется... — он умолкает. — Это не те вещи, о которых тебе следует беспокоиться в день твоей свадьбы, — говорит он более осторожно. — Иди с Франко. Я позабочусь о том, чтобы вас хорошо охраняли. Вам привезут еду от поставщика провизии. Сегодня вечером вам ни о чем не придется беспокоиться. Я обещаю.

Мы остаемся в церкви еще немного после того, как Катерина и Франко уходят, а гости расходятся. Я вижу, как Лука тихо разговаривает с отцом Донахью и несколькими охранниками, и я отстаю, примостившись на одной из скамей, ожидая, когда он закончит. Мне приходит в голову, насколько изменилась наша динамика за такое короткое время. Если быть честной, это мне нравится больше. Взаимное уважение, предварительный мир, что бы это ни было нового, что возникло между мной и Лукой, это лучше, чем то, что у нас было раньше.

Мы возвращаемся в пентхаус сразу после наступления темноты. Лука глубоко вздыхает, когда за ним закрывается входная дверь, и я вижу облегчение, отразившееся на его лице. Тогда я понимаю, что здесь безопаснее, и это заставляет меня пересмотреть, совсем чуть-чуть, его подлинные мотивы, заставившие меня остаться здесь с самого начала. Что, возможно, только возможно, это было потому, что он действительно чувствовал, что это самое безопасное место для меня, а не только потому, что он хотел контролировать свою жену.

Мы едим еду, присланную поставщиком провизии, в относительной тишине, никто из нас не знает, что сказать. Мы должны танцевать на приеме у Катерины прямо сейчас. Вместо этого мы сидим в нашей тихой столовой, поедая филе и крабовый пирог, которые должны были быть за столом, накрытым белой скатертью, с фиалками в центре.

— Я собираюсь еще раз проверить охрану перед сном, — говорит Лука, когда мы заканчиваем. — Встретимся наверху.

— Хорошо. — Я слегка улыбаюсь ему. — Увидимся наверху.

На полпути к спальне Луки... нашей? Я останавливаюсь в холле. У меня возникает внезапное желание сделать что-то другое, что-то особенное для сегодняшнего вечера. Я не знаю, из-за свадебной церемонии, прерванного приема или чего-то еще в целом, но мысль о выражении глаз Луки, когда он вернулся, чтобы сказать Катерине, что день ее свадьбы

пришлось сократить, вызывает у меня желание сделать что-нибудь для него. Что-нибудь, что заменит этот образ совсем другим.

Я захожу в комнату, которая была моей, открываю дверцу шкафа. Ближе всего к ней находится белая кружевная ночная рубашка и халатик baby doll из шелка, которые были частью нижнего белья, купленного для меня Лукой. Тогда я восприняла это как покушение на мою девственность, за которую я цеплялась, злобный способ напомнить мне, что, если бы он захотел этого, он мог бы это забрать. Теперь, глядя на то, что висит нетронутым в моем старом шкафу, кажется, что это способ повторить мою брачную ночь. Я могла бы надеть это для Луки, и сегодня, в ночь, созданную для любви, мы могли бы попробовать еще раз.

Я вытаскиваю ее из шкафа, перенося в комнату. В спальне я снимаю фиолетовое платье подружки невесты, вешаю его на стул, сбрасываю туфли на высоких каблуках и снимаю украшения. А затем я надеваю шелковую ночнушку, вздыхая от удовольствия, когда она скользит по моей коже. Это так чувственно, просто надевать ее. Она ниспадает до середины бедер, хрупкая шелковая, как красное платье, которое я надела на наше свидание, и ощущение, что под ней ничего нет, одновременно уязвимо и эротично. По подолу, тонкая полоска прозрачного кружева на талии еще больше кружев по краям выреза, она ничего не скрывает. Мои соски соприкасаются с шелком, твердея при мысли о том, что Лука увидит меня в этом, и я надеюсь, что он отреагирует именно так, как я ожидаю.

Халат из того же легкого, воздушного шелка, и я оставляю его запахнутым, когда надеваю его, направляясь в ванную. Я оставляю макияж, но распускаю волосы, позволяя им упасть тяжелыми темными локонами вокруг моего лица. Мои губы все еще слегка розовые даже после ужина, и даже в моих собственных глазах я выгляжу сексуальнее, соблазнительнее, чем должна быть любая девственная невеста.

Я слышу шаги Луки в коридоре и выхожу в спальню, чувствуя внезапный прилив нервозности. Что, если он сочтет это глупым? Что, если ему это не понравится?

Но когда дверь открывается, он замечает меня. Выражение его лица говорит мне совсем о другом.

СОФИЯ

— София. — Он выдыхает мое имя, входит в комнату и позволяет двери закрыться за ним. — Что это?

Я слегка дрожу, когда иду ему навстречу на полпути, преодолевая расстояние между нами, и Лука движется мне навстречу. Он тянется ко мне, как только я оказываюсь достаточно близко, его руки проскальзывают под халат и скользят по кружевам на моей талии.

— Я думаю, это должно было быть моим нижним бельем для нашей брачной ночи, — тихо говорю я и чувствую, что слегка краснею при воспоминании. — Я думала... я думала, что смогу надеть это, и мы... мы могли бы попробовать еще раз. — Даже когда я говорю это, я чувствую себя глупо. Я не могу потерять свою девственность дважды. Мы не можем изменить того, как прошла та ночь. Точно так же, как мы не можем отменить все, что говорили и делали до этого. Притворство, что мы в Париже, и вечера кино дома ничего не

могут изменить, но Лука не смотрит на меня так, будто считает меня глупой. Вместо этого в его глазах горит огонь, которого я никогда раньше не видела, даже в наши самые страстные моменты.

— Ты выглядишь прекрасно, — бормочет он. — Красивее, чем когда-либо, — он умолкает, и я протягиваю руку, поглаживая пальцами v-образную складку кожи там, где расстегнута его рубашка.

— Я хотела сделать что-то особенное, — шепчу я. — Что-то другое.

Я никогда раньше не раздевала его. Лука остается очень неподвижным под моими руками, пока я расстегиваю рубашку по одной пуговице за раз, вытаскивая ее из брюк его костюма и стягивая ткань с его плеч. Вид его мускулистой груди и рельефного пресса, изгиб его рук, когда рубашка соскальзывает, заставляет меня дрожать от желания. Я не могу представить, что есть мужчина, красивее, чем Лука, такой идеально сложенный. Я хочу прикоснуться к нему всем телом, что я и делаю, полностью отдаваясь своим желаниям.

Он вздыхает от удовольствия, когда мои руки скользят вниз по его груди, мои пальцы прослеживают рельефный пресс вниз к поясу. Я медленно расстегиваю его, и Лука негромко стонет, когда я тянусь к его ширинке.

— Мы можем притормозить, если ты хочешь, — начинает говорить он, но я игнорирую его, расстегивая молнию на его брюках и спуская их с бедер, чтобы они собрались вокруг его ног.

Он уже твердый, такой эрегированный, каким я его еще не видела, его член свободно выпрыгивает и почти касается пресса, когда он напрягается вверх, явно жаждущий прикосновений. Я сбрасываю халат, позволяя шелку упасть на пол, чтобы присоединиться к его одежде, я смотрю на него снизу вверх, опускаюсь на колени и тянусь к его члену.

— София... — Лука выдыхает мое имя, когда моя рука обхватывает его член, удивление окрашивает его тон. — Ты не обязана...

— Я знаю. — Я задавалась вопросом, каково это было бы сделать это с тех пор, как он впервые набросился на меня той ночью, когда он безжалостно дразнил меня, и теперь, похоже, сегодня самое подходящее время попробовать. Я хочу доставить ему такое же удовольствие, какое он доставлял мне, и я наклоняюсь к нему, нервозность и возбуждение смешиваются, когда я высовываю язык.

Лука стонет, когда кончик моего языка обводит головку его члена, слизывая уже образовавшуюся там капельку предварительной спермы, и я издаю тихий звук, когда впервые пробую его на вкус. Ободренная звуком, который он издает, я снова провожу языком по нему, слегка проводя им под головкой, прежде чем прижаться к нему губами, продвигая их вперед, когда я беру его в рот в первый раз.

— Черт возьми, София... — Лука слегка покачивается, и я кладу руку ему на бедро, чтобы собраться с духом. — Боже, это так чертовски приятно.

Я чувствую напряжение в его бедрах, и я знаю, что он хочет засунуть больше себя в мой рот, протолкнуть его в мое горло и заставить меня взять все это. Одна мысль об этом пугает и возбуждает меня одновременно, и я пытаюсь взять больше, чувствуя, как мои губы растягиваются вокруг его толстой длины, когда я беру еще на дюйм, а затем еще.

Лука позволяет мне исследовать его, мои пальцы обхватывают ствол, когда я начинаю пытаться двигаться, слегка покачиваясь вверх-вниз, я провожу языком вверх-вниз по его длине и возвращаюсь к головке, посасывая между ними. Я уверена, что в этом нет ничего особенного, но ему, кажется, все равно. Его пальцы перебирают мои волосы, он стонет надо

мною, глядя на меня сверху вниз.

— Ты выглядишь такой чертовски красивой с моим членом во рту, — бормочет он хриплым от вожделения голосом. — Я представлял это так много гребаных раз, София — он снова стонет мое имя, когда я всасываю его до самого горла, постепенно обретая уверенность.

— Если ты продолжишь это делать, я собираюсь кончить. — Пальцы Луки сжимаются в моих волосах. — Боже, я хочу кончить на твои сиськи, в твой рот, на твое лицо...

Я так возбуждена, что могла бы позволить ему делать все эти вещи, но мне нравится временный контроль, который я получаю от этого. Мне нравится чувствовать себя ответственной за его удовольствие. Я слегка отстраняюсь, чувствуя себя смелее, чем когда-либо в своей жизни, когда смотрю на него снизу вверх, губы нависают прямо над его головкой, когда я шепчу:

— Давай начнем с моего рта.

Лука смотрит на меня с недоверием, но, прежде чем он успевает что-либо сказать, я опускаю свой рот обратно вниз, теперь посасывая сильнее, проводя языком вверх и вниз, пытаюсь подтолкнуть его к оргазму. Я хочу почувствовать это, попробовать его на вкус, желание, пульсирует в моей крови, когда я сначала глажу его бедро одной рукой, затем провожу ладонью по его бедру другой. Аромат его кожи наполняет мой нос, его вкус и ощущения переполняют меня. Я так увлечена этим, что почти не слышу его предупреждения, когда спина Луки выгибается дугой, а его рука на мгновение крепче сжимает мои волосы.

Поначалу меня поражает его стремительность. Я чувствую, как его член пульсирует у меня во рту, набухая и твердея еще больше, когда он стонет надо мной со звуком сдавленного удовольствия, а затем первая горячая струя его спермы стекает по моему языку в горло.

Я немного задыхаюсь, а затем сглатываю, мое горло сжимается в конвульсиях, когда Лука выпускает волну за волной спермы мне в рот, заполняя его, пока я глотаю, снова и снова, продолжая сосать, пока, наконец, он нежно не отталкивает мое лицо назад, задыхаясь и постанывая, когда отстраняется.

— Черт возьми, София...

— Тебе понравилось? — Я облизываю губы, и выражение чистой похоти появляется на лице Луки.

— Я собираюсь показать тебе, насколько мне понравилось, — рычит он, потянувшись ко мне. Не успеваю я опомниться, как оказываюсь на спине на кровати, и он крепко целует меня, казалось бы, не заботясь о том, что только что кончил мне в рот. Его рука гладит мою щеку, пробегает по волосам, а затем он спускается вниз по моему телу, его руки скользят по моей груди и талии.

Он берет в рот один сосок, облизывая мою грудь через шелк ночной рубашки, а затем движется дальше вниз, задирая подол, когда наклоняется между моих бедер, раздвигая их, чтобы получить доступ, которого он так желает.

Первое прикосновение его языка заставляет меня вскрикнуть, моя спина выгибается дугой, когда его язык проникает в мою киску, облизывает до самого клитора, кружит, трепещет и посасывает, пока я беспомощно не начинаю стонать, мои руки запутываются в его волосах. На этот раз никаких поддразниваний, только его рот заводит меня все выше и выше, пока он не вводит в меня два пальца, зацепляя ими мою киску и надавливая на то место, которое сводит меня с ума, пока сочетание его языка и пальцев не становится

слишком сильным, и я чувствую, как мои пальцы запутываются в его волосах, мой рот приоткрывается, когда мой стон переходит в крик, все мое тело напрягается от удовольствия, такого приятного, что кажется, будто его слишком много. Точно так же, как я продолжала двигаться, когда он кончал мне в рот, Лука не останавливается, его язык ласкает мою чувствительную плоть, пока я, наконец, не отстраняюсь от него, задыхаясь и содрогаясь от толчков оргазма.

— Мне нравится, какая ты на вкус, — рычит Лука, двигаясь вверх по моему телу, чтобы снова поцеловать меня, и я пробую себя на его губах. Он снова тверд, его тяжелая эрекция прижимается к внутренней стороне моего бедра. — Ты такая чертовски вкусная. Я не могу насытиться твоим вкусом. Я не могу насытиться тобой — он целует мою шею, наклоняясь, наклоня свой член так, что головка входит в меня, но вместо того, чтобы вонзиться сразу, он начинает двигаться медленно, погружаясь в меня дюйм за дюймом, чтобы я могла чувствовать все это, каждую его частичку, пока он медленно берет меня.

Когда он, наконец, полностью погружается в меня, Лука нависает надо мной, его руки упираются по обе стороны от моей головы.

— Я редко был с одной и той же женщиной больше одного раза, — тихо говорит он, — и даже тогда это было всего дважды. Я никогда не хотел кого-то так, как хочу тебя, София. Я никогда не чувствовал себя настолько зависимым от кого-то. Таким потерянным, как будто я не могу выкинуть тебя из головы. Как будто я не могу вспомнить, каково это, когда тебя здесь нет.

Затем он снова целует меня, и минуты сливаются друг с другом, когда мы двигаемся навстречу друг другу, выгибаясь дугой, напрягая тела и влажную кожу, переплетая руки, когда Лука входит в меня долгими, медленными движениями, которые, кажется, длятся вечно, связывая нас теснее, чем когда-либо прежде. *Это занятие любовью*, — смутно думаю я, и даже когда я вспоминаю, что Лука сказал мне, что он не может любить меня, что мы никогда не полюбим друг друга, что этого никогда не будет, мой разум, тело, сердце и душа решительно отвергают это. Я не могу представить, что такое любовь, если не это: два тела, стремящиеся к совместному удовольствию, сплетенные в клубок, из которого ни один из нас никогда не захочет вырваться, дышащие дыханием друг друга, чувствующие кожу друг друга, наши сердца бьются вместе, пока я не забываю, которое из них мое, а которое его.

Я чувствую, как он начинает кончать, и когда я это делаю, мое тело сжимается вокруг него в волне удовольствия, которая заставляет меня чувствовать, что я разваливаюсь по швам, растворяясь полностью. Я слышу свои пронзительные стоны, мои хриплые выдохи его имени в тот самый момент, когда Лука прижимается ртом к моему плечу, выдыхая мое имя в мою кожу, в то время как его член пульсирует внутри меня, его оргазм изливается в меня горячим порывом, когда мы прижимаемся друг к другу, содрогаясь от удовольствия, которое, кажется, никогда не закончится.

Мы остаемся так долгое время, заключенные в объятия друг друга, Лука все еще внутри меня, его член слегка размягчается, все еще частично твердый. Когда мы наконец распутываемся, мне хватает времени только на то, чтобы снять ночную рубашку и отбросить ее в сторону. Затем Лука заключает меня в объятия, притягивает к своей груди и кладет подбородок мне на макушку.

— Я должен свозить тебя в свадебное путешествие, когда все это закончится, — мягко говорит он. — Куда захочешь.

Я прижимаюсь лицом к его груди, вдыхая его аромат.

— Это было бы замечательно, — шепчу я, и я серьезно. Я не могу представить, каково это, отправиться в отпуск с Лукой, в какое-нибудь экзотическое и красивое место, только мы вдвоем, но мне вдруг захотелось выяснить. Больше всего на свете я хочу сбежать отсюда вместе с ним, отправиться туда, где Братва не сможет нас найти, где исчезнут все опасности, нависшие над нашими головами.

— Завтра мы с Франко должны попытаться решить русскую проблему, — тихо говорит он, словно слыша мои мысли. — Возможно, меня не будет несколько дней. Пообещай мне, что останешься здесь, София. Пообещай, что у тебя не будет никаких неприятностей, что ты сделаешь так, как я прошу, и будешь осторожна. Если ты захочешь увидеть Катерину, она придет сюда. Я попрошу Кармен проведать тебя. Прямо сейчас опасно, — добавляет он, как будто я этого еще не знаю. — Мне нужно твое слово, что ты не сделаешь ничего, чего не должна.

В любое другое время я, возможно, разозлилась бы на то, что мне отдают приказы, но я слишком расслаблена и устала. Я думаю, он просто присматривает за мной, мой мозг затуманен возбуждением и удовольствием.

— Хорошо, — бормочу я, прижимаясь ближе к его груди. — Я обещаю.

— Хорошо. — Лука наклоняется, нежно целуя меня, затем он тянется к моей ноге, перекидывая ее через свою, когда я чувствую, как его член твердеет напротив меня.

— Давай сделаем это снова.

* * *

Я проснулась, но Луки уже не было. Для меня оставлена записка, в которой сообщается, что он не хотел меня будить и вернется, как только сможет. Впервые я замечаю, каким пустым выглядит низ записки, где подписано только его имя. Никакого люблю. Ничего, кроме его имени, нацарапанного снизу.

Прошлая ночь казалась чем-то большим. Это было похоже на любовь, но я знаю, что лучше не позволять себе думать о чем-то подобном. В конце концов, это приведет только к боли. Наслаждайся тем, что у тебя есть, думаю я про себя. Это лучше, чем я думала, что это будет.

Вскоре после завтрака приходит Катерина. Она выглядит усталой и более печальной, чем обычно, и у меня сжимается грудь при виде ее лица.

— Ты в порядке? — Спрашиваю я, готовя ей чашку чая, когда она садится на кухне. — Прошлой ночью...

— Это было прекрасно, — говорит она, ее губы слегка подергиваются. — Наверное, лучше, чем я ожидала. Я не знаю, чего именно я ожидала. Франко не казался слишком разочарованным. Ему понравилось, что я девственница, но, знаешь, это срабатывает только один раз. Так что в любом случае, надеюсь, он был достаточно счастлив, чтобы насладиться этим.

— Он был нежным? — Я хмуро смотрю на нее. — Он не причинил тебе вреда, не так ли?

Катерина качает головой.

— Он был нежным. Это просто... я не знаю, что я чувствовала, на самом деле. Я имею в виду это было просто более... отстраненно, я думаю. — Она с благодарностью принимает у меня чай. — Может быть, если бы все было более спокойно, если бы мы могли отправиться в свадебное путешествие — она пожимает плечами. — Но, конечно, мы не можем, когда Братва у нашего порога. И потом, моего отца должны скоро выписать, но его состояние все

еще неважное, и без моей матери мне нужно присматривать за ним. — Она делает паузу. — Честно говоря, именно поэтому я пришла не только поговорить о Франко.

— О? — Я смотрю на нее с любопытством. — О чем ты хотела поговорить?

— Я хотела спросить тебя, пойдешь ли ты со мной в больницу сегодня днем. Я должна пойти и поговорить с врачом, прежде чем они отпустят его домой, организовать медицинское обслуживание на дому, пока он не закончит восстанавливаться после операции, и... — Катерина делает глубокий, прерывистый вдох. — Я просто не могу пойти одна. Я действительно не могу. Пожалуйста, пойдём со мной?

Больше всего на свете я хочу сказать ей да. Мысль о том, чтобы оставить ее разбираться со всем этим в одиночку, ранит меня до глубины души, но я помню серьезность в голосе Луки прошлой ночью.

— Я пообещала Луке, что не выйду из дома, — медленно произношу я. — Он специально попросил меня остаться здесь, пока его не будет, не делать ничего, чего я не должна. Он будет расстроен, если...

— Все будет по-другому, если он узнает, зачем тебе нужно выйти, — настойчиво говорит Катерина. По выражению ее лица я вижу, как отчаянно она не хочет оставаться одна. — И, кроме того, ему не обязательно знать. Я ничего не скажу если хочешь, клянусь.

Не может быть, чтобы Лука не узнал. Я уверена, что он как-нибудь узнает. Он всегда все узнает. Но может быть, она права, рассуждаю я. Может быть, он понял бы, если бы знал обстоятельства. И, кроме того, что может случиться? Катерина сейчас в такой же безопасности, как и я. Все будет хорошо, говорю я себе. Ты нужна ей.

— Хорошо, — сдаюсь я. — Я пойду.

Даже когда слова слетают с моих губ, я знаю, что это плохая идея, но то, как загорается лицо Катерины, вселяет в меня уверенность, что я поступаю правильно.

До тех пор, пока Лука не слишком разозлится.

* * *

Когда мы входим в больничную палату, глаза Росси загораются, когда он видит свою дочь, единственную настоящую положительную эмоцию, которую я когда-либо видела от него, но выражение его лица так же быстро мрачнеет, когда он видит меня. Я отстраняюсь, пока он тихо разговаривает с Катериной, чувствуя себя неловко не в своей тарелке. Я здесь только для того, чтобы поддержать Катерину, напоминаю я себе занимая место у окна, пока они разговаривают.

— Я собираюсь пойти поговорить с доктором, — наконец говорит Катерина. — Подожди здесь, София. Я не хочу, чтобы он был один.

Остаться наедине в комнате с Росси последнее, что я когда-либо хотела бы делать. Но я просто киваю, чувствуя себя застрявшей теперь, когда я пришла сюда, чтобы помочь Катерине. Я чувствую, что должна делать все, что ей от меня нужно, поэтому я остаюсь на месте, ерзая на стуле, когда она выходит в коридор, чтобы найти доктора.

— Ты. — Голос Росси пререзает тишину в комнате, холодный, жесткий и хриплый. — Иди сюда.

— Я просто подожду здесь, пока Катерина не вернется, — начинаю говорить я, и Росси кашляет, немного приподнимаясь.

— Может, ты и жена Луки, но я все еще твой старший. — Он прочищает горло, его лицо краснеет. — Иди сюда.

Это последнее, что я хочу делать в мире, но я также не хочу, чтобы у него случился

сердечный приступ или что-то в этом роде, не тогда, когда Катерина и так такая хрупкая. Поэтому я неохотно встаю, пересекаю комнату и подхожу к его кровати.

— Что вы хотите? — Я стараюсь говорить как можно спокойнее, когда Росси поворачивается ко мне, его глаза темные и злые, когда он смотрит на меня.

— Ты знаешь, что ты причина всего этого. — Хрипит он. И это не вопрос. — Все, что произошло, эта эскалация с Братвой, все это твоя вина. Ты и твоя грязная русская сучка мать. — Он кашляет, с хрипом дыша, когда смотрит на меня. — Я никогда не должен был позволять Луке выполнять гребаное обещание твоего отца. Я должен был убить тебя, когда у меня был шанс.

— Витто. — Мне следовало догадаться, что лучше не называть его по имени. Он выглядит почти фиолетовым от ярости, его челюсть работает, когда он наклоняется ближе.

— Ты должна надеяться, что Лука не узнает правду о том, почему Виктор хотел, чтобы ты стала его женой, — шипит Росси, и я смотрю на него, мои глаза расширяются от шока.

— Он не хотел...

— Он хотел, — говорит Росси, в его тоне слышится удовлетворение. — Он хотел жениться на тебе и трахать твою тугую девственную дырочку каждую ночь, пока не засунет в тебя еще одного русского щенка, сына, в котором он так отчаянно нуждается, чтобы взять то, что он хочет от нас, и сохранить это. Но Лука добрался до тебя первым. Хотя даже он не знает, почему ты такая особенная.

— Ты бредишь. — Для меня мой голос даже звучит не так, как мой, холоднее и тверже, чем я когда-либо слышала. — Тебе нужно отдохнуть. Ты не понимаешь, что говоришь. Луке бы не понравилось, что ты так со мной разговариваешь...

— Лука — гребаная ошибка, — рычит Росси, задыхаясь на середине предложения. — Он слаб. Я не должен был давать ему то, что он получил, я должен был, блядь, пристрелить тебя, как русскую сучку, которой ты и являешься...

Я пытаюсь отстраниться, от тона его голоса по моей коже пробегают мурашки, воздух в комнате внезапно становится ледяным холодом, но Росси бросается ко мне, одновременно дергая за провода от капельницы и отключая аппарат, к которому он все еще привязан. Я уворачиваюсь от его руки, но она цепляется за крестик у меня на шее, срывая мамино ожерелье и оставляя его болтаться в его кулаке.

— Верни это! Верни! — Восклицаю я, но он уже прячет его в ладони, когда вбегают медсестра и Катерина, обе с широко раскрытыми глазами.

— Что здесь происходит? — Требует медсестра, и Росси откидывается на спинку кровати, тяжело дыша и кашляя.

— Эта девушка ...опасна, — говорит он, захлебываясь словами. — Я не знаю, почему она здесь, ей здесь не место.

— Это же София, ты ее знаешь, — говорит Катерина, ее лицо смертельно бледно. — Папа, все в порядке, она просто здесь, чтобы помочь мне...

— Уведите ее отсюда! — Рычит он, и я отступаю назад, мое сердце бешено колотится в груди, когда я протискиваюсь мимо медсестры. Я почти выхожу из комнаты, но, прежде чем я успеваю выскользнуть, внезапная, ужасная волна тошноты накрывает меня.

Я с трудом добираюсь до ванной, прежде чем меня выворачивает над унитазом, все, что я съела со вчерашнего вечера, выливается туда, и меня тошнит снова и снова, пока мой желудок болезненно не сжимается, а в горле не саднит.

— Вы в порядке? — Голос медсестры заставляет меня подпрыгнуть, и я киваю,

протягивая руку, чтобы сохранить некоторое расстояние между нами, пока вытираю рот комком туалетной бумаги, мои руки дрожат.

— Я в порядке, — отвечаю я. — Просто сейчас эмоциональный момент, вот и все. Все действительно напряженно.

Но даже когда я это говорю, мой разум скачет назад, производя вычисления, о которых я не удосужилась подумать. В конце концов, мы с Лукой предохранялись, за исключением того, что мы этого не сделали в ту ночь, когда он примчался ко мне домой после того, как в дом вломился злоумышленник. И мы этого не делали на крыше. И прошлой ночью мы тоже этого не делали, но виной всему та первая ночь, если вообще что-то произошло. Потому что, когда я считаю, я понимаю кое-что, от чего мне снова хочется вырвать.

Мои месячные задерживаются чуть больше чем на неделю.

ЛУКА

Мне никогда не нравились пытки.

Но я должен сказать, что на этот раз это было не так сложно, как часто бывало в прошлом. На самом деле, было едва ли не труднее отстраниться от этого, удержаться от того, чтобы зайти слишком далеко. Чем бы Виктор ни угрожал своим солдатам, чтобы заставить их молчать, это, должно быть, ужасно, потому что я использую все известные мне методы, все имеющиеся у меня уловки, все болезненные вещи, которые я могу себе представить, чтобы попытаться выведать у них, когда, почему и как они нападут на нас, почему Виктор настаивает на невесте в качестве цены за мир, чего они, возможно, надеются достичь. Я даже заставляю Франко на некоторое время сменить меня, просто чтобы все переварить, но он тоже ничего не может из них вытянуть. К тому времени, как я выпускаю последних бойцов Братвы, которых нам удалось задержать, пол склада покрыт кровью и потом, зубами, ногтями и мочой. Мы не ближе к поиску пути продвижения вперед, чем были раньше. И это заставляет меня подвергать сомнению все.

Единственное, что каждый из них ясно дал понять, это то, что София находится в центре всего этого. Они охотятся за ней. Виктор настаивает на том, чтобы Катерина стала его женой, сейчас это просто его личное желание, и они хотят, чтобы она была схвачена или мертва. Кажется, на самом деле не имеет значения, что именно, но это все, что мы смогли вытянуть, что бы мы ни делали.

Я не могу защитить ее. И они подбираются слишком близко.

Эта мысль проносится у меня в голове снова и снова, пока я выхожу к докам. Я не хотел так глубоко увязать с Софией. Я хотел держаться на расстоянии, спрятать ее где-нибудь в безопасном месте после свадьбы и забыть о ней по большей части. Именно по этой причине, потому что она отвлекает. Мои чувства к ней мешаются с работой, которую мне нужно выполнять, и это делает меня неспособным отстраниться и выполнять эту работу так, как мне нужно. Мне раньше не нужно было передавать дела Франко на некоторое время, чтобы все переварить и пытаться разговорить их.

Мне также это слишком понравилось. И я не хотел останавливаться. Я хотел убить их за то, что они когда-либо думали, что могут поднять руку на Софию. В ночь свадьбы Катерины,

после того как мы с Софией закончили во второй раз, я понял, что совершил ошибку. Я был чертовски близок к тому, чтобы сказать ей, что люблю ее. Я был на грани этого, когда кончил во второй раз, слова вертелись у меня на кончике языка, и я заставил себя сдержаться. Позже, лежа в постели рядом с ней, я думал о том факте, что с тех пор, как я спас ее из того гостиничного номера, мне даже не хотелось прикасаться к другой женщине. Я подумал о том, сколько раз мы спали вместе, хотя раньше я старался не возвращаться больше одного раза. Я думал о том, как она заставляет меня чувствовать себя почти зависимым, снова желать ее даже после того, как я только что кончил, думать о ней, пока она не со мной.

Сейчас я понял, что что бы я ни чувствовал к ней: любовь, похоть, зависимость, одержимость, это слишком сильно. Слишком сильно. Мне нужно отступить. Воздвигнуть стены, которые всегда должны были сохранять дистанцию между нами. Потому что ничего не изменилось. Если я сблизусь с ней, если я позволю ей приблизиться ко мне... но если я буду честен, она уже это делает, тогда ее можно использовать против меня. Виктор или кто-либо другой сможет манипулировать мной. Изменить мои решения, заставить меня делать то, чего я бы иначе не стал. Моя голова никогда больше не будет полностью ясной. И если я буду честен до конца, я уже опасно близок к этому, если я еще не там. Поэтому, когда я возвращаюсь домой, под ногтями у меня все еще кровь, и рубашка все еще испачкана ею, я говорю себе, что, как бы больно это ни было, прошедшая ночь с Софией перед моим отъездом должна быть последним разом, когда я прикасаюсь к ней вот так. Если мы занимаемся сексом, это должно быть холоднее, практичнее, средство удовлетворения похоти, и ничего более. Это не может быть таким интимным, таким личным.

И затем, как будто мое настроение и так было недостаточно плохим, мои эмоции перепутались в неудобный и незнакомый клубок, я узнаю от Рауля, что София ослушалась меня, пока меня не было.

— Она поехала в больницу с Катериной, — говорит он мне, и на мгновение я прихожу в такую сильную ярость, что краснею. Я даже не слышу причину "почему" или другое слово, которое говорит Рауль, пока направляюсь к лифту, ведущему в пентхаус.

К тому времени, как я вхожу, меня почти трясет от ярости. Вот почему, думаю я, бродя по квартире в поисках Софии. Вот почему я не могу позволить себе испытывать к ней чувства, вот почему я не могу допустить такого рода близости, вот почему для нее лучше бояться меня, чем заботиться обо мне. Я был идиотом, думая, что для нас возможны сложные свидания на крыше и ночи, проведенные вместе, смеясь над фильмами, что я могу каким-то образом получать подобные обычные удовольствия, будучи кем угодно, но не обычным человеком.

Я глава крупнейшей преступной организации в мире, а не муж, который каждый день приходит домой на ужин. Не отец-футболист. Не мужчина, которому достаются атрибуты нормальной жизни. Это цена за ту жизнь, которую я вел и продолжаю вести, и я всегда был рад ее заплатить. Нет причин начинать настаивать на этом сейчас. Единственный способ обезопасить Софию, убедиться, что она слишком боится ослушаться меня, чтобы она почувствовала, что моя власть над ней абсолютна, чтобы она знала, что лучше не игнорировать мои приказы. Она не может думать, что мы равны, что между нами есть близость или партнерство.

Это только убьет ее. И если я допущу такую близость между нами, и ее убьют, это разобьет меня. Я знаю это. Я сделаю то, на что иначе никогда бы не решился, чтобы спасти

или отомстить за нее.

Мне никогда не было суждено иметь любовь. Я никогда не хотел иметь жену, которая была бы чем-то большим, чем симпатичный трофей, который можно время от времени доставать и выставлять напоказ, чем то, во что можно время от времени втыкать свой член, когда я хочу получить удовольствие дома, с меньшими усилиями, чем для того, чтобы подцепить другую женщину. Именно за такое мышление я цеплялся, когда мне сказали, что мне придется жениться на Софии, чтобы спасти ее жизнь.

Я не знаю, когда я потерял это. Но сегодня все меняется. Сейчас.

София на кухне, когда я нахожу ее. Она оборачивается с улыбкой на лице, которая тут же исчезает, когда она видит выражение моего лица, кровь, все еще забрызганную мою кожу и рубашку. Хорошо, я думаю, мой мозг перегружен эмоциями и замедлен тем количеством дисциплины, которое требуется, чтобы заставить себя довести дело до конца. Ее улыбка сменяется настороженностью, а затем страхом, когда я подхожу к ней, и ее крик, когда я поднимаю ее на руки и перекидываю через плечо, заставляет мою грудь болеть сильнее, чем следовало бы.

— Отпусти меня! Лука, что происходит — кричит она, вырываясь из моих объятий, но я держу ее всю дорогу до спальни. Быстрым движением я опускаю ее на пол, пытаюсь сдержать вожделение, которое поднимается во мне, когда я смотрю, во что она одета: джинсовую мини-юбку и белый укороченный топ из какого-то мягкого материала, который так и просится, чтобы я провел по нему руками.

— Я знаю, что ты была в больнице. — Мой голос темный, сиплый, хриплый от всех разговоров, которые я вел сегодня, пытаюсь убедить русских изменить Виктору, чтобы они могли сохранить хотя бы несколько своих пальцев или ногтей на ногах. — Что я тебе говорил, София?

— Ты сказал мне оставаться здесь, — говорит она тихим голосом. — Но Катерина...

— Мне все равно. — Я вижу, как она отшатывается от резкости в моем голосе, но я не останавливаюсь. — Меня не волнуют твои оправдания. Ты знаешь, что я делал сегодня, София?

Ее взгляд скользит по мне, по крови, и я вижу, как она становится еще бледнее.

— Я могу догадаться, — говорит она тихим голосом.

— Это то, кто я есть, София. Кровожадный человек. Убийца. Душегуб. Мучитель. Человек, который сделает все, чтобы сохранить то, что мне было дано. Мужчина, который сделает все, чтобы защитить тебя, поскольку ты часть этого. Ты моя, София, — рычу я, делая шаг к ней. — Я думаю, ты забыла об этом.

— Нет, я просто...

— Ты просто думала, что тебе это сойдет с рук. Ты думала, что можешь послушаться меня, и не будет никаких последствий. Посмотри на меня, София! — Мой голос повышается, заполняя комнату, и она отшатывается. — Я похож на человека, которому можно не повиноваться без последствий?

Я ненавижу страх, который, как я вижу, наполняет ее глаза. Я ненавижу то, что пугаю ее, что кричу на нее, когда все, чего я хочу, это заключить ее в объятия и сказать ей, что мне нужно, чтобы она была в безопасности, что мысль о том, что ее убьют из-за того, что она не смогла меня послушать, заставляет меня чувствовать себя наполовину безумным, диким от ярости. Что если я не могу защитить ее, я больше не вижу, в чем, блядь, смысл всего этого. Но я не могу ничего из этого сказать. Потому что мне нужно возвести стены между мной и

Софией настолько высокие, чтобы ни у кого из нас не возникло желания пытаться взобраться на них снова.

Это единственный способ обезопасить нас обоих.

Ее глаза затуманиваются слезами, угрожающими пролиться, но я игнорирую это. У меня сдавливает грудь, как будто трудно дышать, и просто видеть ее после нескольких дней отсутствия заставляет меня хотеть ее больше, чем чего-либо, чего я когда-либо хотел в этой гребаной жизни. Я чувствую себя наркоманом, гоняющимся за кайфом, отчаянно нуждающимся в тепле ее тела, окружающего меня, в ослепляющем удовольствии погружаться в нее, в экстазе освобождения.

Одним быстрым движением я делаю шаг вперед, поднимаю ее и бросаю лицом вниз на кровать. Она визжит, пытаясь повернуться ко мне лицом, но я задираю ее юбку до самой задницы, моя рука прижимает ее к кровати, когда я стаскиваю с нее стринги, оставляя их запутанными вокруг одной лодыжки, когда я раздвигаю ее ноги.

— Лука!

— Блядь, ты уже такая влажная, — бормочу я, жестко вводя в нее два своих пальца. Она стонет, ее задница приподнимается в воздух и прижимается спиной к моей руке, даже когда она извивается на месте. Я уже тверд как скала, болезненно пульсирую от потребности кончить, и я расстегиваю молнию, высвобождая свой ноющий член. Это единственное удовольствие, которое я могу получить, единственная короткая передышка, которую я получаю, и мне это чертовски нужно.

Мне нужна София.

Но это должно быть так, чтобы оттолкнуть ее от меня. А не так, чтобы снова сблизить нас, несмотря ни на что. Поэтому я не заставляю ее кончать первой. Вместо этого я высвобождаю пальцы из ее сжимающейся киски, наклоняю головку члена к ее входу и сильно толкаюсь.

Удовольствие, которое захлестывает меня при ощущении, как ее тугая киска сжимается на моем члене, заставляет мои пальцы на ногах подогнуться. Я начинаю толкаться, сильно и быстро, стремясь к собственному оргазму. Подо мной я чувствую, как она извивается, прижимается ко мне в попытке тоже кончить, ее пальцы цепляются за одеяло. Я не знаю, пытается ли она уйти или получить больше, но я говорю себе, что мне все равно.

— Лука. Лука, пожалуйста...

— Ты хочешь большего? Хорошо. — Я рычу эти слова, трахая ее сильнее, чувствуя себя наполовину безумным от этого, когда вхожу в нее снова и снова. — Возьми мой член, как хорошая жена. Ты можешь сделать хотя бы это, верно?

— Лука... — София снова шепчет мое имя. — Прости, я не имела в виду...

— Заткнись сучка, — рычу я. — Или ты хочешь проглотить мою сперму, чтобы тебе было чем занять свой рот?

Блядь. Что я делаю? Я не хочу говорить с ней таким образом, так, как я обращаюсь с ней, когда мы так сильно сблизились, но, если доброта и романтика заставляют ее не слушать меня, подвергают ее опасности, моя работа защитить ее. Оберегать ее, даже если это от нее самой. Даже если это означает быть доном, а не ее мужем. Даже если будущее, к которому мы стремились, невозможно.

Я чувствую, как мои яйца сжимаются, мое тело пульсирует от интенсивного удовольствия от приближающегося оргазма. Я толкаюсь снова, сильно, и еще раз, желая получить все возможные ощущения. Я не знаю, когда мы сделаем это снова. Может быть,

никогда, и от этой мысли мне хочется остаться внутри нее навсегда, держать ее здесь, пока мы не истощим друг друга до смерти. Я не могу представить, что никогда больше не окажусь внутри Софии. Но это уже не остановить. Ее тело ритмично сжимается вокруг моего, и я слышу, как она беспомощно стонет, испытывая оргазм, несмотря ни на что. Ее спина выгибается, и как раз в тот момент, когда я чувствую, что достигаю точки невозврата, я делаю единственное, что приходит мне в голову, что заставит ее почувствовать, будто я просто использую ее, что отдалит нас еще больше, чем все, что я уже сделал.

Я вырываюсь, стиснув зубы от боли в моем члене, когда хватаю ее за талию и переворачиваю на другой бок. И затем, когда она смотрит на меня широко раскрытыми удивленными глазами, я хватаюсь за свой пульсирующий член и начинаю быстро и сильно дергаться, издавая почти болезненный звук, когда чувствую первый прилив моего оргазма.

Я фантазировал о том, чтобы побывать повсюду в Софии с тех пор, как впервые увидел ее. Но не так. Она ахает от шока, когда первая струя попадает ей на лицо, ее рука онемело поднимается, чтобы коснуться ее кожи, в то время как моя сперма продолжает струиться по ней, попадая на ее груди, живот, кистку, бедра. Кажется, это длится вечно, кадр за кадром покрывая ее кожу, когда она отворачивается от меня, последние капли падают на ее обтянутое джинсовой тканью бедро.

Она мне ничего не говорит. Она просто отводит взгляд, отказываясь встречаться со мной глазами.

Я чувствую себя хуже, чем когда-либо за всю свою жизнь. Я чувствую... разбитое сердце, единственное слово, которое я могу подобрать, хотя это не имеет смысла. Ты должен любить кого-то, чтобы твое сердце было разбито, а я никогда не любил Софию. Верно? Я просто временно увлекся. Зависим. Но теперь я установил между нами дистанцию, которую она не скоро попытается пересечь. Она вернется в свою комнату. Я снова буду избегать ее. Иногда мы будем ссориться. Может быть, мы будем трахаться. Но у нас никогда не будет другой ночи, когда я был бы близок к тому, чтобы заняться с ней любовью, прижимая ее к своей груди, когда мы засыпаем, все еще находясь внутри нее.

Это больше никогда не повторится. Этого вообще не должно было случиться.

Так почему же от этой мысли мне так чертовски больно?

* * *

Мне нужно с кем-нибудь поговорить. И это приводит меня в место, куда я стараюсь ходить как можно реже, в церковь. Точнее, в кабинку для исповеди. На самом деле я не исповедуюсь. Я не могу представить, как говорю вслух отцу Донахью о том, что я сделал, что я только что сделал Софии. Помимо того факта, что я не хочу этого признавать, мне кажется немного жестоким говорить священнику о том, что я кончил женщине на лицо, чего он никогда не сможет сделать.

Однако все, что я могу сделать, это поговорить с ним обо всем остальном, и я это делаю. В конце концов, все заканчивается тем, что мы сидим на одной из скамей, и я смотрю вверх, на то место, где не так давно я женился на Софии.

— У нас с Росси разногласия, — говорю я ему категорически. — Я хочу мира. Я хочу договориться с русскими, найти какой-нибудь способ положить конец этому конфликту. Но Виктор отвергает все мои попытки. А Росси считает меня слабым, потому что я отказываюсь сразу переходить к убийству.

— Ты знаешь мое мнение на этот счет, — говорит отец Донахью. — Я всегда верил, что у тебя был потенциал стать хорошим человеком, Лука. Твой отец был хорошим человеком

при всех его недостатках.

— И как именно мне это сделать? — Я слышу нотки горечи в своем голосе. — Я хочу мира, когда все вокруг меня хотят войны. Я пытаюсь защитить свою жену, а она меня не слушается. Я пытаюсь сделать все, что в моих силах, чтобы начать новую эру, эру без кровопролития, и куда бы я ни обратился, я чувствую, что все они против меня.

— Ты в незавидном положении, — признает священник. — Но я верю в тебя, Лука. Я вижу, что есть между тобой и Софией. Она молода, но сильнее, чем ты думаешь. Со временем она могла бы стать тебе хорошей женой. Возможно, даже сейчас она то, что тебе нужно, хотя ты об этом и не подозреваешь.

— Мне не нужна жена. Мне нужно отодвинуть угрозу. Мне нужно, чтобы Братва убралась с моего порога. Я женился на ней только для того, чтобы Росси не убил ее, но волки продолжают выть из-за нее, и я не знаю почему.

— Тебе следует поговорить об этом с Софией, — серьезно говорит отец Донахью. — Есть вещи о ее семье, которые тебе следует знать. Но не мое дело делиться секретами Ферретти.

— Даже если мне нужно знать, чтобы защитить ее?

— Даже так. — Отец Донахью хмурится. — Лука, я знаю, что я священник. Ты скажешь, что, хотя я благословляю браки, я понятия не имею, что происходит в одном из них, что на самом деле значит быть женатым изо дня в день. И я бы сказал тебе, что, хотя это правда, я знаю значение обязательства. Я дал обет этой церкви, и я его сдержал. Я дал клятву отцу Витто Росси, и я сдержал ее. Я дал клятву твоему отцу и отцу Софии, и я ее сдержал. Все эти годы я старался поддерживать мир между фракциями как мог. Я был священником, консультантом. Я председательствовал на похоронах, свадьбах и крещениях. Я был там, чтобы благословить тебя, когда ты был ребенком так же, как я был там, чтобы присоединиться к тебе в браке. Но Лука... — он делает паузу, выражение его лица более серьезное, чем я когда-либо видел. — Я не хочу видеть тот день, когда твой гроб погрузится в землю. Я не хочу быть тем, кто проводит эти похороны.

— Я не хочу, чтобы ты пережил меня, старина, — сухо говорю я. — Но я не понимаю, какое это имеет отношение к моему браку. Я не хотел брать на себя такие обязательства. Я произносил клятвы, но в моем сердце единственной клятвой, которая имела значение, была клятва защищать ее. Все остальное было просто словами, которые я должен был сказать.

— Тем не менее, ты их произнес. И вместе вы будете сильнее, чем в одиночку, Лука. — Отец Донахью смотрит на меня, его лицо по-прежнему серьезно. — Послушай меня, сын. Вы можете сражаться с ними по отдельности или вместе, но, если вы сражаетесь друг с другом, как вообще может быть мир? Даже если Братву удастся отбросить, для тебя никогда не будет мира, пока ты продолжаешь в том же духе.

Затем он встает.

— Иди домой к своей жене, Лука. Позволь ей утешить тебя. Будь мужчиной, которым, я знаю, ты можешь быть.

— И каким, собственно, мужчиной? — Я не могу скрыть сарказм в своем голосе, но отец Донахью, кажется, этого не замечает.

— Тем, кто не боится.

Я долго не двигаюсь с места после того, как он исчезает в глубине церкви. Я не совсем понимаю, что он имеет в виду под этим, и уж точно понятия не имею, какие секреты, по его мнению, есть у Софии, о которых я не знаю.

Но единственное, что я знаю наверняка, это то, что я ни за что не пойду домой сегодня вечером.

СОФИЯ

На следующее утро я просыпаюсь на своей старой кровати в комнате для гостей, мой желудок скручивает от тошноты, а голова раскалывается от слез. Все мое тело болит, и я хочу верить, что все, что произошло вчера, было плохим сном. Однако, когда воспоминания обо всем этом возвращаются, я понимаю, что это не сон. Мой желудок снова переворачивается, и я едва успеваю встать с кровати и добраться до ванной, чтобы успеть в туалет, мои внутренности снова выворачиваются наружу, когда меня обильно рвет.

Я опускаюсь на пол, прикрывая рот рукой, пытаюсь не разрыдаться. Я чувствую себя такой разбитой, и это еще одна вещь, с которой я не знаю, как начать справляться. Разговор с Росси в больнице был достаточно ужасным, потеря ожерелья моей матери после того, как он сорвал его с меня, и то, как он произнес это так, как будто это я настроила себя враждебно. Смушение и страх того, что меня вырвет у всех на глазах, и осознание того, что у меня задержка.

Я была уверена, что, когда Лука вернется домой, по крайней мере, это будет единственное, что будет лучше. Я с нетерпением ждала его возвращения. А потом он вошел на кухню, окровавленный от... чего именно? Пыток? Я могла только догадываться о том, что он делал. Не потрудившись сначала помыться, он затащил меня в спальню и трахнул без малейшего беспокойства... и кончил на меня, как на дешевую шлюху. На мои волосы. На мою грудь. На все мое тело и одежду. На мое лицо.

А потом он просто ушел.

Это повергло меня в ужас. То, как он вел себя то, как он разговаривал со мной, то, что он сказал, то, что он сделал. Кровь на его руках и одежде, когда он трахал меня, как будто его не волновало, что на нем все еще была кровь других мужчин, когда он был внутри своей жены.

Я ошибалась на его счет. Это единственное, о чем я могу думать снова и снова. Мужчина, который поднял меня на крышу, который подарил мне бриллиантовый браслет, пока я сидела в ванне с пеной, который смотрел со мной фильмы и занимался со мной любовью, это был не Лука. Возможно, это было своего рода временное помешательство. Краткая вспышка осознания того, что он другой человек. Но он не такой.

Слезы подступают к моему горлу, горячие и густые, душат меня. Эти двое мужчин так отличаются друг от друга. Даже если бы оба были реальны, Лука, который может быть жестоким, окровавленный мужчина, который мучает и убивает, и мужчина, который нежен со мной, который обнимал меня и шептал мне приятные вещи, который доставил мне удовольствие, превосходящее все, что я когда-либо представляла, я не знаю, как примирить это. Я не знаю, как я смогу любить их обоих. Это самая сложная часть всего этого, но я не могу игнорировать это. Лука, который был добрым и нежным... я начала влюбляться в него. Я знаю, что уже люблю. И такое чувство, как будто эта нежная, новая эмоция была сейчас раздавлена. Уничтожена.

Я чувствую себя уничтоженной.

Есть и другая проблема, с которой нужно разобраться.

Я в ужасе от прохождения теста. Я знаю, каким будет ответ, есть не так уж много причин, по которым меня может тошнить в любое время дня без каких-либо других симптомов, кроме истощения и пропущенных месячных, особенно если учесть, что время после того, когда Лука прилетел ко мне домой, совпадает так идеально. Я сбилась со счета, сколько раз у нас был секс в ту ночь и на следующее утро, и мы ни разу не воспользовались презервативом. Ни единого раза.

Если я забеременею, последствия этого будут астрономическими. Я вижу подписанный мной контракт, как будто он сейчас плывет у меня перед глазами, параграф, в котором четко указано в недвусмысленных выражениях: если на каком-либо этапе нашего брака я забеременею, независимо от того, является ли ребенок законным результатом моего союза с Лукой Романо или результатом неверности, беременность будет немедленно прервана, как только она подтвердится. Если беременность не прерывается, я понимаю, что это фактически аннулирует настоящий контракт. Лука Романо больше не несет ответственности и не может обеспечить мою безопасность или безопасность моего ребенка. Ни я, ни мой ребенок не получим финансовой поддержки или защиты. Лука Романо ни в коем случае не признает отцовства над ребенком. Если будет предпринята попытка установить отцовство в случае расторжения брака, ребенок будет изъят из-под опеки и помещен в другое место.

Не нужно было быть гением, чтобы понять, что “помещенный в другое место” был способом сказать, что любой ребенок, на рождении которого я настаиваю, который, как я пытаюсь доказать, был от Луки, или который позже найдет Луку и настоит на том, чтобы его признали, будет убит так же быстро и эффективно, как и я. Это был просто способ не указывать слово “убийство” в юридическом контракте. Но нам повезет, если мы зайдем так далеко. Как только я попытаюсь сбежать, моя жизнь и жизнь ребенка будут под угрозой, их сразу внесут в список подлежащих уничтожению. Лука сказал, что у него нет желания убивать меня, если я попытаюсь сбежать из нашего брака только то, чтобы вернуть меня, но распространится ли это на обстоятельства, при которых я буду беременна? Условием нашего брака было то, что у нас никогда не будет детей. И теперь я нарушила условия контракта. Мы нарушили, но Луке никогда не придется брать на себя ответственность. Я достаточно знаю о том, как устроена эта семья, чтобы понимать это.

Мне все еще нужно пройти тест, но я уже знаю. И я в ужасе от подтверждения, потому что тогда мне придется сделать выбор.

Даже когда я думаю об этом, я не вижу, как может быть какой-либо выбор. Несколько дней назад у меня была бы надежда, что Лука, возможно, передумал, что он не будет выполнять условия контракта. Я даже не до конца понимаю, почему это происходит, и я надеялась, что смогу заставить его разъяснить, прежде чем я буду знать наверняка. Но после того, что он сделал вчера, как он говорил со мной, я не могу доверять ему, что он не заставит меня довести дело до конца. Этот Лука был прежним Лукой, тем, кто так грубо обращался со мной до нашей свадьбы, кто был жесток и холоден по отношению ко мне. Который пытался быть моим хозяином, а не мужем.

Я чувствую себя преданной за то короткое время, когда все было по-другому, когда он был другим. Я чувствую себя нелюбимой и покинутой, совершенно одинокой. И когда я дотрагиваюсь до своего все еще плоского живота, я думаю о реальности рождения собственного ребенка, маленького сына или дочери. Кого-то, кого я могу любить

безоговорочно. Кто-то, кто мог бы полюбить меня в ответ.

Внезапно, с этой мыслью, я не могу вынести мысли о потере этого ребенка. Я вспоминаю свой последний разговор с отцом Донахью перед свадьбой. Я помню, что он сказал мне:

— *София, в присутствии Господа и Святой Матери, в память о твоём отце, я сделаю все, что в моих силах, чтобы защитить тебя и обеспечить твою безопасность. Если наступит день, когда ты захочешь покинуть Луку, все, что тебе нужно сделать, это войти в эти двери, и я найду способ.*

Следующая мысль, которая приходит мне в голову, острая, немедленная и абсолютно определенная.

Я должна выбраться отсюда. Я должна добраться до церкви.

Вчера я видела, как Катерина вводила код лифта, и я почти уверена, что запомнила их. Если я смогу выйти на улицу, я смогу поймать такси и добраться до церкви. И после этого отец Донахью поможет мне.

Я знаю, что он это сделает.

* * *

Когда я выхожу на улицу, идет дождь. Код сработал, несмотря на мои дрожащие пальцы и неуверенность, но цифры, которые, как мне показалось, я видела, как вводила Катерина, были правильными. И вот я выхожу на улицу Манхэттена, холодный дождь пропитывает мою тонкую футболку, когда я машу рукой такси. В этот момент на моем запястье появляется свет, и я понимаю, что все еще ношу браслет Луки. Я не знаю почему. Какая-то часть меня испытывает искушение снять его и выбросить в канаву, но я этого не делаю. Возможно, мне придется продать его позже, говорю я себе, но даже я знаю, что это не вся причина.

Я просто не могу смотреть на все слишком пристально после всего, что произошло.

Уже поздно, но отец Донахью открывает дверь, когда я стучу в нее, устало прислоняясь к ней. Я промокла насквозь, и когда он открывает дверь собора и видит меня там, промокшую под дождем и с покрасневшими глазами, на его лице появляется странное выражение.

— София? — Я слышу беспокойство в его голосе. — Все в порядке? Я имею в виду... так не должно быть, чтобы ты была здесь в таком состоянии. Что случилось?

Я смотрю на его доброе, обеспокоенное выражение лица и тут же раздражаюсь слезами. А затем, через несколько минут, я все объясняю. Ну, не все. Я определенно не вдаюсь в явные подробности. Но я рассказываю ему о своих ссорах с Лукой, о том, как он примчался ко мне домой после того, как злоумышленник чуть не убил меня, о наших свиданиях, о том, как я думала, что все становится лучше. О том, как я поняла, что мои чувства к нему растут. А затем я объясняю о ребенке, о том, что я почти уверена, что беременна, и о контракте, который означает, что я абсолютно не должна этого делать.

— И ты думаешь, Лука заставит тебя соблюдать этот контракт? — Отец Донахью глубоко хмурится. — То, на чем он настаивает, является тяжким грехом. Но не ты будешь нести бремя этого, если он будет настаивать на этом.

— Я не хочу этого. Я хочу своего ребенка. — Произнося эти слова вслух, я чувствую себя более уверенной, чем когда-либо, в том, что это правда. — Но я не думаю, что Лука уступит этому. Я не знаю, почему для нас так ужасно иметь детей. Но даже эта причина имеет не такое большое значение, как тот факт, что я не могу доверять ему, и он заставит

меня прервать беременность.

— Ты сказала, что между вами все изменилось. Смягчилось.

— До вчерашнего дня. — Я делаю глубокий, прерывистый вдох. — Он пришел домой, и он был... другим. Я думаю, он причинил боль некоторым людям. Возможно, кого-то пытал, пытаюсь получить информацию. Он был холоден и жесток со мной. Я поехала в больницу с Катериной, хотя он просил меня не уходить, пока его не будет. Но он был так зол. Поначалу все было похоже на то, как было раньше. Я снова была в ужасе от него. Он не... — Я качаю головой, пытаюсь снова не заплакать. — Он не тот человек, за которого я его принимала.

— Возможно. — Отец Донахью выглядит задумчивым. — Возможно, нет.

— Мне нужен выход. — Я в отчаянии смотрю на него. — Мне нужен способ сбежать с моим ребенком. Такой способ, чтобы он никогда нас не нашел. Ты обещал, что поможешь, если ты мне когда-нибудь понадобишься...

— Я дал обещание. И я сдержу эту клятву, — отец Донахью внимательно смотрит на меня, его лицо серьезно. — Если ты уверена.

— Я уверена.

— Ну, потребуется немного времени, чтобы все уладить. Но я могу достать тебе новые документы, поддельное удостоверение личности, то, что тебе понадобится, чтобы начать все сначала. Ты можешь оставаться в доме священника, пока...

Раздается трескучий звук. Я отшатываюсь назад, пораженная, когда его глаза вылезают из орбит, изо рта течет струйка крови, когда он наклоняется вперед на своем месте, разбивая лоб о скамью перед собой. Позади него стоит мужчина, весь в черном, с маской на лице. Совсем как незваный гость в квартире, за исключением того, что у этого мужчины в руках лом. Тот, который он только что использовал, чтобы вырубить отца Донахью.

Я начинаю кричать, но рука в перчатке появляется у меня за спиной и зажимает мне рот. Я была так сосредоточена, так поглощена своими планами побега, что даже не заметила, как он подкрадывается в тени. Мои глаза застилают слезы, когда я смотрю на отца Донахью, обмякшего на скамье, и кровь стынет в жилах. Он убил его? О боже, что, если он мертв? Я никогда себе этого не прощу...

В глубине души я знаю, что он здесь из-за меня. Я не знаю почему, но я знаю, что он пришел за мной, что иначе его никогда бы здесь не было. Отец Донахью без сознания, истекает кровью, возможно, мертв из-за меня.

Это моя вина. Все это. Моя вина.

Я пытаюсь кричать, кусаться, скрежещу зубами от руки в перчатке, зажимающей мне рот, дико брыкаюсь, когда сильные руки, держащие меня, тащат меня назад через скамью в проход. Я пытаюсь бороться, но я далеко не так сильна, как мужчина, который держит меня.

Рука ослабевает всего на секунду, как будто мой похититель пытается что-то схватить, и я хватаюсь за эту возможность.

— Помогите! — Кричу я, безумно извиваясь в его объятиях, но это бесполезно. Он сильнее зажимает мне рот рукой, другой рукой откидывает мои волосы назад, так что мое лицо запрокидывается вверх.

— Заткнись, сука, — рычит он, и, к моему шоку, голос у него не русский. Здесь нет сильного акцента, как я ожидала, и мое сердце начинает учащенно биться, когда я понимаю, как это звучит.

Акцент был слабым, как у человека, который большую часть своей жизни провел в Штатах. Но это был акцент, с которым я знакома... я прожила с ним всю свою жизнь.

— *Итальянец*, — лихорадочно думаю я, когда влажная ткань закрывает мой рот и нос, заставляя меня вдыхать приторный запах того, чем она пропитана. Какого хрена это итальянец?

И затем, когда мое зрение начинает затуманиваться, меня накачивают наркотиками. О боже, меня похищают, и они накачивают меня наркотиками, я не могу убежать... Последняя мысль, которая проносится в моей голове, когда я падаю в объятиях моего похитителя, это страх, страх за себя, но в основном страх за моего ребенка.

За моего малыша, которого всего несколько минут назад я так отчаянно пыталась спасти.

Я предпринимаю последнюю, отчаянную попытку освободиться, но уже слишком поздно. Наркотик уже действует, и в глазах у меня темнеет, пока я цепляюсь за последнюю мысль о том, что я должна как-то это пережить.

Ради моего ребенка, ради малыша, которого я хочу больше всего на свете.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

Перевод осуществлён TG каналом [themeofbooks](https://t.me/themeofbooks) — t.me/themeofbooks

Переводчик_Sinelnikova